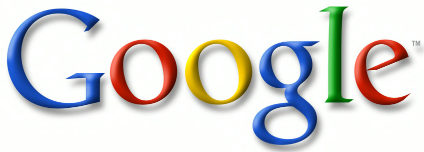
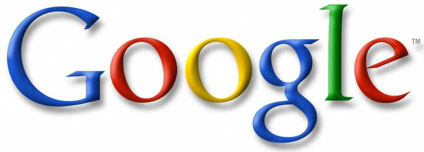

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

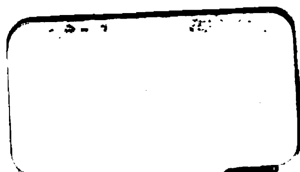

АНТОНЪ ИВАНЫЧЪ

ПОШЕХНИНЪ.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

АНТОНЪ ИВАНЫЧЪ

ПОШЕХНИНЪ.

ИЗДАНІЕ

Алексѣя Ушакова.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Сентября 31 дня 1854 года.

Цензоръ, Дѣйств. Стат. Сов и Кав. И. Снегиревъ.

РАЗГОВОРЪ

АНТОНА ИВАНЫЧА

ПОШЕХНИНА

СЪ ПОЭТОМЪ.

ПОЭТЪ.

(Дочитывая корректурные листы.)

Любовь, надежду, жажду славы,
Что было цѣлію святой,
Во что я вѣровалъ душой,
Все жизнь взяла, и міръ лукавый
Все отнялъ...

ПОШЕХНИНЪ.

Васъ манила въ даль
Мечта.

ПОЭТЪ.

Шепталъ мнѣ голосъ тайный:
«Иди! всѣ горести случайны!...
Теперь тебя томитъ печаль,
Страшитъ несбыточность благъ нашихъ;
Ребячество! Будь твердъ душой,
Блаженство пей изъ полной чаши,
Восторжествуй и надъ судьбой,
И надъ людьми!»

ПОШЕХНИНЪ.

Все то-жъ мечтанье,
Все то же дѣтское незнанье
Судьбы, и міра, и людей,
Людскихъ обычьевъ и страстей.

ПОЭТЪ.

Я смѣло шелъ. Жизнь красовалась,
Цвѣла роскошно предо мной,
Меня манила въ даль мечтой.
Душа желанно наслаждалась;
Я жизнь мою благословлялъ,
Я въ жизни сердцемъ ликовалъ!

ПОШЕХНИНЪ.

Но долго-ль васъ мечта манила?

ПОЭТЪ.

Не долго. Жизнь сама открыла
Обманчивость всѣхъ нашихъ благъ,
И я молился Провидѣнью,
И я жалѣлъ о прежнихъ дняхъ.

ПОШЕХНИНЪ.

То былъ святой урокъ терпѣнью.

ПОЭТЪ.

То былъ святой урокъ — въ трудахъ
Обрѣсть путь къ новому спасенью,
И я готовъ былъ на позоръ!
Я хлѣбъ кропилъ моей слезою,
Поникъ предъ гордыми главою,
Но что-жъ обрѣлъ у нихъ? Укоръ,
Улыбку и привѣтъ холодный,
Оледеняющій весь пылъ!
И кто бы міръ не разлюбилъ?...
Кто промѣнялъ на плѣнъ невольный,
На цѣпь невидимыхъ оковъ,
На узы рабскія приличій...

ПОШЕХНИНЪ.

Такъ должно. Міръ уже таковъ.
Никто не нарушай обычай,
Чтобъ не прослыть въ народѣ притчей.

ПОЭТЪ.

Обычьемъ ихъ я пренебрегъ.
Я самъ вступилъ въ борьбу съ судьбою.

ПОШЕХНИНЪ.

Идти бы въ-слѣдъ другихъ стезею!
Когда кто побѣдить не могъ,
Ужь побѣжденъ тотъ въ жизни этой.
И помощь гдѣ? и помощь въ комъ?
Въ родныхъ?

ПОЭТЪ.

Родные безъ привѣта;
Пріятель нынче незнакомъ;
Богатства надо имъ и власти!

ПОШЕХНИНЪ.

Увы! плохія-съ времена!
У каждаго свои несчастья;
А жизнь-то на труды дана.

ПОЭТЪ.

Вся жизнь моя — пустыя грезы.
Кто хлѣбъ въ мечтаніяхъ искалъ,
Тотъ жизнь и счастье промечталъ,
И промѣнялъ вино на слезы,
Обѣдъ у Лабади на хлѣбъ,

Чертогъ вельможи на лачужку,
Въ безсонницѣ полуослѣпъ,
И вотъ узналъ бѣду-старушку.
Стучится въ дверь; на костыляхъ
Вошла, лохмотьями прикрыла;
Во-слѣдъ ея — болѣзнь, могила,
Досчатый гробъ, — отъ славы-жъ...

ПОМѢХИНЪ.

Прахъ.
А вамъ бы на труды рѣшиться,
Идти смиренно за толпой.
Къ-чему томить себя мечтой!
Кто сѣялъ — жатвой насладится.
Художество и бѣдность — вздоръ!
Не можетъ быть художникъ нищій;
Ищи во всемъ для жизни пищи;
Ростовщикомъ быть не позоръ.

ПОЭТЪ.

Мнѣ нравится вашъ разговоръ;
Онъ поучителенъ...

ПОМѢХИНЪ.

По чувству
Я говорю; я самъ мечталъ.

ПОЭТЪ.

Мечтали?

ПОШЕХНИНЪ.

Къ разному искусству
Я принаравливалъ себя:
Все — пустяки.

ПОЭТЪ.

Что-жъ медлю я?
Горацій трусъ садилъ капусту,
И Цицеронъ, мужъ изъ мужей,
За золото губилъ друзей.

ПОШЕХНИНЪ.

Проценты, да-съ, приличны чувству;
Возьмите на сто сто рублей,
И скоро будете богаты.
Богатый же имѣетъ вѣсъ:
Кто-бъ ни былъ ты, но будь лишь Крезъ,—
Вездѣ растворятся палаты;
Къ себѣ вельможа зазоветъ
Поговорить о чемъ-то важномъ,
Взаймы попроситъ, и отважно
Суля, и руку онъ пожметъ,
И самъ ухаживать онъ будетъ,
Приличнѣй мѣста не найдетъ,

Гдѣ-бъ посадить....

У него давно

Въ казну ужъ все заложено,
Давно просрочено, пропало,
И въ васъ спасенья ищетъ онъ —
И къ вамъ все съ молотка упало.
Да здравствуетъ аукціонъ !
Кому-жъ и этого-то мало,
Ужомъ вползи, вотрись и жаль
Друзей, и бѣдныхъ, и богатыхъ,
И покровителей, и знатныхъ,
Да кланяйся. Спины-съ не жаль,
Не жаль и шеи-съ для поклона,
Языкъ отъ словъ не заболитъ;
За-то весь міръ о томъ кричитъ,
Что званъ на партію бостона,
Что въ знатныхъ и домахъ знакомъ.
Когда же партію составятъ
Старушки, то вездѣ разславятъ,
И вы—и съ вѣсомъ, и съ умомъ.

ПОЭТЪ.

Я вспомнилъ: кланяясь, бывало,
На корточкахъ и въ кучѣ слугъ,
И безъ труда и безъ заслугъ,
Премножество повыползало.

ПОШЕХНИНЪ.

А что-жъ, Молчалинъ развѣ глупъ?
А вамъ-съ и денегъ не добиться,
А вамъ безвыгодно жениться!
Когда же кто на деньги скупъ,
На умъ не поскупись, и къ знати
Въ прислугу, няньчить ихъ дѣтей.
Мы заживемъ подъ старость дней!
Въ нашъ вѣкъ все это будетъ кстати...
Нашъ вѣкъ совсѣмъ ужь не таковъ;
Нашъ вѣкъ усиленныхъ трудовъ,
Машинъ, паровъ, энциклопедій,
Журналовъ, повѣстей, комедій...
И для того ли вамъ съ судьбой
Бороться и бѣжать со свѣта,
Чтобъ фельетонъ съ насмѣшкой злой
Кольнулъ названіемъ поэта,
Чтобы смѣялся и смѣшилъ
Читателей изъ бѣдной платы?
Нѣтъ, тотъ, кто здѣсь съ душою жилъ,
Кого такъ мысли были святы,
Пусть поживетъ и безъ души.
Кто пишетъ, больше тотъ пиши,
Пиши, да только не стихами.
Писали прежде мы и сами,

Случалось эдакъ — и грѣшокъ,
На рыльцѣ, знаете, пушокъ.
Какъ въ баснѣ сказано Крылова.
Но вѣдь объ этомъ-то ни слова;
Извѣстно, каждый грѣшенъ самъ.
Притомъ писаки — цехъ задорный,
А вы, то есть, писатель скромный,
Поэтому не худо вамъ
Писать, какъ водится, изъ платы,
Статьи въ журналы составлять,
О славѣ-жъ вовсе не мечтать.
Вѣдь съ ней не будете богаты!...

ПОЭТЪ.

Не продолжай души томить,
И безъ того давно унылой!
Вашъ міръ я не могу любить.
Что есть — мое, что было — было,
И что сбылося надо мной,
То скроетъ отъ людей могила.

ПОШЕХНИНЪ.

И посмѣются надъ мечтой,
И прослывете вы поэтомъ
Непризнаннымъ. Таковъ ужь свѣтъ!

поэтъ.

Что общаго межъ мною, свѣтомъ
И вами?

пошехонецъ.

Вы, то есть, поэтъ...
Примите-жъ дружескій совѣтъ.

поэтъ.

Одни съ насмѣшкой, тѣ съ совѣтомъ!
Родныхъ, знакомыхъ и друзей
Не оберешься, такъ ихъ много!
Но не сужу объ нихъ я строго,
Я забавляюсь — и въ моей
Поэмѣ выведу на сцену,
Сведу со сцены — и опять
Себя я буду забавлять:
То тогу римскую надѣну,
То, чтобъ забавить, чтобъ увлечь,
Я прицѣплю картонный мечъ;
То въ маскѣ, въ платьѣ арлекина,
Любви семейная картина
Съ амуромъ зрячимъ, но хромымъ,
На грозный судъ предстанетъ имъ,
Ихъ жизни пошлой въ обличенье.
Стихи, поэта вдохновенье!

ПОШЕХНИНЪ.

Я падокъ былъ и до стиховъ,
И встарь любилъ ихъ на билетахъ,
Въ сюрпризахъ разныхъ и конфетахъ.
А нынче свѣтъ ужь не таковъ,—
Стихи-съ — занятіе пустое.

(Беретъ рукопись.)

Позвольте, что это такое?

(Читаетъ.)

Антонъ Иванычъ Пошехнинъ.
Да это — личность; и... въ печати!
Притомъ замѣтить надо кстати,
Антонъ Иванычъ я одинъ,
Пошехниныхъ же очень много;
Пошехнины — я, вы и онъ;
Но помните, что очень строго
За личность судитъ нашъ законъ.

АНТОНЪ ИВАНЫЧЪ

ПОШЕХНИНЪ.

Difficile est proprie
communia dicere.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Рожденіе Антона Иваныча.— Дѣтство его.— Ученіе. — Поступленіе на службу. — Педагогическія занятія.—Нѣкоторыя фантазіи Антона Иваныча.— Сужденія его о жизни женатаго и холостого. — Антонъ Иванычъ помышляетъ жениться.

1 Прошла пора великой Иліады,
А съ нею вмѣстѣ и другихъ
Поэмъ, умершихъ и живыхъ.
Хоть отъ поэмъ тѣхъ до баллады
Въ L'Art Poétique одинъ лишь шагъ;
Но мнѣ, какъ водится, въ стихахъ
Хотѣлось бы воспѣть героя.
О, муза! пой того, кѣмъ Троя...

Героя я вездѣ искалъ.
Я всѣ газеты прочиталъ:
Revue, Review, и даже наши;

Но не нашелъ героя. Ваши
Не по рукѣ, не по перу! —
И оттого я не беру
Ни одного; пишу безъ плана,
Безъ цѣли, такъ, чтобы писать.

Вѣдь я не обѣщалъ романа,
Иль повѣсти; а то начать
Я могъ бы прямо отъ пеленокъ,
Изобразить: и какъ ребенокъ
Взглянулъ тогда на Божій свѣтъ,
И въ чемъ ребенка былъ привѣтъ,
То есть, картину всю рожденья;
Но такъ какъ главный мой предметъ —
Для молодаго поколѣнья
Представить проще и вѣрнѣй,
То, кажется, чего простѣй,
Что на мученье и въ мученьи
Родился онъ, и при крещеньи
Былъ нареченъ тогда Антонъ.

Антонъ Иванычъ будетъ онъ
Для звучности въ произношеньи,
Для плавности моихъ стиховъ.

Но, слышу я, читатель, мало
Для васъ. Ужь нынче свѣтъ таковъ,

Что надо бы и мнѣ сначала
Представить весь героя родъ.
Откуда? какъ и гдѣ служили?
Иль воеводами ходили
По волѣ княжеской въ походъ?
Или сидѣли въ думѣ царской?
Иль за мѣста вели свой споръ
И шли спокойно на позоръ
Со всею важностью боярской? —
Не знаю подлинно всего,
И вамъ героя моего,
Какъ есть, какъ былъ, какимъ я знаю,
Безъ родословной представляю.

Антонъ Иванычъ Пошехнинъ
Рожденъ Татьяной отъ Ивана.
Отецъ — Иванъ, а мать — Татьяна,
И имъ-то въ утѣшенье сынъ
Судьбою посланъ въ мірѣ этомъ,
И въ жизни былъ для нихъ предметомъ
Того, чѣмъ гордъ такъ семьянинъ,—
Предметомъ материнской ласки
И попеченія отца...

На мать онъ походилъ съ лица,
И тѣ-жъ голубенькіе глазки,
И та же краска пышныхъ щекъ,

И тотъ же маленькой ротокъ,
И брови русыя дугою,
И носикъ ровный и прямой,
И волосъ въ кудри завитой.
Его наивной красотою
Отецъ плѣнялся, и не разъ
Слеза катилася изъ глазъ,
Когда при этомъ мать, бывало,
Отцу его напоминала
Свои дѣвичія лѣта,
Примолвивъ: «гдѣ ты красота?»
И мужъ тогда, его лаская,
Ей говорилъ: «моя родная,
Гляди, краса твоя вся въ немъ»; —
И улыбалися вдвоемъ.

А иногда, взявъ на колѣни
Малютку и склонясь челомъ,
Старикъ отецъ мечталъ о томъ,
Что надо много попеченій
И что разстанется онъ съ нимъ,
Хоть тяжко будетъ разставанье! —
И вздохомъ долгимъ и глухимъ
Онъ заглушалъ души рыданья,
Мечтая: «вновь я и она —
Одни, и снова жизнь грустна».
Такъ проходила жизнь простая,

И какъ всегда, и какъ вездѣ,
Въ мечтахъ, заботахъ и трудѣ.

Уже ребенокъ, подростая,
Игрушки бросилъ; уже онъ
За азбукой и за складами;
Уже не по лѣтамъ смышленъ.
Онъ въ школѣ, онъ опережаетъ
Другихъ и бойко онъ читаетъ,
И больше ужь отцу заботъ,
И мать украдкой слезы льетъ.
« Прости, дитя, прости, не долго
Теперь потѣшиться тобой!
Пойдешь ты жизненной тропой
И ужь натерпишься ты много,
Безъ вѣрной помощи, безъ насъ.
Умру, ты не закроешь глазъ
Моихъ, и у моей могилы
Ты не прольешь слезы, мой милый,
Дитя мое, мой дорогой! »
И третъ она глаза рукой.

За попеченьемъ попеченье
Объ немъ и тысяча заботъ;
А между тѣмъ дитя растетъ,
И быстро далѣе идетъ
Первоначальное ученье,

Универсальности полно.
Хотя темно и мудрено
Учитель учитъ по программѣ,
Въ отвѣтахъ, сжатыхъ въ тѣсной рамѣ,
Но смѣло ученикъ зубритъ,
Просиживаетъ дни и ночи,
Худѣетъ, бѣдный, впали очи,
Потускнулъ цвѣтъ живой ланитъ.
И вотъ ученіемъ онъ сытъ,
Онъ приготовленъ для занятій,
Вступить мечтая въ факультетъ
И удивить ученый свѣтъ.
Теперь я, право, очень кстати
Могу на новый школы ладъ
Ученый описать парадъ;
Но помолчу, и изъ приличья
Я не коснуся ихъ обычья,
Любимыхъ, старыхъ ихъ коньковъ;—
Начну объ немъ безъ лишнихъ словъ.

Герой мой былъ блондинъ собою,
Не отличался красотою,
И не былъ дуренъ, и порой
Могъ увлекать другихъ собой.
Хотя характеръ тихій, скромный,
Женоподобный и неровный,
Не сглаженный лѣтами слѣдъ.

Безстрастныхъ юношескихъ лѣтъ
И жизни долгой съ стариками,
Его на утрѣ дней во всемъ
Разрознилъ съ юными годами,
Сроднивъ съ заботой и трудомъ;
Но онъ могъ быть и въ высшемъ свѣтѣ,
Въ гостиной дамъ и на паркетѣ,
Лишь сбросьте тяготу заботъ
И дайте новое стремленье;
А то, какое увлеченье!
Трудами снискивай доходъ!

Герою было отъ рожденья
Безъ маленькаго двадцать лѣтъ,
Когда вступилъ онъ смѣло въ свѣтъ,
Въ свѣтъ не блестящій, въ свѣтъ чиновный,
И былъ по-прежнему онъ скромный
И добрый малый. Онъ служилъ,
И чинъ по службѣ получилъ,
То есть, служа себѣ исправно,
Онъ былъ совѣтникъ титулярный;
А это, знаете ли, что? —
Почти конецъ многотерпѣнью,
Почти прогрессъ къ обзаведенью,
Къ тому, чтобы носить пальто,
Имѣть особые расходы,
Шипучки пить, въ лото играть.

Для этого свои-съ доходы
И много надо-съ добывать.
Я знаю въ петербургской службѣ
Иной карьеръ, иной почетъ.
Тамъ жизнь келейно не гнететъ.
Въ Москвѣ-жъ не то, въ Москвѣ семсійно:
Есть тетки, дядюшки, родня,
Своя родня, своя семья,
Хотя и дальняя, примѣрно,
А ужь подъ кровъ ея, навѣрно,
Себя чиновникъ пріютитъ,
Полуодѣтъ, и полусытъ.
Занятья, правда, есть такія,
Всегда невѣрныя, плохія,
Тяжелыя, такъ, для иныхъ,
Не избѣжалъ герой мой ихъ.
Пока отецъ былъ живъ, трудами
Пропитывалъ жену, его;
Въ глазахъ онъ выросъ у него,
Рѣзвясь, бывало, какъ мы съ вами,
И весело учась. Ни тѣнь,
Ни облачко не затмѣвало
Кристалла свѣтлаго души,
И промелькнула жизнь въ тиши,
Какъ свѣтлый день. Отца не стало;
Состарилась старушка-мать,
Прося роднаго попеченья;

И служба въ первое спасенье
Была ему, и помышлять
Онъ началъ о своемъ значеньи,
О жизни тихой съ юныхъ лѣтъ.
У Печкина чай и обѣдъ
Былъ недоступнымъ идеаломъ;
Онъ жилъ по малости и въ маломъ;
Пріятелей не угощалъ,
И въ магазинахъ въ долгъ не бралъ,
И не любилъ ни увлеченій,
Ни страсти пылкой, ни стремленій
Къ тому, къ сему, иль такъ, подъ-часъ,
Ну, знаете, того, лукавый....
Не избѣжишь и этой славы
По молодости, въ двадцать лѣтъ.
Вѣдь двадцать лѣтъ—блаженства годы,
Пора любви, пора побѣдъ,
И каждый въ двадцать лѣтъ—поэтъ,—
Законъ того, то есть, природы...
Пальто и шляпу помоднѣй,
И съ тросточкой, и по бульвару,
За общій столъ, а тамъ и къ Яру...
И сколько эдакихъ затѣй!...
Но онъ былъ къ этому не падокъ,
Жилъ безъ долговъ и безъ оглядокъ,
Не тратилъ силы молодой,
Не увлекался суетой.

За-то имѣлъ квартиру, право,
Хотя-бъ секретарю! И что-жъ,
Что далека? Не за заставой!
Къ тому же домикъ былъ хорошъ:
Три комнатки, одна съ лежанкой,
И полисадникъ, и чуланъ;
Онъ сочинилъ для жизни планъ,
И вдругъ обзавелся кухаркой.
А это значитъ—свой домокъ,
Свои расходы трудовые;
Къ тому же прихоти иныя —
Халатъ и чай подъ-вечерокъ.

Будь твердость воли терпѣливой;
Когда-жъ судьба кого гнететъ,
Тогда ничто на умъ нейдетъ:
Жизнь тянется себѣ лѣниво,
Вдали—туманна перспектива,
Вблизи—подернуто все мглой.
Но мною избранный герой
Имѣлъ и цѣли и надежды,
Безъ себялюбія невѣжды,
Рѣшимость, твердость, стойкость, умъ,
И много чистыхъ, свѣтлыхъ думъ,—
Къ тому-жъ сноровку жить на свѣтѣ,
Что, право, очень мудрено —
И безъ чего, хотя имѣйте

Богатство Креза, все равно,
Не въ помощь будетъ и оно,
Какъ и имѣнье родовое.
Копѣйка — дѣло наживное,
Копѣйка бережетъ рубли...
И онъ сберегъ, и въ прокъ пошли.
Во-первыхъ, пріобрѣлъ онъ знанье,
Необходимое для всѣхъ,
Потомъ карьеръ для пропитанья,
Потомъ по службѣ свой успѣхъ;
То есть, онъ съ толкомъ и съ познаньемъ
Добился до всего, потомъ,
Въ добавокъ къ этому, трудомъ,
Умѣньемъ, скромностью, стараньемъ,
Немного далѣе шагнулъ
И въ службѣ класснаго ученья
Потусклый свѣточъ не задулъ.
Затеплилъ искрой просвѣщенья,
Пытаяся въ ученый свѣтъ;
Но не для славы, для карьера,
И что,—таить мнѣ,—въ двадцать лѣтъ,
Когда тверда такъ въ славу вѣра,
Онъ чуть не сдѣлался поэтъ,
И чуть совсѣмъ не бросилъ службы.
И надо было много дружбы
И ласки матери, чтобъ онъ
Былъ снова къ жизни возвращенъ.—

Когда-жъ грусть сгладилась невольно,
Тогда жизнь разцвѣла предъ нимъ,
И сердце выпорхнуло вольно
Залетной птичкою къ роднымъ;
И могъ ужь онъ дѣлить избытокъ
Съ старушкой матерью своей,
Ввѣрять свои надежды ей —
И весь прибытокъ и убытокъ
Надеждъ, желаній и страстей.

Такъ проходили дни за днями.
Пришла пора, и—грустно мать
Оплакалъ онъ. Но грусть съ лѣтами
Прошла, какъ все. И вотъ, опять
Жизнь улыбнулась, и съ улыбкой
Онъ руку жизни протянулъ,
И о минувшемъ не вздохнулъ.
Потомъ его умъ тонкой, гибкой,
Придумалъ тысячу путей
Для жизни, и потомъ смѣлѣй
Расширилъ самъ онъ кругъ занятій.
Жилъ comme il faut, на новый ладъ,
Хотѣлъ во всемъ попасть на складъ
Бюрократической всей знати.
Потомъ онъ заниматься сталъ
Хозяйствомъ. Осмотрѣлъ онъ строго;
Перемѣнилъ онъ очень много:

Квартиру вновь меблировалъ;
Еще прислугу принанялъ;
Ходилъ въ халатѣ и ермолкѣ;
Завелъ и трубку съ янтаремъ.
То онъ сидѣлъ передъ окномъ,
То книги уставлялъ на полкѣ,
И каждый праздникъ по утрамъ
Ходилъ къ обѣднѣ къ Вознесенью;
Тамъ свѣчку ставилъ къ образамъ,
И ужь не только всю обѣдню,
Молебенъ, проповѣдь стоялъ,
И дамъ къ каретамъ провожалъ
На паперти его взоръ томный.
За-тѣмъ онъ шелъ, доволенъ самъ,
Въ свою квартиру, въ домикъ скромный...

Чай ждетъ его. Напьется чаю
И пораздумается онъ:
« Дай до обѣда почитаю...
Нѣтъ, сяду я передъ окномъ...
Нѣтъ, лягу;—не здоровъ я что-то,
Усталъ, и такъ, не по себѣ...»
И вотъ мечтаетъ онъ съ заботой
О будущей своей судьбѣ.
Ему не достаетъ чего-то.
Вино, табакъ и чай — все есть.
Не скучно день—другой провесть.

Но онъ скучаетъ до обѣда
И, пообѣдавши, опять
Начнетъ за трубкою зѣвать.

Уже напротивъ у сосѣда
Давнымъ-давно ночникъ зажженъ,
А все сумерничаетъ онъ.
Да что за блажь нашла такая,
И отчего онъ такъ смущенъ,
Какъ надо ѣхать въ пансіонъ?
Такъ, право, мысль совсѣмъ пустая!
Ну такъ, пришла ему пора,
Что нынче скучно какъ вчера,
Что къ завтра нынче не далеко,
Что хорошо бы и вдвоемъ...
А тамъ уже о томъ, о семъ,
Что жить нельзя же одиноко,
Что еслибы, когда бы вотъ
Была хозяйка и подруга —
Помощница его заботъ...
Мечтаетъ онъ, да и вздохнетъ,
Что въ жизни нѣтъ для сердца друга.

Кого-жъ судьба ему пошлетъ?
Кто будетъ наша героиня?
Ужь недоступная-ль богиня,
Законодательница модъ?

Иль та, что даже спитъ, шнуровкой
Затянута, живой корсетъ!
Иль съ бѣлокурою головкой —
Красавица въ семнадцать лѣтъ,
Задумчивая, какъ поэтъ?
Или вальяжная мѣщанка
И въ золотѣ и въ жемчугахъ?
Иль, такъ себѣ, своя-жъ служанка?
Жанъ-Жакомъ не былъ онъ въ страстяхъ.
Хоть къ моему немного горю,
Читатель, въ томъ я и не спорю,
Что онъ не избѣжалъ проказъ...
И такъ чтожъ?
Онъ такъ немножко волочился,
Пріохорашивалъ себя,
И свѣтскости самъ-другъ учился,
Какъ и грядущіе мужья
До узъ желанныхъ Гименея
Грѣшать, любовью пламенѣя,
Въ чемъ можно и ему простить.
Нельзя-жъ, живя, и не грѣшить.

Въ гостяхъ чиновникъ запоздалый
Идетъ себѣ стопой усталой
До первой встрѣчи лишь съ красой, —
А тамъ, глядишь, онъ самъ не свой.
И часто на семейномъ балѣ

Съ почтеніемъ подходятъ къ шалѣ
Превосходительной жены,
Какимъ-то страхомъ смущены,
Иль чуть касаются перчаткѣ
Благочестивыхъ дочерей,
А подъ вечеръ, глядь, безъ оглядки,
При тускломъ свѣтѣ фонарей,
Бѣгутъ за каждою милашкой,
За милой Мери и за Машкой,
Опережаютъ, и опять
Готовы съизнова бѣжать.
Но это шалость, и иною
Онъ занятъ былъ тогда мечтою.
Онъ чаще сталъ бывать въ церквахъ,
На гульбищахъ, на вечерахъ,
Въ своемъ кругу, гдѣ всякъ знакомый,
Гдѣ, правда, все не такъ, какъ дома,
Не то, что стеганый халатъ.
Онъ посѣщалъ и балъ чиновный,
Всегда приличный, чаще скромный.
Онъ не былъ франтъ, онъ не былъ хватъ,
И въ тридцать лѣтъ такой солидный;
Кадриль онъ рѣже танцовалъ
И чаще въ преферансъ игралъ,
Составивъ тѣмъ карьеръ завидный,
И о супружествѣ мечталъ,
Какъ о доступномъ благѣ новомъ,

Какъ о надеждѣ лучшихъ дней,
Подъ счастливымъ семейнымъ кровомъ,
И былъ въ мечтахъ своихъ Протей.
Театръ и bal masqué и ложи
Влекли его. Все тоже, тоже,
Балетъ и Ирка-Матіасъ,
Файе и чудныя видѣнья!
Условный часъ, условный часъ!
Жизнь—мигъ, на мигъ и обольщенье.
И я съ тобой, и ты со мной,
Рука съ рукой!...
Онъ тѣмъ подъ уровень житейской
Попалъ, какъ всѣ. Въ толпѣ плебейской
Онъ былъ рѣшительный плебей,
И у подъѣзда, у театра,
Онъ корчилъ роль аристократа,
Жуировалъ тогда подъ-часъ,
Въ потьмахъ, безъ постороннихъ глазъ.
А все-жъ умѣлъ соблюсть приличье
И понималъ всю свѣтскость онъ,
И если такъ, на зло обычья,
Бывалъ мечтою обольщенъ,
То въ немъ раскаянье прямое
Являлось. Жизнь тогда свою,
Все доброе и все худое,
Онъ повѣрялъ, какъ есть, всю, всю,
И занятъ былъ своей судьбою,

Скучая жизнью холостою;
И вѣрилъ онъ своей судьбѣ,
И былъ онъ твердъ въ самомъ себѣ,
Не измѣня души стремленью
Къ семейному обзаведенью,
Не видя вовсе въ томъ хлопотъ,
И сваръ, и скуки, и заботъ.
И до-того онъ мыслью смѣлой
Проникнутъ былъ и пораженъ,
Что аппетитъ и самый сонъ
И все ему ужь надоѣло:—
То солнце свѣтитъ, да не такъ,
А что-то уже слишкомъ мало,
То мѣсяцъ всходитъ очень вяло,
То галстукъ кривъ, то узокъ фракъ,
То слишкомъ длинны панталоны,
То онъ объѣлся патощакъ,
То выпалъ день такой пречерный,
И хлѣбъ, то есть, перепекли,
И не дожарили жаркое,
И вафли какъ-то подожгли,
И платье подано худое,
И вмѣсто туфель башмаки,
И не заштопаны чулки,
И изъ мытья платокъ прежолтый,
Совсѣмъ загадили батистъ;
То въ окнахъ стекла не протерты,

Не стерта пыль и полъ не чистъ,
И изъ лакейской запахъ скверный;
То Вася — камердинеръ вѣрный —
Полтинникъ цѣлый не дочтетъ.
Онъ, снова повѣряя счетъ,
Мечтаетъ смѣло о супругѣ.
Онъ думаетъ: «женюсь, потомъ
Пойдетъ своимъ все чередомъ.
Я занимаюсь на досугѣ,
Сижу подольше вечеркомъ,
Встаю поутру съ большей лѣнью;
Меня ждетъ шолковый халатъ,
И предаюсь я наслажденью,
Я нѣжуся, и радъ я, радъ,
Что все идетъ въ порядкѣ, строго.
И къ перемѣнѣ-то не долго
Привыкнуть жизни холостой,
Когда глядишь: передъ тобой
Жена сидитъ, чай разливаетъ,
Или одна передъ окномъ
Шьетъ по канвѣ, романъ читаетъ,
Иль рѣчь ведетъ о томъ, о семъ,
О пансіонѣ, о подругахъ,
О новой оперѣ, досугахъ
Дѣвичьихъ, прежнихъ, обо всемъ».

Мечта рисуетъ чудно, живо,

Предъ нимъ, въ pendant супружнихъ дней,
И ревность, и рога мужей,
И женъ характеръ прихотливой,
И затушовываетъ вновь;
И снова новая картина
Изъ Грёза: вечеръ семьянина,
Довольство, счастіе, любовь,
Семейный кругъ подъ старой липкой,
Двѣ скрипки, вальсъ и полонесъ,
И самъ онъ, кажется, со скрипкой
Въ кругу малютокъ. А тамъ лѣсъ,
И рѣчка, и синѣетъ что-то...
И снова новая забота
Ему — помѣщику крестьянъ,
Отцу, супругу, семьянину...
И онъ, какъ будто сквозь туманъ,
Глядитъ на новую картину
И, засыпая съ этимъ, онъ
То видитъ тихій сладкій сонъ,
То сонъ тревожный, то съ полночи,
Какъ крѣпко онъ ни жмуритъ глазъ,
Заснуть не можетъ и на часъ,
Жжетъ въ горлѣ и пылаютъ очи.
Ему мечтается: она —
Его грядущая жена —
Глядитъ такъ барыней спѣсивой,
И такъ себѣ честолюбива,

И онъ, такъ, мальчикъ у жены.
Но были рѣдки эти сны,
И не на долго, не на долго
Онъ этой мучился тревогой.
Вновь поутру предъ нимъ жена
Являлась въ утреннемъ уборѣ,
И чувство искрилось во взорѣ,
И хороша была она.
То улыбнется, то съ привѣтомъ
Потреплетъ пухленькой рукой.
Онъ, обольщенъ своей мечтой,
Проснется, недовольный свѣтомъ
И блѣдной утренней зарей;
Готовъ спустить на окна шторы,
Готовъ заснуть, и жадно взоры
Предметъ любовно-дорогой
Отыскиваютъ въ полусвѣтѣ,
И тихо, тихо въ кабинетѣ.
Мечта исчезла. Жаль мечты!
Вотъ онъ на праздникъ суеты
Встаетъ лѣниво, и лѣниво
Чай разливаетъ, какъ поэтъ,
Полуодѣтъ, полураздѣтъ.
За-то какъ живо, суетливо,
Какъ тщательно, какъ горделиво
Онъ начинаетъ туалетъ!
Не даромъ, право, эти сборы

Начнутся съ самаго утра ;
И все не такъ, и вѣчно споры:
То, бритва, будто, не остра,
Не выбритъ подбородокъ гладко,
Прическа не къ лицу, жилетъ,
Фракъ, брюки, сапоги прегадко
Сидятъ на немъ. Но онъ одѣтъ,
Онъ передъ зеркаломъ заботно
Прическу поправляетъ самъ
И позу придаетъ ногамъ,
Лицу-жъ типъ мины беззаботной,
И отойдетъ, и подойдетъ,
И вдругъ раскинется небрежно
На креслахъ, и опять такъ нѣжно
И граціозно такъ встаетъ.

Въ манерахъ этихъ упражненье
Развило въ немъ изящный вкусъ ;
Но описать я не берусь,
Какъ совершилось превращенье;
Довольно и того, что онъ
Былъ будто вновь перерожденъ,
Мечтая о законномъ бракѣ.
Потомъ дополнилъ туалетъ:
Сюртукъ, и брюки, и жилетъ
Рено ужь шилъ, а нѣмецъ Таке
Украсилъ чудно форму ногъ.

За-тѣмъ онъ самъ почелъ за долгъ
Пройдти курсъ полный фехтованья,
Да брать уроки танцованья —
И Еголь въ ловкости помогъ.
Тогда онъ былъ совсѣмъ готовый,
Не позадумавшись ни въ чемъ,
Принять супружества оковы.
А это, право, случай новый:
Представить прежде женихомъ,
А послѣ мужемъ пресчастливцемъ,
То легковѣрнымъ, то ревнивцемъ,
Такимъ, какъ есть, какъ сотворенъ.
Но я въ одномъ лишь затрудненъ:
Кто будетъ героиня наша,
Хоть женскихъ множество именъ:
Наташа, Катя, Саша, Маша?...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Антонъ Иванычъ посѣщаетъ пансіонъ.—Нравственное вліяніе Антона Иваныча на пансіонерокъ.—Варя.—Характеръ Вари.—Жизнь ея домашняя, пансіонская, и добрыя намѣренія содержательницы пансіона.

Не знаю, вспомнитъ ли читатель,
Что мною избранный герой,
Какъ педагогъ-преподаватель,
Училъ. Урокъ былъ годовой
Въ одномъ учебномъ заведеньи,
Гдѣ, при смиреньи и терпѣньи,
Словесность онъ преподавалъ:
Училъ грамматикѣ по Гречу
И по Кошанскому читалъ
Риторику. Противорѣчу
Я также, какъ и Пошехнинъ,
Методѣ этого ученья.
Притомъ ни я, ни онъ одинъ,—

Объ ней невыгоднаго мнѣнья, —
Всѣ вообще; а между тѣмъ
Ученье шло себѣ исправно,
Успѣшно, и дѣвицы славно
Учились у него....
Я это говорю безъ шутокъ:
Его безславье — мнѣ хула.
И директрисса имъ была
Довольна. Онъ отъ директриссы
За каждый мѣсячный урокъ,
Бралъ деньги по билетамъ въ срокъ,
Причемъ, изъ всей прислуги, лысый
Лакей былъ награждаемъ имъ,
И величалъ его своимъ
Добрѣйшимъ бариномъ, Антономъ
Иванычемъ, и не съ поклономъ
Вводилъ его, но съ торжествомъ;
Да, такъ себѣ, еще иная
Изъ нянекъ, нянька молодая
Шептала барышнямъ объ немъ,
Что какъ-то на Тверскомъ бульварѣ
Ее одну онъ повстрѣчалъ
И неотвязно провожалъ,
И говорилъ въ какомъ-то жарѣ
Все, то есть, съ нею; но о чемъ?—
Плутовка скромно умолкала
И зажимала ротъ платкомъ,

Чтобъ въ классѣ громко не смѣяться.
Тогда всѣ подходили къ ней:
«Скажи намъ, няня, поскорѣй,
Что говорилъ?» И покосятся,
И потрунятъ онѣ надъ ней,
И будто имъ не любопытно;
А между тѣмъ, у няньки скрытно
Разспроситъ каждая не разъ,
Что говорилъ съ ней глазъ-на-глазъ...
Объ немъ онѣ мечтали скромно
И часто спорили объ немъ;
А онъ совсѣмъ не зналъ о томъ;
Не замѣчалъ онъ, что иная
Краснѣетъ, глазки потупляя,
Иль взглянетъ — и огонь въ очахъ,
И эта блѣдность на щекахъ.
Онъ мыслитъ: «робость и незнанье
Урока, съ лѣностью подъ-часъ»,
И не спускаетъ съ робкой глазъ;
И этой робкой въ наказанье
Подруги шепчутъ: «ты, Катишь,
Такъ на него теперь глядишь!
Ай-да плутовка!»—«Я? — Нисколько!
Сама ты, Машенька!» И только...
И нѣтъ ужь рѣчи на устахъ,
И слезы снова на глазахъ.
Она мечтаетъ... И другія

Заводятъ споръ: «А, помнишь, онъ
Былъ просто въ Вѣриньку влюбленъ».
«Mesdames, какія вы смѣшныя!
Глядѣлъ въ тотъ разъ не на меня,
На Наденьку.»—«Ахъ, что вы, что вы!»
—«Притворщица! не знаю я!
Да ты вчера сама сказала!»
И Наденька вся запылала.
«Mesdames, c'est vrai: она вчера
До класса съ самаго утра
Такъ занималась туалетомъ,
Рядихой сдѣлалась такой!
Постой, сударыня, постой!
Шепну я notre maman объ этомъ».
И оглашался залъ большой
То дѣвичьимъ веселымъ смѣхомъ,
То вздохомъ, крикомъ, то мольбой,
И имъ вторило дружнымъ эхомъ,
Отзвукомъ шумнымъ и въ кадансъ,
Пока въ толпѣ веселой, шумной
Не слышалось: «mesdames, silence!»
И умолкалъ восторгъ безумный.
Всѣ принимались за урокъ
Съ какой-то тихостью послушной,
Лишь иногда неравнодушно
Одна ввѣрялася другой,
Зѣвнувъ надъ первою строкой

Имъ задавнаго сочиненья.
О, скучны эти упражненья!
Отъ нихъ тупѣетъ чувство, умъ.
Но сколько чистыхъ, свѣтлыхъ думъ.
Когда участіе родное
Въ подругѣ встрѣтишь, и не разъ
Разговоришься глазъ-на-глазъ.—
И чувство дѣвственно-живое
Горитъ въ намекахъ и словахъ,
И слезы блещутъ на глазахъ!

Нерѣдко здѣсь, въ часы досуга,
Когда такъ шуменъ залъ большой,
Тамъ, въ темномъ уголкѣ подруга
Объ немъ бесѣдуетъ съ другой —
И въ заданное сочиненье,
Уже рѣшилась объясненье,
Или признаніе свое
Она вмѣстить, пока ее,
Такъ испытующи, другая
Разспрашиваетъ обо всемъ,
Любя, завидуя тайкомъ;
Въ дверяхъ же нянька молодая,
Подслушавъ ихъ наединѣ,
Имъ говоритъ, перебивая:

« Что вы нашли-съ въ Пошехинѣ?

Онъ такъ себѣ!»—«Нѣтъ, онъ ученый,
Уменъ и молодецъ собой».
—«Нѣтъ, барышни, такой мудреный,
Такой противный, и порой
Онъ страшно мнѣ надоѣдаетъ,—
Чай подношу, а онъ — читаетъ,
Пьетъ и не пьетъ; а ты тамъ стой!»
—«Ахъ, что ты, няня, ради Бога,
Такъ не кричи! Съ тобой и намъ
Достанется. Увидишь, строго
За это взыщетъ notre maman».
—«Не бойтесь, барышни, ни слова!»
И вотъ одна другой готова
Свои всѣ тайны передать,
Краснѣть, смѣяться и вздыхать.

О! сладки эти разговоры,
Когда отъ нихъ такъ блещутъ взоры,
Такъ сильно чистая любовь
Волнуетъ молодую кровь—
И жаждетъ грудь родныхъ объятій.
Но вотъ одна изъ нихъ идетъ
Въ свой дортуаръ, и долго ждетъ,
Пока настанетъ часъ занятій.
Часъ жданный наставалъ, и онъ
Являлся, локоны густые
Рукой небрежно расправлялъ,

И толковать имъ начиналъ.
Изъ устъ лились слова живыя,
И органъ звучный, томный взглядъ,
И эти очи голубыя,
И этотъ comme il faut нарядъ,
Безъ вычуръ, складками небрежный,
Монументальный простотой,
Платокъ и галстукъ бѣлый, нѣжный,
Перчатки гладко на рукахъ,
И сапоги, и панталоны,
И шляпа шелковая—страхъ
Какъ хорошо! Но слухъ вашъ скромный
Не буду больше я смущать.
Пора объ немъ самомъ начать.

Вы видите, что непримѣтно
Онъ измѣнился, былъ ужь смѣлъ
И даже нравиться умѣлъ.
Когда-жъ такъ сладко и привѣтно
Жизнь улыбнулася, тогда
Въ немъ не осталось и слѣда
Того, что портило героя.
Начните съ фрачнаго покроя
И оглядите хоть до ногъ!
Не правда ли, что не осталось?
Изящество въ немъ развивалось,
И пансіонъ ему помогъ.

Притомъ онъ велъ себя такъ скромно,
И такъ загадочно для всѣхъ;
Ни ихъ восторгъ многолюбовной,
Ни ихъ улыбки, тихій смѣхъ,
Ни шопотъ ихъ, ни говоръ скромной —
Ничто не трогало его,
И онъ не слышалъ ничего,
Самъ увлеченъ своимъ ученьемъ.
Онъ былъ проникнутъ вдохновеньемъ,
Когда имъ Пушкина читалъ,
Или изъ Марлинскаго фразы,
И былъ тогда ихъ идеалъ.
Онѣ стыдились за проказы,
И послѣ класса всѣ опять
Готовы были обожать.

Хоть онъ искалъ родныхъ объятій,
Хоть увлекался онъ подъ-часъ,
И Доротеею и Катей,
Хоть не шутя и какъ-то разъ
Онъ началъ даже объясненье
Съ одной хорошенькой вдовой,
И полное имѣлъ стремленье
Обзавестись тогда-жъ женой;
Но то желанное мгновенье,
Тотъ часъ желанный не насталъ,
И онъ душой не отгадалъ,

Что есть душа ему родная—
Жены готовый идеалъ,
Его задуманная пара.
Въ ней тоже не было ни жара,
Ни этихъ вспышекъ юныхъ лѣтъ,
Ни той мечты горячей, пылкой,
О томъ, чего на сердцѣ нѣтъ.
Она могла назвать ошибкой
Свое влеченіе къ нему
И отказать себѣ, ему.
А потому и безъ упрека,
Почти не слушая урока,
Она ходила въ классъ его,
И барышнею-лицемѣркой
Поглядывала на него.
Лѣтами чуть не пепиньерка,
Дитя и чувствомъ и умомъ,
И такъ себѣ тогда во всемъ
Она являлась простодушна,
Простосердечна и послушна.
Къ тому-жъ, скажу безъ дальнихъ словъ,
Не отличалась красотою,
Мала, смугла, стройна собою,
И съ блескомъ въ парѣ черныхъ глазъ.
Была серьёзною такою,
Хоть бы Минервѣ на показъ.
Быть можетъ, это и спасало

Ее. Она не примѣчала
Любви мучительной примѣтъ
И избѣгала отъ клеветъ.
Къ нему же было, такъ, влеченье,
Иль общность, симпатія чувствъ
Въ принятіи наукъ, искусствъ,
И классъ его былъ въ наслажденье,
И самъ онъ былъ пріятенъ ей;
Но чтобъ то было увлеченье,
Или апоѳеозъ страстей,
Того не видѣли другія.
И разговоры ихъ живые,
И другъ надъ другомъ тихій смѣхъ,
И эти хитрые намеки,
И эти смѣлые упреки,
Что были желчны такъ для всѣхъ,
Ее не трогали нимало.
По-прежнему она была
Скромна, серьёзна, не могла
Поизмѣниться жизнью вялой,
И, такъ какъ прежде, передъ сномъ
Молитву долгую читала,
И также нянька раздѣвала,
Не говоря съ ней ни о чемъ,
И также ничего не снилось
Ей въ эту ночь, какъ и вчера,
Съ постели также торопилась,

И принималася съ утра
За повседневныя занятья,
Не думая, что у другой
Былъ сонъ загадочный такой...
И что слезой платокъ смоченъ,
И что всю ночь мечтался онъ.

Какая-жъ скрытности причина,
И отъ чего такъ холодна?
Быть можетъ, въ жизни стѣснена?
Иль жизни дѣвственной картина
Не въ рамкѣ свѣтлой, золотой?
Или на ней тяжелый слой
Нужды, заботы и лишеній?
Или совсѣмъ нѣтъ увлеченій?—
Я не берусь объяснить.
Хоть правда, что она въ тѣ годы,
Когда такъ свѣтлы дни природы,
И есть родные, чтобъ любить,
Не знала радостей — и долго
Росла съ боязненной тревогой
О будущемъ и о судьбѣ,
Позатаивъ въ самой себѣ
И скрывъ отъ матери старушки,
Что, рано бросивши игрушки
И не принявшись за нарядъ,
Она тупѣетъ понемногу;

А между тѣмъ года летятъ.
Когда-жъ по чувству и по долгу
Старушку навели на ладъ
Свои родные и чужіе,
Что ужь ее учить пора,
Что есть занятія другія
И кромѣ тѣхъ, чтобы съ утра
Сидѣть съ сестрою за складами,
Иль за шитьемъ и за чулками
Дремать вечернею порой, —
Она рѣшилась — съ рукъ долой,
И отдала ее къ мадамѣ,
Къ какой-то фрау фонъ-де-Шоръ,
Отличной и прекрасной дамѣ,
Которой строгость и надзоръ
Издавна славились въ уѣздѣ;
Она же въ городѣ жила...
И, при самомъ въѣздѣ,
Для пансіона наняла
Домъ съ антресолями и садомъ.
Мадамъ была ужасно рада,
И порѣшились въ двухъ словахъ,
Въ добавокъ платы за ученье,
Ей привозить на двухъ возахъ
Крупы, муки и въ услуженье
Одну изъ дѣвокъ на пять лѣтъ.

Два года Вареньку учили,
За лѣность въ колпакѣ водили;
На третій годъ одинъ предметъ
Изъ всѣхъ предметовъ обученья,
Но лучше всѣхъ для матерей
И ихъ услада съ юныхъ дней,
И даже дѣткамъ въ наслажденье —
Языкъ французскій дался ей.
Затверженное лепетанье
И кой о чемъ еще позванье,
Да въ тамбуръ шить и танцовать,
Мадамъ умѣла передать
И барышнѣ и дѣвкѣ барской,
Съ навычкой фразы ярославской:
Глазамъ, ушамъ, ногамъ, рукамъ;
И мать сама благодарила
Многоязычную мадамъ,
И взять съ собою упросила
Въ Москву, въ добавокъ къ двумъ годамъ.
Поладили, и съ ней въ дорогу,
На двухъ возкахъ въ шесть лошадей
Онѣ тянулися пять дней.
Пріѣхали, и слава Богу!

Но что-жъ съ дѣвицею моей?
Глядитъ она: толпа людей.
Мелькаетъ все — и свѣтъ, и тѣни,

И магазины, и дома,
И будки. Всѣхъ предметовъ тьма,
И сколько, сколько впечатлѣній
Для Вари чистыхъ и святыхъ!
И Кремль и древніе соборы!
Измучились, устали взоры.
Родныхъ предметовъ нѣтъ для нихъ:
Избы крестьянской, и овина,
И деревенскаго гумна.
Вздохнула, бѣдная, она;
Но скоро пестрая картина
Столичной жизни развлекла,
А послѣ—скорое свиданье
Съ сестрою, и потомъ прощанье.
Старушка дочку увезла.
Осталась Варя сиротою.
Хотя мадамъ ее съ собою
Вездѣ возила, все не то
Казалось ей, и всѣ — чужіе,
И чуждо все. А тамъ—свѣтло,
А тамъ такъ любо, гдѣ родные,
Гдѣ дѣдъ въ могилкѣ, гдѣ отецъ
При церкви сельской, на кладбищѣ,
И это старое жилище,
И роща, гдѣ весны пѣвецъ
Поетъ такъ нѣжно и такъ сладко...
И Варя слезы льетъ украдкой.

Но эти юности лѣта
Прошли такъ скоро, незамѣтно,
Такъ промелькнули, какъ мечта,
И Варя встрѣтила привѣтно
Весны своей послѣдній годъ.
Прошелъ и онъ. А послѣ, вотъ,
Настало лѣто жизни. Сходно
Съ весною было и оно,
Не жарко и не холодно.
Тогда-то предалась свободно
Она занятьямъ и трудамъ,
И помогла ей въ томъ мадамъ.
И въ классъ ее съ собой водила.
Она занятья всѣ любила;
Но съ большей ревностью она
Ходила въ классъ Пошехнина.

Иль могъ напомнить онъ родное
И мысль надеждой окрилить?
Иль чувство чистое, святое
Въ горнило сердца могъ вложить
И сердце это сохранить?
Пусть будетъ такъ. Но все чего-то
Не доставало ей. Она
Подъ-часъ была такъ смущена,
Что занималась не съ охотой.
Тогда любимицѣ своей

Мадамъ пеняла, поскорѣй
Развлечь стараяся, и много
Съ ней говорила, и предолго,
То о роднѣ, то о связяхъ,
То о деревнѣ, объ имѣньи,
Качая головой въ сомнѣньи
И созидая планъ въ мечтахъ.
И чтобъ устроить Варѣ счастье,
Она сама въ Пошехнинѣ
Вдругъ стала принимать участье.
И такъ, одна, наединѣ
Пораспросила о роднѣ,
О службѣ, объ его карьерѣ,
И кое-что и кой о чемъ;
Потомъ рѣшила такъ объ немъ:
Чѣмъ не женихъ!—И есть въ примѣрѣ,
Что послѣ этихъ смѣлыхъ словъ
Ужь не женихъ, а мужъ готовъ;
Когда-жъ, краснѣя, тихій, скромный,
Простился съ нею онъ, смущенный,
И перевелъ насилу духъ;
Тогда она съ улыбкой сладкой
Взглянула вкругъ себя украдкой,
Подумала еще и вдругъ
Сказала Варенькѣ: «мой другъ!
Не хорошо, что ты скрываешь;
Я догадалася и, знаешь,

Съ нимъ говорила объ тебѣ».
И Варя предалась судьбѣ
Своей неопытной душою.

О, быть невѣстой, иль женою,
Какъ много мыслей въ двухъ словахъ!
И есть надъ чѣмъ, скрѣпя свой страхъ,
Помыслить долго и тревожно!
А можетъ быть, и то возможно,
Что такъ себѣ, въ мечтахъ, она
Была, какъ всѣ, увлечена
Его наивной простотою
И любознательнымъ умомъ;
Или сама судьба о томъ
Пеклась, чтобы ей быть женою.
И не мечтаетъ ужь она,
Что для другаго рождена,
Но видитъ въ томъ свое спасенье
И отъ чужихъ и отъ родныхъ,
И, гордо презирая ихъ,
Идетъ спокойно на мученье,
На жизнь печальную съ чужимъ,
На битву съ новою роднею,
Простившись съ прежнею судьбою,
Сказавъ «прости!» своимъ роднымъ.

Теперь не любятъ, не страдаютъ,
Не думаютъ о бѣдныхъ насъ,

Супружество же составляютъ.
«Составилъ партію на дняхъ
Такой-то выгодно, иль худо»,—
Такъ говорятъ, и уже чудо,
Что видимъ мы любовь въ стихахъ,
Въ романахъ, драмахъ и подобныхъ,
Какъ называютъ, пустякахъ.
При этихъ мысляхъ превосходныхъ
Мадамъ рѣшилась точно такъ
Изъ выгоды устроить бракъ.
По ней, онъ человѣкъ прекрасный,
Онъ будетъ у нея учить,
А Варя будетъ дамой классной,
И послѣ,—послѣ, можетъ быть,
По пансіону въ половинѣ.
Мысль эту нашей героинѣ
Передала она не разъ,
И въ-слѣдъ за этимъ глазъ-на-глазъ
И о приданомъ говорила,
О рядной, а потомъ рѣшила
Въ деревню къ матери писать
И съ деньгами на свадьбу звать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Людскіе толки.—Письмо.—Вася.—Любовь Васи.—Антонъ Иванычъ отправляется въ пансіонъ.—Обѣдъ.—Танцовальный вечеръ.—Разъѣздъ гостей.—Дортуаръ и пріѣздъ матери.

Мы холостую жизнь героя
Представили, читатель, вамъ,
И, можетъ быть, сознаюсь самъ,
Черты служебнаго покоя
И пошлость жизни холостой
Въ картинѣ вѣрной и безстрастной
Не нравится, и я напрасно
Для васъ романъ не кончу мой.
Но что же дѣлать? Продолженья
Я начертилъ нежданный планъ,
И мною начатый романъ
Хочу спасти отъ разрушенья.
Пусть разрушаю я не самъ,

Но по листочкамъ, по клочкамъ
Пусть разрушаетъ критикъ строгой:
А мнѣ писать такъ много, много;
И кто-жъ найдется тотъ атлетъ,
Что главы гидры отсѣчетъ?
Чей мечъ сценической, картонной
Заставитъ быть ее безмолвной?...
Какъ ни былъ сонъ его глубокъ,
Проснулся онъ передъ зарею.
Въ окно чуть брезжился востокъ,
Подернутъ предразсвѣтной мглою.
Спалъ городъ, и тумана слой
Ложился въ-лоскъ на мостовую,
Кой-гдѣ навозно-снѣговую,
Кой-гдѣ покрытую водой.
И, наслаждаясь тишиной
Торжественною, предразсвѣтной,
Герой мой тихо, незамѣтно
Сталъ погружаться въ полусонъ.
И ужь тогда не слышалъ онъ
Ни звуковъ кровельной капели,
Ни щебетанья воробья
И ни того, какъ отлетя
Сосульки по снѣгу хрустѣли,
Какъ, просочившися, вода
По камню голому журчала
И у окраинъ замерзала,

И онъ очнулся лишь тогда,
Какъ жизнь проснулась городская.

Картина новая, живая:
Здѣсь дворникъ грязною метлой
Сметалъ снѣгъ мокрый съ тротуара,
Канавку прорубалъ другой,
Тащилась сонныхъ ванекъ пара,
По лужамъ нищая брела,
Изъ-за воротъ визжали шавки,
И щепку, вмѣсто корабля,
Пускалъ мальчишка по канавкѣ,
И на мальчишку, въ колпакѣ,
Изъ-за чухоночки пригожей
Нѣмецкая глядѣла рожа,
Да ожидала налегкѣ
За булками, за кренделями,
За хлѣбцами и сухарями
Изъ ближнихъ лавокъ и домовъ
На цѣлый день покупщиковъ.
Но мимо булочной, то сонный
Сапожникъ въ-полпьяна пройдетъ;
То, засучивши панталоны,
Чиновникъ торопясь бредетъ;
Или купецъ съ улыбкой сладкой
Заглянетъ и туда спѣшитъ,
Гдѣ, вмѣсто вывѣски, виситъ

Калачъ зачерствлый, черный, гадкій,
И пять такихъ же на окнѣ
Привязаны рядкомъ бичевкой;
Надъ ними голова въ ремнѣ,
И волоса въ мукѣ и скобкой.
Подходитъ къ ней въ-припрыжку, бойко,
Мальчишка, слѣдомъ дѣвы ликъ
Двусмысленнаго поведенія,
И ей кричитъ пекарь-мужикъ:
«Калачики-съ на заглядѣнье!»

Проснулось все: шумитъ, кричитъ,
Идетъ, и скачетъ, и бѣжитъ,
Перегоняя, догоняя,
И торопясь, и поспѣшая.
Вотъ съ громкимъ шлепаньемъ калошъ,
Поднявъ истертый мэкинтошъ,
Шагаетъ циркулемъ учитель;
А далѣе, при тесакѣ.
Порядка строгаго блюститель;
За нимъ торговка въ армякѣ, —
Въ рукахъ обноски; чепчикъ, шляпка
На головѣ, поверхъ платка;
Ее завидя, лаетъ шавка,
Поджавши хвостъ, издалека.
Шумятъ у будки перекрестной,
Какъ бы приливъ, отливъ волны,

И слышенъ крикъ великопостный :
«Блины , горячіе блины !
Гороховой кисель ! драчены !
Мочены яблоки ! мочены !...»

Великопостный шумъ и гамъ
Согналъ съ него полудремоту ,
Напомнивъ вновь ему заботу
О томъ , чего такъ жаждалъ самъ,
И что недавно , непарокомъ,
Сбылось , свершилось ; уже онъ
Почти съ невѣстой обрученъ ,
И въ урну брошенъ жребій рокомъ.
Какой же вынется билетъ ?
Пустой билетъ , или съ женою ?
Вѣдь нынче чѣмъ не шутитъ свѣтъ !
И—онъ поникнулъ головою.

Его кухарка съ рынка шла
Въ шубейкѣ , подъ цвѣтнымъ платочкомъ,
Съ провизьей , съ полненькимъ кулечкомъ,
И къ ней сосѣдка подошла.
—Что, Груня? — «Ась, моя родная?»
—Кажись, у васъ, то-есть, того...
—«Чего ты , Савишна , чего ?»
—Чего? вишь простота какая !

А кто у насъ холостой?
А кто у насъ неженатый?
Антонъ сударь холостой,
Ивановичъ неженатый!»

—Не ужь-то?—«Право.»—Вотъ-те на!
И двѣ кухарки въ заведенье,
Гдѣ пьютъ съ прикускою чаекъ,
Пошли. Межъ ними толкъ да толкъ:
Сговоръ, дѣвичникъ, обрученье
И свадьба ими рѣшена.
Идетъ домой изъ нихъ одна;
Другая же опять болтаетъ
Съ сосѣдкой новой, и опять
Готова каждому болтать.
Молва растетъ, и выростаетъ.
А онъ сидитъ, а онъ мечтаетъ,
Да чаю утренняго ждетъ.

Вошла кухарка дать отчетъ,
И Вася въ-слѣдъ ей съ самоваромъ.
Объятый ароматнымъ паромъ,
Разсѣянно онъ принялъ счетъ,
И выслалъ ихъ, и снова вотъ
Задумался. Тогда картинно
Жизнь развернулась передъ нимъ,
Какъ свитокъ длинный и предлинный

Крестинъ, рожденій, имянинъ,
И въ нихъ участница родная —
Хозяйка полная — жена;
И жизнь проходитъ дорогая,
Какъ бы въ объятьяхъ сладкихъ сна,
Безъ этихъ грозныхъ сновидѣній,
Безъ этихъ горестныхъ лишеній,
Довольства, счастія полна,
И день за днемъ, и вся она
Въ избыткѣ, полномъ наслажденья...
О, сладки эти обольщенья! —
И улыбнулся сладко онъ,
Весь очарованъ, обольщенъ
Своей любимою мечтою.
Потомъ по комнатѣ прошелъ,
Спокойно сѣлъ, махнулъ рукою,
Перо схватилъ, придвинулъ столъ
И началъ:
«Съ вами объясненье
Меня смутило. Въ этомъ я
Виню, сударыня, себя —
И вѣрьте, еслибъ не смущенье
И не застѣнчивость моя,
То не письмомъ, а прямо, лично
Мое согласье изъявилъ...
Но я тогда растерянъ былъ —
Меня такъ поразило счастье!...

Продлите же свое участье,
И не забуду никогда,
Что счастливъ вашимъ я стараньемъ.
Имѣю честь быть навсегда,
Съ моимъ высокопочитаньемъ,
Слуга покорный—Пошехнинъ».

Еще перо въ рукѣ дрожало,
Но грудь свободнѣе вздыхала,
И радъ онъ былъ, что онъ одинъ,
Что вся разослана прислуга,
Что нѣтъ коварнаго съ нимъ друга,
Который бы подмѣтить могъ
И посмѣяться надъ улыбкой.
Какъ будто онъ теперь не могъ
И улыбнуться-то ошибкой,
Въ довольствѣ полномъ, какъ женихъ.
Хоть онъ умѣлъ все скрыть отъ нихъ,
Но покраснѣлъ, когда лѣниво
Вошелъ слуга принять конвертъ.
«Ты кланяйся... не надо... нѣтъ...
Отдай. Спѣши-жъ.» И торопливо
Слугу онъ выпроводилъ самъ;
Потомъ прибавилъ: «ну-же съ Богомъ,
Ступай!» И Вася за порогомъ
Далъ волю мыслямъ и словамъ.
А баринъ думалъ: «право, странно,

Что я теперь почти ужь вотъ,
Почти... женихъ... Дай напередъ
Поговорю объ этомъ съ Анной.
Старуха вѣкъ свой изжила;
Она служила вѣрной службой,
И Анну награждала дружбой
Старушка-мать, пока жила.

Вздохнулъ онъ тяжело, глубоко,
И думалъ онъ, чтобы жестоко
И Анну чѣмъ не оскорбить.
Не мудрено ее спросить,
А какъ обидится прислуга
И съ словомъ: «вамъ, сударь, супруга
На хлѣбъ дворовыхъ навезетъ»,
Попроситъ паспортъ да разсчетъ,
И въ дверь, и со двора? И вотъ
Въ раздумьи грустномъ онъ и долгомъ
Къ груди поникнулъ головой
И передумалъ онъ о многомъ:
Во-первыхъ, что молвѣ людской
Той мысли нѣтъ на сердцѣ тайной,
Чтобъ не открылася случайно
Намеками, сама собой,
Будь это скоро или долго.
А во-вторыхъ, что если такъ
Ужь гласенъ сталъ и этотъ бракъ,

То въ томъ еще бѣды немного;
Бѣда въ одномъ, что третій годъ,
Какъ онъ безъ матери живетъ,
Хотя не грустно, одиноко,
И нѣтъ того, съ кѣмъ онъ бы могъ
Поговорить о жизни новой.
Съ чужими замираетъ слово;
Чужой всегда почтетъ за долгъ
Подать совѣтъ, или, въ сомнѣньи,
Такъ, головою покачать,
Или плечами, такъ, пожать,
Мечтамъ готовя разрушенье.

Мечтаетъ онъ, а тамъ бѣгомъ
Его слуга, съ его-жъ письмомъ,
И входитъ. Нянька молодая
Встрѣчаетъ и письмо беретъ:
« Я отнесу ». И Вася ждетъ
Пока мадамъ, въ очки читая,
Изъ спальной Вареньку зоветъ.
—Что это ты! Иль нездорова?
—«Maman, немножко.»—Ну, пройдетъ.
Смотри, на завтра будь готова.
Вотъ и письмо Пошехнина.
И вопросительно она
Вперила взоръ:—Его къ обѣду
Велю просить, и не поѣду

Съ визитами я никуда.
А ты займись, чтобы слѣда
Не оставалось слезъ. Прегадко!
Глядишь ты заспанный такой!
Ужь вѣрно отъ меня украдкой
Болтала съ Надей Боковской.
—«Ахъ, нѣтъ maman!» И съ этимъ словомъ
Цалуетъ Варенька въ плечо
Ее такъ пылко, горячо,
И передъ нею всякимъ вздоромъ
Подругу хочетъ защитить
И слѣдъ тоски невольной скрыть!
А можетъ быть, слѣдъ и недуга.
И длится этотъ разговоръ.

А тамъ, въ лакейской, всякой вздоръ
Болтаетъ праздная прислуга,
И Вася съ нянькой молодой
Пустился въ разговоръ живой.
—Что, Флена Дмитревна, какъ свадьба,
Извѣстно вамъ-съ, когда, то-есть?
—«Незнаю-съ.»-Такъ-съ.-«Прошу присѣсть.»
—Не безпокойтесь. А усадьба
Отселѣ-съ ваша далеко?
—«Не близко-съ. Что же вы стоите?
Присядьте.»—Мнѣ-съ и такъ легко;
Я не усталъ. Вы-съ говорите,

Что далеко; а какъ-съ зовутъ?»
— Сельцо Подбережки. Да сядьте,
А то мнѣ совѣстно-съ! И тутъ
Онъ сѣлъ и думалъ: «Нѣтъ ужь къ Катѣ
Я не пойду, хоть разбранись».
Потомъ онъ началъ: «Вѣрно вы-съ
За ними ходете? Собою
Какъ ваша барышня? Такою,
Навѣрно, смотритъ, хоть крестись,
И деликатной, и преважной.
Взглянуть бы на нее разокъ!»

Онъ къ двери подошелъ отважно:
«Я загляну-съ». Но вдругъ звонокъ
Прервалъ нескромно разговоры.
Онъ отошелъ, вздохнулъ, умолкъ,
И нянька вдругъ, потупя взоры,
Скользнула тихо изъ дверей.
И поглядѣлъ онъ въ-слѣдъ за ней,
И думалъ: «Вотъ ужь такъ красотка!
Что за ротокъ! что за носокъ!
Что за глаза, за голосокъ!
Ну, просто — барская находка! —
Того, то есть, дрожь разберетъ!...»
—Ахъ, вы ужь здѣсь!—«Прощайте-съ; вотъ
Къ обѣду просятъ ихъ». И смѣло
Къ ней Вася скромный подошелъ,

Взглянулъ любовно, отошелъ,
И выбѣжалъ, какъ угорѣлый.
«Ахъ, барышни, его лакей
Такой и добрый, и учтивый...»
И нянька чванно и спѣсиво
Пошла въ людскую поскорѣй,
Чтобы болтать о Васѣ долго,
И подразнить бы поваровъ
Простымъ значеньемъ этихъ словъ,
И пококетничать немного.

Герой мечтаетъ: «Какъ же быть?
Не худо такъ бы — погодить.
Во мнѣ не жаръ, но и не холодъ,
И время не ушло. Я молодъ...
И соловей тогда поетъ,
Когда гнѣздо съ подругой вьетъ;
Но чуть птенцы — его малютки —
На свѣтъ взглянули изъ скорлупки,
Уже умолкнулъ соловей;
Ужь онъ съ подругою своей
Летитъ за пищею, съ заботой
Ихъ прикрываетъ отъ враговъ.
Вся жизнь дана намъ для трудовъ,
И мы поденною работой,
Какъ пчелы, собираемъ соты.
А я собралъ ли этотъ сотъ? —

И чѣмъ горжусь? труды, заботы...
Труды, одни труды!...» И вотъ
Вошелъ слуга; въ-слѣдъ за слугою
Портной, и мѣркой номерною
Прикинулъ будущій покрой.
«Ну что? Письмо отъ нихъ. Постой:
Къ обѣду просятъ. Ладно, ладно!
За санками сходи. Парадной
Чтобъ былъ извощикъ по часамъ».
И Вася, растопыря руки,
Бѣгомъ. «Ты сшей и фракъ и брюки,
Да поспѣши, ты видишь самъ...
Скорѣй! Я ѣду! — Что? готово?»
—«За рубль цѣлковый съ нимъ въ два слова
Я сторговался». И лакей
Едва успѣлъ накинуть шубу.
«Ступай той улицей, что къ клубу,
И мимо—въ Бронную живѣй!...»

Онъ въ клубѣ не ѣздилъ; онъ ремизы
Не ставилъ, не игралъ въ лото,
Не вѣдалъ палокъ, и за то
Мученье — быть ремизъ у Лизы—
Не запивалъ крехтя виномъ.
Онъ былъ умѣренный во всемъ,
И, право, въ Англіи туманной
Онъ могъ бы получить дипломъ,

Не только трезвый, даже пьяной.
За это я его хвалю,
За-тѣмъ, что картъ я не люблю,
Что это дѣльное бездѣлье,
Что это скучное веселье —
Играть, проигрывать, опять
Выигрывать и вновь играть —
Такъ отнимаетъ время много.
А тьма занятій! Но, ейбогу!
Я не гляжу, чѣмъ занятъ вѣкъ,
Чѣмъ будетъ тѣшиться онъ долго,
Чего съ желѣзною дорогой
Онъ ждетъ? Я Русской человѣкъ:
Люблю поминки, и крестины,
И праздникъ жизни — имянины;
Но свадьбы больше я люблю,
И тѣхъ невольно похвалю,
Въ комъ есть къ семейному влеченье.

Читалъ я, помню, разсужденье,
Что бракомъ твердъ нашъ славянинъ;
Что нынче только онъ одинъ
Въ семьѣ соблюлъ самодержавье;
Что не бодливъ, что не рогатъ;
Что бракъ ему лишь не въ безславье.
Я этому ужасно радъ,
И вамъ супружество безъ драмы

Представлю, такъ, какъ есть оно,
Блаженства частаго полно.
Я знаю, улыбнутся дамы:
«Quelle honte! Вѣдь это — эпиграммы!»
Начнутъ бранить за мой разсказъ.
Позвольте! гдѣ-жъ герой у насъ?

Въ пріятномъ, сладкомъ ожиданьи
Накрытъ былъ столъ. Сама мадамъ
Приказъ давала поварамъ,
Лаская вкусъ и обонянье.
Двѣ-три прислуги у дверей
Встрѣчали чопорно гостей.
Уже посъѣхалось довольно,
Почти до тридцати персонъ,
И не являлся только онъ —
Виновникъ праздника невольной.

Ужь многія изъ ученицъ,
При всѣхъ застѣнчивыхъ дѣвицъ,
Ласкали вкусъ свой крендельками.
Между пріѣзжими гостями
Довольно было постныхъ лицъ.
Уже исторіи учитель
Двѣ рюмки водки пропустилъ,
И всѣхъ въ столовую манилъ.
Желудокъ—страшный искуситель,

Какъ вдругъ явился мой герой;
Вошелъ—и ропотъ одобренья,
Вездѣ невнятный и глухой,
И пересуды, и сужденья.
Всѣ шепчутъ, въ-слухъ всѣ говорятъ:
« Да онъ bel homme, да онъ ученый,
И въ службѣ счастливъ, и богатъ ».
За-тѣмъ, на шарканье, поклоны.

Хозяйка дома, Варя съ ней,
Въ кругу дѣвицъ и всѣхъ гостей,
Его представила знакомымъ,
Просила безъ чиновъ, какъ дома,
Откушать хлѣбъ-соль, и за ней
Пошли въ столовую къ обѣду.
Изобразить ли вамъ бесѣду
Гостей, гдѣ всѣ — своя семья?
Нѣтъ, манитъ аппетитъ меня.
Какая стерлядь разварная!
Какая славная уха! —
И кулебяка, какъ живая!
Визига, рыбьи потроха
Такъ въ ней и дышатъ! Заливное,
И разцвѣченый галантиръ,
Подъ краснымъ соусомъ тѣльное,
Сиговъ живыхъ янтарный жиръ,
И трюфель—запахъ, ароматы,

И лучшихъ винъ букетъ богатый,
Всѣ отъ Depret подъ ярлыкомъ,
Два-три пирожныхъ, и потомъ
Madame клико, и поздравленье.
О, это, право, наслажденье!
Блаженство! Но пора объ немъ—
Героѣ праздника. Исправно
Онъ пилъ, и ѣлъ, и говорилъ,
И былъ, ейбогу, очень милъ.
Была мила и героиня.
Она сидѣла, какъ богиня,
Съ безстрастнымъ бронзовымъ челомъ.
Коса на головѣ — кольцомъ,
По плечамъ — локоны густые,
И очи — чудо вѣдь какія —
И вмѣстѣ этотъ тихій взоръ.

Мнѣ надо разсказать подробно,
О чемъ гостей былъ разговоръ,
И на досугѣ-то свободно;
Но онъ всегда неуловимъ.
Богъ знаетъ, что наговоримъ!
Начнемъ, пожалуй, съ осетрины,
А до Кавказа мы дойдемъ —
И надъ Испаніей уснемъ.
Въ деревнѣ такъ совсѣмъ другое:
Тамъ разговоры о поляхъ,

Объ урожаяхъ, о червяхъ,
И, право, многое такое,
Чего не слышно въ городахъ.
Герой мой принималъ участье
И въ свѣтской болтовнѣ гостей,
И въ спорѣ дамъ, и что за счастье!
Сталъ homme d'esprit, génie, Протей,
Какъ будто бы въ Замоскворѣчьи.
Но это, право, злыя рѣчи;
Вѣдь онъ того достоинъ былъ,
Что вдругъ за генія прослылъ.

Насталъ и вечеръ танцовальный,
И праздникъ карточной игры,
Чѣмъ всѣ кончаются пиры;
Нарядъ мелькаетъ полубальный,
Кадриль, скользя, лощитъ паркетъ,
И ногъ и ножекъ чудный слѣдъ
Плыветъ по зеркалу паркета,
Неуловимый для поэта.
Герой съ невѣстою своей
Привѣтнѣй, проще и милѣй.
Онъ не рисуется картинно,
Но разговоръ ведетъ предлинной —
И, изъ ея замѣтокъ, словъ,
О вкусѣ заключить готовъ
Своей невѣсты не въ обиду,

Или составить мадригалъ
На этихъ дамъ, на этотъ балъ.
Онъ такъ доволенъ всѣмъ по ряду,
Онъ злоязычья такъ далекъ!

Хоть это не былъ балъ блестящій,
А такъ, сюрпризный вечерокъ
Подъ звукъ рояля дребезжащій,
И подъ учительскій смычекъ;
Однако все на немъ прилично,
И глазъ, къ анализу привычной,
Встрѣчаетъ много свѣтскихъ лицъ,
Кокетливыхъ, лукавыхъ взглядовъ
И въ бѣлыхъ платьяхъ учениць.
И еслибъ не было нарядовъ,
Не бальныхъ, то, ей-ей, за балъ
Я принялъ бы и описалъ,
Не побоясь столкнуться въ этомъ
Съ любимымъ публикой поэтомъ;
Но это вечеръ, такъ, простой,
Для тѣхъ, не занятъ кто игрой.
И вотъ ужь близко до финала...
Ужь ножка дамская устала,
Вздыхаетъ тяжко грудь порой,
И вотъ ужь рады всѣ домой.
И скоро всѣ засуетились:

Однѣ прощались, тѣ простились.
И стукъ, и громъ по мостовой.

...

Все въ пансіонѣ затихало.
Все раздѣвалось, засыпало.
Ужь, вмѣсто восковыхъ свѣчей,
Горѣлъ ночникъ. Ужь спалъ лакей
Тамъ у дверей, какъ бы для встрѣчи.
Но мы проникнемъ въ дортуаръ
Взглянуть на дѣвственныя плечи,
Тайкомъ подслушать эти рѣчи,
Или подмѣтить вспышекъ жаръ.

Невѣсту нянька раздѣвала,
Съ улыбкой что-то ей шептала;
Но, знать, въ мечту погружена,
Иль въ мысляхъ о нежданной свадьбѣ,
Иль въ ожиданьи изъ усадьбы
Пріѣзда матери, скучна,
Не отвѣчала ей она.
Ужь платье бальное изъ дымки
Легло, струясь, на креселъ спинкѣ,
Ужь юпокъ пышныхъ толстый слой,
Съ шнурками легкаго корсета,
Запутывался подъ ногой;
Уже она полураздѣта,
Ужь опустилась въ табуретъ,

Взглянувши робко на окошки,
Ужь обнажились скромно ножки
И по ковру ихъ легкій слѣдъ,
Уже она съ молитвой чистой
Въ постель, когда служанкинъ слухъ
Послышалъ легкій шумъ. И вдругъ
Она въ дверь молніей, и быстро
Вбѣжала: «барышни, скорѣй! —
Идетъ къ вамъ барыня-старушка.
Пріѣхали-съ и вмѣстѣ съ ней
Сестрица ваша и Өеклушка
И Ваня. Вотъ вашъ-съ пеньуаръ!»
И нянька Варю одѣваетъ...

У Вари, то ознобъ, то жаръ.
Спѣшитъ она и мать встрѣчаетъ,
Въ объятья бросившись къ родной
Съ улыбкой, съ радостной слезой.
Потомъ цалуется съ сестрицей,
Провинціальною дѣвицей,
И всѣмъ разспросамъ нѣтъ конца.
И мать разсказываетъ долго,
Платкомъ стирая пыль съ лица,
О томъ, какъ мучилась-то много
Въ дорогѣ съ челядью она,
И какъ въ возкѣ, пуховиками,
И скрипками, и коробками,

Окутана, обложена,
Едва-едва, а дотащилась.
Потомъ немножко посердилась,
Что не попала на обѣдъ
И, утомяся отъ дороги,
Легла въ постель, чтобъ встать чуть-свѣтъ.
И дѣвка долго терла ноги,
И дочь сидѣла въ-головахъ,
Съ улыбкой свѣтлой на устахъ,
Впѣривъ на мать-старушку очи.
Спокойной ночи! доброй ночи!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Невѣста и женихъ.—Наденька Боковская. — Подозрѣніе директрисы. — Любовь Наденьки Боковской. — Святая недѣля. — Новинское. — Ѳомина недѣля.—Первое мая.— Разсужденіе героя, очень поучительное. — Вася и Анна.

О, сонъ дѣвичій! Мнѣ возможно
Изобразить картину вамъ
Всѣхъ сновъ и дать просторъ мечтамъ.
По-настоящему такъ должно,
И я бы могъ, въ добавокъ къ нимъ,
Представить, такъ сказать, примѣрно
Проступокъ страсти легковѣрной
Съ финаломъ жизни роковымъ,
Иль двухъ соперницъ съ злобой черной,
Непримиримою ничѣмъ;
Потомъ, въ pendant за этимъ всѣмъ,
Героя вывесть непозорно
Изъ путаницы, кутерьмы,

Спасти нежданно отъ тюрьмы,
Подставить дуло пистолета;
Но, если правду вамъ сказать,
Герой мой прожилъ многи лѣта.
Съ чего же намъ теперь начать?
Изобразить ли мнѣ для свѣта
Картину тысячи заботъ —
И этихъ свадебныхъ хлопотъ,
Что такъ кончаютъ скоро, ладно,
А начинаютъ круто такъ —
По слову данному, по рядной,
И послѣ въ спальнѣ, для зѣвакъ,
Ночные чепчики, капоты,
Вкругъ ложа брачнаго висятъ
И любопытный манятъ взглядъ?
Нѣтъ! это — лишнія заботы!
Займемся лучше поскорѣй
Мы героинею своей!...

О, какъ пріятно быть невѣстой!
То поздравленіе подругъ
Плѣняетъ такъ невольно слухъ,
И эта тайна всѣмъ извѣстна;
То вотъ съ обновою прелестной
Пріѣхала marchande de modes;
То башмаки Брюно несетъ,
Духи, помада отъ Буиса,

Лежатъ матеріи въ кускахъ,
И выбираетъ директриса,
И все такое — прелесть, страхъ!
А вотъ и ювелиръ. Заказы.
Мѣняютъ старые алмазы
На фермуаръ и на браслетъ,
И всѣмъ бездѣлкамъ счету нѣтъ.
Что надо и чего не надо —
Все закупить невѣста рада,
И скрасить модный туалетъ.
А, кажется, все мало, мало;
Прислугу надо надѣлить,
Подругъ на-память одарить —
И каждый день она устала
Все отъ заботы покупать.
А надо бы еще скакать
За этимъ-то въ ряды панскіе,
За тѣмъ-то на Кузнецкій мостъ.
Уплыли денежки родныя,
За ними и оброчный холстъ,
А тамъ залишній хлѣбъ возами.
И думаетъ старушка: «вотъ
Прійдется уменьшить и скотъ,
Да хоть душъ сорокъ съ пустошами
И лѣсомъ заложить въ Совѣтъ,
Недолго — на тридцать шесть лѣтъ».
А Варя знай-все покупаетъ:

То перешьетъ, то промѣняетъ,
Купца того, другаго ждетъ —
И отъ покупокъ устаетъ.

Такъ—цѣлый день; а въ вечеръ скромно
Къ невѣстѣ ѣдетъ онъ влюбленной,
И за клавишами она
Сидитъ, немного смущена,
Безъ этой робости притворной,
Безъ этого — и «да» и «нѣтъ»,
Чѣмъ такъ богатъ уѣздный свѣтъ.
Она его готова встрѣтить,
Любовный взглядъ и вздохъ подмѣтить;
Онъ—обрученный, онъ—женихъ.
И мать на нихъ глядитъ съ отрадой,
И такъ при ней невѣста рада!
Но, только-что оставитъ ихъ,
Невѣста ужь совсѣмъ другая:
Она задумчиво глядитъ,
Она неловко говоритъ,
Какъ будто чѣмъ-либо страдая,
При всѣхъ — таитъ отъ всѣхъ она,
А съ нимъ наединѣ грустна;
Ему все высказать готова,
Уста раскрыты — и ни слова.
И смотритъ на нее женихъ:
— «Вы нездоровы?»—Я устала.

Но лишь пройдетъ кто мимо ихъ —
И не смущаяся ни мало,
Она съ улыбкой говоритъ,
Она ему въ глаза глядитъ
Любовно, весело, привѣтно,
И ничего ужь незамѣтно.
— « Какъ вы неволете себя! »
— Мнѣ, право, стыдно и неловко
Сказать, что такъ устала я. —
И утвердительно головкой
Она наклонится, вздохнетъ,
Потомъ къ клавишамъ подойдетъ,
И такъ, какъ будто безъ охоты,
Но принимается за ноты,
И подъ послушною рукой
За звукомъ льется звукъ, другой,
И Кашина урокъ нетвердый
Сливается въ одни аккорды.

Бывало, голосъ имъ вторилъ
Давно знакомые напѣвы
Изъ Русскихъ пѣсенъ. Я любилъ,
Когда, подъ вечеръ лѣтній; дѣвы
Попѣть сберутся въ хороводъ...
Но стали рѣдки хороводы,
И хоръ на свадьбахъ не поетъ,
Какъ прежде, какъ въ былые годы.

И мой герой напѣвы эти
Любилъ, какъ любятъ сказки дѣти:
Они роднилися съ душой
Своей унылой простотой;
А оттого — весь — слухъ, вниманье,
И безъ движенья и безъ словъ
Сидѣлъ по нѣскольку часовъ,
Пока она души рыданье
Переливала въ грустный звукъ,
И подъ движеньемъ ловкихъ рукъ
Клавиши плавно трепетали
И струны жалобно звучали.
Такъ гармонической душой
Онъ слился съ жизнью молодой,
Такъ годы юные печали
И передъ ней и передъ нимъ
Мелькнули въ звукахъ пѣсни томной
Отзвучьемъ сладостнымъ, роднымъ,
И ихъ душѣ было любовно.
На долго ли?—на бѣдный мигъ!
И смотритъ на нее женихъ:
И вотъ она опять страдаетъ,
Но на душѣ своей скрываетъ
Мысль о безстрастiи своемъ,
И эта мысль — ей казнь и пытка,
И не забудется ошибкой
Теперь она предъ женихомъ.

Что день, то холоднѣе встрѣчи,
Страннѣе, сбивчивѣе рѣчи —
И вотъ теперь одна, одна,
Она отъ всѣхъ отчуждена,
Печальна, холодна, безстрастна,
И такъ судьбой своей несчастна.
Сидитъ ли рядомъ съ нимъ она,
Или бесѣдуетъ съ подругой,
Такъ все и дышетъ въ ней супругой,
Покорной, робкою женой.
А между тѣмъ, мысль неотступно
Ее тревожитъ: « я съ судьбой
Играю страшно и преступно,
И чѣмъ же кончится игра?
Пора все высказать, пора!
А можетъ, свыкнусь понемногу
Съ своей судьбою какъ-нибудь...
И вотъ, готова я въ дорогу,
Стою, гляжу и ноетъ грудь ».
Такъ путникъ, въ дальнюю дорогу
Собравшись, обращаетъ взглядъ
На то, что онъ любилъ, и радъ
Еще побыть хоть на мгновенье,
Еще взглянуть хотя разокъ:
Здѣсь — колыбель его рожденья,
Здѣсь — теплый дѣтства уголокъ,
А путь незнаемъ и далекъ.

Да, путь тяжелъ, далекъ, незнаемъ.
Идти впередъ? или назадъ
Вернуться ей? Ей говорятъ:
« Иди, иди! Мы провожаемъ
Тебя съ участіемъ роднымъ,
И все — уложено, готово».
И что-жъ въ отвѣтъ желанный имъ?
Ни полузвука, ни полслова.
Она, оставя ихъ, бѣжитъ
Обнять подругу и съ участьемъ
Своей судьбой, своимъ несчастьемъ
Съ ней подѣлиться. Но, глядитъ —
Ея подруга, какъ другія,
Къ ней непривѣтна, холодна...
И плачетъ, бѣдная, она.
И снова къ жениху, и снова
Раздался тихій грустный звукъ.
Какъ много высказалъ онъ мукъ!
Но бѣдная ему ни слова.
И наставалъ прощанья часъ,
И холодно она вставала,
И такъ сквозь-зубы лепетала:
« Вы завтра будете у насъ? »
Онъ отвѣчалъ на приглашенье,
И ужъ не видѣлъ, что смущенье
Румянцемъ красило лицо,
Что какъ-то грустно на кольцо

Глядѣла — и съ руки снимала,
И снова тихо надѣвала.
Къ ея рукѣ онъ подходилъ;
Всѣмъ кланялся; потомъ спѣшилъ
Вдоль зала класснаго къ прихожей,
Гдѣ Вася съ нянькою пригожей
Его встрѣчалъ, сѣнями велъ
И, въ парныя сажая сани,
Взоръ посылалъ прощальный нянѣ,
Кричалъ извощику: «пошолъ!»
Тогда, простившись, Варя быстро
Вбѣгала въ дортуаръ къ себѣ
И предъ Заступницей въ мольбѣ,
Горячей, непорочной, чистой,
Спѣшила грусть души излить.

О чемъ же ей теперь грустить?
Она невѣста, и дѣвицы —
Изъ старшихъ классовъ ученицы,
Почти-что сверстницы ея —
Завидуютъ ей, какъ невѣстѣ.
Онѣ учились съ нею вмѣстѣ,
Теперь женихъ ужь у нея,
И это, право, безподобно,
Charmant! Она уже свободна,
Почти жена, и послѣ вотъ
Мамашей будетъ черезъ годъ.

Мамаша скромная такая!
Мамаша умная, ей-ей! —
И въ грустныхъ мысляхъ Боковская,
Печальная, подходитъ къ ней.

И долго, медленно ходили
Наединѣ, рука съ рукой,
И долго, долго говорили.
И ввѣрила одна другой
Всѣ мысли тайныя, всѣ чувства,
Все что запало глубоко,
Что высказать такъ не легко,
И что такъ просто, безъ искусства,
Передалось само-собой
Намекомъ, маленькимъ смущеньемъ,
Въ очахъ застывшею слезой,
Пожатьемъ рукъ, сердецъ влеченьемъ,
Незатаенною мольбой.

То было чувства изліянье,
То эпосъ былъ самопризнанья,
И онъ излился всей тоской;
Изъ класса-жъ слышались аккорды.
И въ-слѣдъ за тѣмъ напѣвъ нетвердый
На пѣсню ту, что пѣлъ поэтъ:
Non, non Lisette! non, non coquette!
И хохотъ громкій, и стихало,

И въ залѣ чья-то тѣнь мелькала.
То директриса тихо шла
Дѣвицъ подслушать разговоры,
И Наденьку подозвала.
Въ столовой же на столъ приборы
Съ служанкой разставлялъ лакей,
И поваръ рѣзалъ хлѣбъ ломтями,
И няньки, съ полными руками
Тарелокъ, вилокъ и ножей,
И бѣгали и суетились,
И барышни ужь торопились
Услышать радостный звонокъ...
И громкій говоръ ихъ — умолкъ.

Дни проходили въ-слѣдъ за днями
Для нихъ обычными часами —
Въ пріѣздахъ, встрѣчахъ, и порой
Засиживался мой герой.
И чаще ужь съ невѣстой рѣчи,
И съ ней онъ долго говоритъ,
И долго съ ней одинъ сидитъ,
И будто ждетъ нарочно встрѣчи,
Чтобъ лишній часъ еще побыть,
Чтобъ что-нибудь сказать съ улыбкой,
И руку ей пожать ошибкой
И за клавиши усадить.

И смотритъ Надя Боковская,

И видитъ, и, въ душѣ рыдая,
Она изъ класса вонъ бѣжитъ,
И мысль одна ее томитъ:
«Онъ любитъ я любимъ онъ ею.
Она — притворщица! моею
Владѣетъ тайною она,
И оттого такъ смущена,
И оттого-то такъ страдаетъ!
Быть можетъ, и maman ужь знаетъ;
Но если такъ, — погибла я».
И вдругъ предъ ней ея семья
Являлась бѣдною такою:
Квартирка маленькая, столъ —
Такъ, скудный пищею простою,
Что Богъ послалъ, что пріобрѣлъ
Отецъ на службѣ—все здѣсь въ этомъ,
И ей же удѣлялъ съ привѣтомъ
На платья простенькія онъ...
И ею будетъ отягченъ!

Льетъ слезы, бѣдная, украдкой —
И нѣтъ въ душѣ надежды сладкой,
Убита вся она тоской —
И смотритъ на нее герой,
Какъ будто знаетъ, будто тайно
Подслушалъ то, о чемъ она
Мечтала тамъ теперь одна.

Не отгадалъ ли онъ случайно ?
Иль былъ съ невѣстой разговоръ ?
Она вперила смутно взоръ ,
И вся горитъ и вся пылаетъ.
А онъ того не примѣчаетъ ,
Совсѣмъ не думаетъ о томъ ;
Уроки спроситъ, и потомъ
Изъ класса онъ идетъ къ невѣстѣ,
И отъ невѣсты онъ домой —
И тѣмъ бездѣлье съ дѣломъ вмѣстѣ
Не смѣшиваетъ, какъ иной.

Къ кому-жъ прибѣгнуть сіи? Кто сможетъ
Изъ сердца вырвать у неё
То чувство, что томитъ ее ,
Терзаетъ, мучитъ, точитъ, гложетъ ,
Какъ червь, какъ лютая змѣя ?
И плачетъ бѣдное дитя.
И много слезъ, тоски, рыданья
У бѣдной Нади Боковской!...
И въ нихъ—то ревности страданья ,
То битва страшная съ судьбой.
Падетъ или восторжествуетъ ?
Смирится духомъ, или вновь
Другая страстная любовь
Ее тревожную взволнуетъ ?

И вотъ въ страданіи своемъ

Она готова на признанье
Ему и ей въ любви, во всемъ.
Какое страшное терзанье!
Какая пытка для неё!
И мыслитъ Надя: «Что-жъ? мое
Томленье, страсть мою я скрою;
Я этимъ друга успокою,
И успокою я себя!» —
И вотъ бѣжитъ, ее встрѣчаетъ.
Невѣста Надю обнимаетъ,
И горько всплакалось дитя.
Потомъ, склонясь головкой, стала
Передъ подругою своей,
И крѣпче руку ей пожала,
И улыбнулася грустнѣй,
А слезы лились изъ очей.
И поняли печаль другъ друга,
И въ этотъ часъ, и въ этотъ мигъ
Подругѣ поклялась подруга
Въ любви,—и голосъ ихъ затихъ.

Такъ проходили дни за днями
Для нихъ обычными часами
Въ упрекахъ, жалобахъ, слезахъ,
Въ признаньяхъ, клятвахъ и словахъ.
Уже съ недѣлей Средокрестной
Умалился и постъ. Давно

Глядѣло солнышко въ окно,
Давно всѣ отпостились честно,
И херувимчиковъ съ вербой
Несли по грязной мостовой,
И въ храмахъ вербу освятили,
И вотъ съ недѣлею Страстной
Кареты въ городъ покатили,
И зашумѣлъ Кузнецкій мостъ.
Тѣмъ кончился великій постъ,
И повалилъ народъ заботный
По лавочкамъ и въ рядъ Охотный,
Гдѣ, вмѣсто булокъ, калачей,
Рядъ пестрый саекъ, куличей,
Яицъ, окрашенныхъ сандаломъ.

Шумитъ народъ. А тамъ въ домахъ
Хозяйки въ большихъ хлопотахъ:
У нихъ стираютъ пыль сначала
Съ зеркалъ, картинъ и образовъ,
Потомъ со стульевъ, со столовъ;
Затѣмъ ужь окна протираютъ,
И моютъ полъ, и въ печь сажаютъ
Огромный окорокъ, и съ нимъ
Баранью ногу, полъ-теленка,
Съ начинкой каши поросенка,
И послѣ къ образамъ святымъ
Поставятъ свѣчку восковую

И, молча, службу ждутъ ночную,
Когда въ домахъ господскихъ спятъ,
И только кучера, лакеи,
Одни вкругъ дома суетятъ,
Да, рты разинувши, глядятъ
На нихъ мальчишки-ротозѣи.

Вдругъ первый благовѣстъ—и плошки
На храмахъ вспыхнули, горятъ;
Колокола вездѣ гудятъ;
Въ домахъ освѣщены окошки;
Мелькаютъ тѣни. Тамъ салопъ
Купчиха съ гвоздика беретъ
И наизнанку надѣваетъ;
Тамъ позаспавшійся купецъ
Рукой бородку расправляетъ,
И барыня беретъ чепецъ
Изъ рукъ почтительной служанки;
Тамъ двѣ милашечки-смуглянки
Шнуруютъ на груди корсетъ,
И видны съ свѣтлыя окошки
Ихъ ножки и ихъ ручки-крошки;
А тамъ чиновникъ, иль поэтъ—
Два пролетарія страданья —
Едва не плачутъ отъ зѣванья
И пялятъ безъ платка жилетъ.

Но все встаетъ, но все ликуетъ:

Великій день, то — день Христовъ!
И громче звонъ колоколовъ,
И Русь святая всѣхъ цалуетъ,
И разговѣлся весь народъ,
И подъ Новинское идетъ.
Разряжены всѣ, разодѣты...
Ужь надъ шатромъ высоко ель,
Уже краснѣетъ въ лицахъ хмѣль,
Ужь потянулися кареты,
Ужь подъ Новинскимъ карусель,
Кони, качели, самокаты
И балаганы—все шумитъ,
Толпится, музыка гремитъ.
Полѣнщикъ и купецъ богатый,
Чиновникъ и сидѣлецъ—франтъ,
Лакей, швея изъ магазина,
Студентъ, разнощикъ—всѣ спѣшатъ.

Великолѣпная картина
Нарядовъ пестрыхъ, сюртуковъ,
Мантилій, синихъ армяковъ,
Ливрей, шляпъ, шляпокъ и салоповъ,
И платьевъ лѣтнихъ всѣхъ сортовъ,
И сарафановъ и капотовъ,
И трется между нихъ пальто,
И все собой такъ занято.
Паясъ зоветъ глядѣть комедій,

Мужикъ глядитъ, разинувъ ротъ —
И повалилъ за нимъ народъ.
А здѣсь ученые медвѣди,
Звѣринецъ цѣлый напоказъ,
И конный циркъ, и превращенье,
И кукольное представленье,
И бьетъ хозяина паясъ.

Спѣшитъ туда швея-плутовка,
Какой-то щеголь рядомъ съ ней,
И дѣлаетъ онъ глазки ей.
А вотъ съ сигарами торговка,
И къ дѣвкѣ горничной лакей
Подходитъ и... «мое-съ почтенье!
Христосъ воскресъ!» И въ губки чмокъ,
И раскрываетъ свой платокъ:
«Орѣшки право-съ, объяденье.
Что, ваши бары здѣсь иль нѣтъ?»
А вотъ купецъ, его сосѣдъ,
Съ купчихой толстою подъ-ручку,
И внука мальчика и внучку
Ведетъ старикъ, и самъ не свой
Отъ этой жизни молодой.
Вотъ и знакомыя намъ лица:
Мадамъ, старушка и дѣвица,
И съ ними рядомъ Пошехнинъ;
И съ ними онъ въ толпѣ народной

Идетъ и гордо и свободно,
Какъ истый русскій семьянинъ.
Подальше же знакомецъ, лысый—
Слуга почтенной директрисы,
И Вася, умягчая взоръ,
Ужь съ нимъ вступаетъ въ разговоръ,
И держитъ рѣчь свою, какъ дома,
О дѣвушкѣ ему знакомой:
«Такая, то-есть, такъ сказать,
Добрѣйшая и мастерица,
И въ пяльцахъ знаетъ вышивать,
Того... важнѣйшая дѣвица.
И я ужь въ ноги господамъ:
Позвольте, то-есть, въ бракъ законной,
Пиркомъ за свадебку, а тамъ... »
И ухмыляется онъ скромно.

Уже пустѣютъ балаганы;
Встрѣчается ужь рѣже пьяный;
Уже два дня до Ѳоминой.—
И праздникъ въ городѣ иной.
Купцы всѣхъ манятъ на остатки
Въ амбары, лавки и палатки,
И льстятъ дешевою цѣной.
Наполнились ряды панскіе:
Старушки, дамы молодыя,
Дѣвицы всевозможныхъ лѣтъ,

Всѣхъ званій—и за ними въ-слѣдъ
Съ покупками ихъ кавалеры.
Во всемъ сноровка и промѣры,
Вездѣ лежатъ кусочки лентъ,
Люстринъ и ситецъ полинялый,
И крепъ-рашель, весь въ дырахъ, старый,
И залежалое гро-гро,
Все, что названьемъ такъ хитро.
Но вотъ прошла и Ѳоминая.
Старушка, Вари мать родная,
Къ концу, слегла въ постель больна;
Знать, разговѣлася она
По-городски, неосторожно.
И въ изголовьи у больной,
Очередуяся съ сестрой,
Печальна Варя и тревожна,
И ничего не говоритъ,
И только ей въ глаза глядитъ
Съ какой-то робостью, смущеньемъ.
Къ больной и докторъ приглашенъ,
Но головой качаетъ онъ
Съ такимъ отчаяннымъ сомнѣньемъ,
Что страхъ наводитъ на сестеръ,
Слезой туманитъ грустный взоръ;
Что день, лекарство онъ мѣняетъ,
И самъ въ аптеку посылаетъ,
И учащаетъ свой визитъ

И долго у больной сидитъ.
А все въ одной порѣ больная.

На Ѳоминой апрѣль свѣтлѣлъ,
И первый май зазеленѣлъ,
Въ Сокольники всѣхъ приглашая.
Разнощикъ ужь туда спѣшитъ;
Купецъ туда семью тащитъ,
Бредетъ ремесленникъ лѣниво,
Чиновникъ съ дѣтками, съ женой,
Идетъ по пыльной мостовой,
И, разваляся, франтъ спѣсиво,
На парѣ катитъ мимо ихъ,
И тащатся супружествъ пары.
Уже дымятся самовары
И привлекаютъ жадный взоръ.
Поетъ цыганъ знакомый хоръ,
Въ палаткахъ музыка играетъ,
И длинный, длинный рядъ каретъ,
Показывая модный свѣтъ,
Прохожихъ пылью застилаетъ.
Тѣ заглядѣлись на ландо,
Тѣ на открытый верхъ коляски,
Тѣ на каретное стекло,
И ужь не видятъ, что за глазки
На нихъ такъ плутовски глядятъ
И привлекаютъ смѣлый взглядъ.

Но, право, лучше этихъ взглядовъ,
И этихъ вычурныхъ нарядовъ,
И экипажей, и коней,
И модныхъ женъ и дочерей,
Семья купца вкругъ самовара,
Или чиновничья семья,
Когда, порядкомъ закуся,
Пьетъ чай, и благовонье пара
Изъ чайника щекотитъ вкусъ.
Но описать я не берусь.
Да хоть бы, такъ сказать примѣрно,
На пальцахъ блюдечко держать
Такъ граціозно и такъ вѣрно —
Извольте сами перенять.
А эти рѣчи, разговоры,
А этотъ безконечный — «текъ-съ,
А этотъ—«да-съ», а этотъ—«нѣтъ-съ»,
И дочекъ масляные взоры,
И чернь кофейная зубковъ,
И сжатье ротиковъ и ртовъ,
И на макушечкахъ платочки,
И свѣтскость и разгулъ сынковъ.

Люблю я этотъ бытъ безпечный,
И говоръ всѣхъ простосердечный,
Всѣхъ тѣхъ, кто не затѣмъ идетъ,
Чтобъ удивить собой народъ,

Чтобы блеснуть иль экипажемъ,
Иль дочерью, или женой,
Но чтобъ пѣшкомъ, такъ, bon-voyage'емъ
Поразогнать сплинъ зимній свой,
И первый май привѣтно встрѣтить
И что-нибудь въ душѣ отмѣтить
На память красною строкой.
Для этого и мой герой
По гульбищамъ ходилъ, бывало.
Теперь больная удержала,
И крѣпко занятъ онъ больной:
«Пожалуй вѣдь придетъ кончина;
Она умретъ; ну, что тогда? —
Печали грустная картина...
А вѣдь бываетъ иногда,
Такъ, въ наставленіе для свѣта,
Затѣмъ, что много свѣтъ грѣшитъ».
И вспомнилъ онъ стихи поэта:
Гдѣ столъ былъ яствъ, — тамъ гробъ стоитъ,
Гдѣ пиршествъ раздавались клики —
Унылые тамъ воютъ лики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.
И въ-слѣдъ за этими стихами
Представилъ ясно мой герой
Гробъ подъ богатою парчей,
Надъ гробомъ балдахинъ съ кистями,
Съ короной, съ перьями, съ гербами.

Подъ нимъ въ попонахъ четверней,
Но медленно, везутся дроги —
И можжевельникъ по дорогѣ,
И дымъ отъ факеловъ густой,
И въ-слѣдъ священники рядами,
И пѣвчихъ полный хоръ идетъ,
И память вѣчную поетъ.
За ними-жъ рядъ предлинный-длинный,
Пролетокъ, дрожекъ и каретъ;
Все въ траурѣ, все — модный свѣтъ.
А далѣе, на то кладбище
И въ тоже самое жилище,
Безъ провожатыхъ гробъ простой,
На роспускахъ, покрытъ рогожей,
И, встрѣтясь, крестится прохожій
Умершему на упокой...
И слышитъ онъ въ своей прихожей
У Анны шумъ и споръ съ слугой.

— Василій, слышь ты, будь скромненекъ,
Ты не доросъ, ты молоденекъ
Смѣяться эдакъ надо мной!
Я службу барину служила,
Меня покойница любила.
Куды была добра она!
Теперь я имъ награждена.
Попомнилъ онъ мои заслуги,

Мои заботы и труды,
Мои лѣта, мои недуги,
И ты дождешься череды!...
—«Да развѣ я смѣюсь, старуха!
Того... хоть лопни мой языкъ,
Я лгать, родная, не привыкъ,
А то есть, отъ пяты до уха,
До самой маковки, то есть,
Я врѣзался, хоть въ петлю лѣзть!»
— На старость лѣтъ такія рѣчи!
Отъ нихъ хоть уши затыкай.
Ступай, Васильюшка, ступай,
Побереги-ка ихъ до встрѣчи
Съ своей красавицей, съ своей,
Прости мнѣ, Господи, вертушкой!
— Не обижай ее, старушка!
Ее вѣдь любятъ господа:
И что, родная, за бѣда
Присвататься? Какая душка!
Взглянула-бъ! Хоть, того, крестись».
—«Присвататься! — да въ прежни годы
У насъ такъ свадьбы не велись:
Бывало: прежде помолись,
Потомъ старшова въ воеводы
И на подъемъ и на подъѣздъ*,
Другаго въ сваты, и поѣздъ
Съ поручной ѣдетъ ужъ къ невѣстѣ:

Поспорятъ такъ себѣ о мѣстѣ,
Потомъ ударятъ по рукамъ.
За браный столъ. Невѣста взвоетъ.
Утроба матери заноетъ,
Сгрустнется больно старикамъ,
Да ужь нельзя, ужь слово дали.
А тамъ, глядишь, и обвѣнчали,
И молодая подъ платкомъ.
А мы и медъ и брагу пьемъ.
—« Родная! я, того, смѣкая,
Хочу по-твоему начать,
Къ невѣстѣ сваху подослать.
Не откажись моя родная!»

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Выздоровленіе нареченной тещи. — Сборы въ деревню. — Препятствіе. — Актъ.—Стихи Наденьки Боковской.—Сонъ ея и выходъ изъ пансіона.

Не знаю я, отъ порошковъ,
Иль катаплазмовъ, или мушки,
Иль просто—такъ отъ пустяковъ,
Но легче сдѣлалось старушкѣ.
Уже по комнатѣ она
Ходила съ помощью прислуги
И дочерей, потомъ одна;
И кончились ея недуги.
И май давно отзеленѣлъ,
И соловей съ гнѣзда слетѣлъ,
И ей напомнило въ дорогу
Тепло весеннихъ раннихъ дней.
Она, сбираясь понемногу,
Твердила Варенькѣ своей:

—« Пора, пора и намъ въ усадьбу;
Давно тамъ заждались меня ,
А все болѣзнь моя... Но я
Ужь отложила вашу свадьбу:
Послѣ Петровокъ въ мясоѣдъ.
А между тѣмъ я все имѣнье
Рѣшилась заложить въ Совѣтъ.
Охъ, жить въ столицѣ — разоренье !
А я, на старости-то лѣтъ ,
И не подумала объ этомъ !..
Прочла письмо, да—въ путь съ разсвѣтомъ.
Ужь говорила-жъ мнѣ сестра :
«Куда ! зови въ деревню ! Что ты !
Въ Москвѣ вѣдь лишнія заботы !»
А я одно — пора ! пора !
Туда-жъ Авдотья Алексѣвна,
Ну, крестная твоя-то мать,
Мнѣ говорила эдакъ, гнѣвно :
«Какъ ни проси, благословлять
Къ вѣнцу не буду я заочно !
Останься, да зови къ себѣ.
Вишь ты какая ! — я нарочно
Скорѣе собралась къ тебѣ».
Анъ и выходитъ тожъ да тоже,
Да все по нихъ. Ахти, мой Боже !
Вѣдь не минешь въ деревню. . . да.
Но только денежки въ Совѣтѣ

Я получу, такъ ужь тогда,
Какъ Богъ святъ, ни за что на свѣтѣ
Къ Москвѣ не проложу слѣда!
—« Ахъ, что это, моя родная,
Нападки па Москву, на насъ?
Такъ я не отпущу же васъ!»
Сказала Варенькѣ, мигая
И съ разстановкою, мадамъ:
—« Антонъ Иванычъ видитъ самъ,
Что до поста уже немного,
А постъ великъ — и значитъ долго.
Да не на кого и пенять,
Мои родные, надо ждать...»

Ему давно надоѣдало
Всё ждать. Онъ ждалъ до Ѳоминой.
Потомъ старушка захворала,
И молча думалъ мой герой:
«Чтобъ что еще не помѣшало,
Чтобы не сдѣлалось, ей-ей!
Чего съ невѣстою моей?»
—« Раненько-жъ вы, мои родные,
Въ деревню собрались! А вамъ»,
Ему напомнила мадамъ,
Нельзя, — вы люди должностные».
— Въ отставку завтра я подамъ.
— « А актъ забыли »? — Вамъ угодно, —

Рекомендую я на дняхъ
Другаго. — « Что вы это? ахъ!
Другаго? Вотъ ужь превосходно!
И одолжите-жъ вы меня!
Всего до акта три недѣли.
Нѣтъ, я прошу, мои друзья,
Хотя до акта. Вы хотѣли
Имѣнье заложить въ Совѣтъ,
Такъ разочтите, сколько надо
На это времени? » И вотъ
Пошелъ у нихъ счетъ и разсчетъ,
И порѣшили всѣ: « да, правда.
Притомъ нельзя и ускорить:
И надо ждать, и надо жить».
Къ тому-жъ, мадамъ, замѣтимъ скрочно.
Десятилѣтье пансіона
Хотѣла актомъ заключить.

Прошла недѣля, тамъ—другая;
Ужь горожанъ пыль городская
И эта тяжесть отъ жаровъ
Погнала вонъ изъ городовъ.
Ужь съ пашни понеслася стая
Съ добычей новою грачей,
И слышенъ крикъ былъ журавлей.
Ужь мужичекъ позапоздавшій
Сложилъ и запахалъ навозъ,

Ужь накосили первый возъ,
Ужь принесли съ блинами каши
Косцамъ хозяйки на покосъ.
Такъ закипали всѣ работы.
Такъ и въ Подбережкахъ у нихъ
Работа шла. Всѣ ждали ихъ,
И приложилъ бурмистръ заботы:
« Знай, баринъ новый, знай-де насъ ».
Вотъ подойдетъ къ нему дворовый:
« Что тамъ, Терентьичъ, что у васъ? »
— Да что, ни вѣсточки, ни слова...
А вы, Панкратъ Петровичъ, самъ
Извольте вѣдать, господамъ
Пора ужь быть.—« Да, къ мясоѣду
Писала барыня, пріѣду.
Анъ — вотъ и мясоѣдъ тебѣ!
Не въ добрый часъ, починь-то съ мая,
Такъ вотъ и маются себѣ!
А вы стоите что, зѣвая?
Глазѣть бы вамъ, да слушать вамъ!
Вишь собралась гурьба какая!
Постойте, вотъ ужо вамъ дамъ!
Вотъ я васъ припугну работой! »
И снова, съ новою заботой,
Старухи, дѣти, весь народъ
Работаетъ да ждетъ господъ.

Но что въ Москвѣ ихъ задержало?
Имѣнья-ль, пустошей залогъ?
Хоть хлопотали-то не мало,
И, хоть не скоро сдѣланъ долгъ,
Какъ быть должно, такъ, прямо фактомъ,
Потомъ отъѣздъ замедленъ актомъ:
До акта только ужь дня два —
И у дѣвицъ тускнѣютъ взоры;
Стихи, и рѣчи, и слова
Онѣ твердятъ; а полотеры
Уже натерли воскомъ залъ,
Уже учитель танцовальный
Дѣвицъ весь вечеръ занималъ:
Подъ утро классъ былъ музыкальный.
Стихи прослушалъ Пошехнинъ,
И не доволенъ былъ одинъ.

Готовы танцы и концерты,
Наряды, головной уборъ.
Съ утра разосланы билеты.
И вотъ испуганный ихъ взоръ
Ужь видитъ столъ совсѣмъ готовый
И полукругомъ креселъ рядъ.
Лакеи, няньки суетятъ.
То въ залъ мамаши, то родные,
То просто публика, чужіе,
Идутъ, садятся; говоръ стихъ

И межъ учеными женихъ.
« Начните, я займусь листами :
Я подпишу ». И мой герой
Ихъ вызываетъ именами,
Идетъ одна въ-слѣдъ за другой.

Прочли двѣ басенки Крылова,
Еще на этотъ случай слово,
Или привѣтствіе — и вотъ
И къ Наденькѣ дошелъ чередъ.
Она беретъ тетрадь, роняетъ,
Блѣднѣетъ. . . тускнетъ ясный взглядъ
А на нее такъ и глядятъ.
Мадамъ подходитъ : « что съ тобою? »
И Надя вздрогнула душою.
Тетрадь беретъ она ; идетъ ;
А Пошехнинъ глазъ не отводитъ.
Но, слава Богу, вотъ, подходитъ.
—« Что это съ нею? что она?
Мадамъ спѣшитъ перебивая :
« Робка, немного смущена ».
— « Какъ ваше имя? » — Боковская.
— « Стихи-съ? позвольте прочитать!
Мысль хороша ; письма премного. . .
Но мы судить не будемъ строго. . .
Извольте сами начинать ».

Склоняся русою головкой,
Она стихи свои беретъ.
Такъ тяжело ей, такъ неловко;
Уста нѣмѣютъ, слово мретъ;
Она дрожитъ, и долго, долго
Ее всѣ ждутъ. Мадамъ престрого,
Съ насмѣшкой Пошехнинъ глядитъ,
И Варенька вперила взоры,
И слышенъ судъ и разговоры,
И мать какъ будто говоритъ:
« Ахъ, Надя, Надя! другъ мой, стыдно!
Смѣлѣй же, Надя! мнѣ обидно!
Смотри, какъ на тебя глядятъ!
Послушай, что всѣ говорятъ!
Мнѣ это, Надя, непріятно! »
И стала Наденька читать
Такъ — прежде глухо и невнятно,
И вновь готова замолчать.
Но робкій взоръ встрѣчаетъ мать
И чувство матери понятно;
И въ букву каждую стиховъ,
И въ выраженье самыхъ словъ
Ея душа переливалась.
Она невольно оживлялась.
Горѣлъ огонь въ ея очахъ —
И чувство выражалъ такъ ясно,
И шепчутъ всѣ: « ахъ, какъ прекрасно! »

Когда она своихъ подругъ,
Въ объятія бросая свѣта,
Имъ говоритъ въ концѣ куплета:
« Не забывай меня, мой другъ! »
Иль, представляя кругъ семейной
И счастье жизни тиховѣйной,
Гдѣ такъ тепла родная грудь,
Она твердитъ имъ: « не забудь!
Безъ васъ я въ жизни сиротою.
Мой путь туманенъ и далекъ.
Гдѣ преклонюсь я головою?
Найду родной гдѣ уголокъ? »

Глядитъ она: ея родная
Встаетъ, идетъ, безъ слезъ рыдая,
А на нее такъ и глядятъ.
И Пошехнинъ глядитъ съ улыбкой,
И Надя говоритъ ошибкой:
« Забудь меня! » И робкій взглядъ
На мать свою она вперяетъ,
Головку тихо наклоняетъ,
Отходитъ робкою стопой,
Не слышитъ шопота, сужденья;
Она вся — чувство, вся — мученье,
На грудь бросается къ родной —
И слышенъ ропотъ одобренья.
Но громкій ропотъ заглушенъ

И увертюрою, и хоромъ.
Затѣмъ гостямъ чай разнесенъ,
И ищетъ любопытнымъ взоромъ
Невѣсту Пошехнинъ. . . И вдругъ
Вблизи неясно слышитъ слухъ
Упреки, вздохъ и голосъ томной.
Глядитъ, и съ Наденькой она,
И такъ печальна, смущена.
Онъ пробирается къ нимъ, скромно
Тѣснясь межъ креселъ, между дамъ.
Ужь онъ подходитъ къ нимъ. А тамъ
Ужь пляска, ужь фанданго чудный
Подъ звукъ веселый кастаньетъ,
И жарко, и дышать ужь трудно ,
И тѣсно. Онъ теряетъ слѣдъ.
Глядитъ — и Русскій танецъ плавный
En quatre и съ шалями въ рукахъ,
И онъ въ толпѣ, и онъ въ тискахъ,
Такой разсѣянный и странный.
А музыка кадриль гремитъ.

Но вотъ толпа домой спѣшитъ ,
И нянекъ радостныя лицы
Встрѣчаютъ матушекъ въ дверяхъ,
Пока изъ остальныхъ дѣвицы
Берутъ другъ-друга въ-торопяхъ,
И въ залѣ пары замелькали.

Быть можетъ, въ этотъ поздній часъ
Одна изъ нихъ въ послѣдній разъ,
И не прощаясь, безъ печали,
Съ веселымъ хохотомъ стоитъ,
Ждетъ, чередуяся, фигуры,
И внемлетъ звукамъ увертюры,
И въ очи весело глядитъ.

Но что-же съ Надею? Что съ нею
Теперь, бѣдняжкою моею?
Ей тошенъ этотъ пансіонъ;
А дома — бѣдность и забота,
И сляжетъ мать, томясь работой.
Она выходитъ на балконъ
Въ раздумьи грустномъ и тяжеломъ —
Просить отца, иль лучше мать,
Ее домой скорѣе взять,
И слышитъ въ хохотѣ веселомъ
Подругъ насмѣшку надъ тоской.
Она уже бѣжать готова;
Сошла въ садъ робкою стопой —
И ни полъ-звука, ни полъ-слова,
И замираетъ самый вздохъ,
И тише шелестъ робкихъ ногъ.
Ужь недалеко до калитки;
Она ужь вышла изъ аллей —

И ускоряетъ шагъ нешибкій —
Бѣжитъ — и вдругъ мать передъ ней:

— Куда ты, Надя? видишь, поздно.
Въ саду же глухо и темно,
И небо тучами черно.
— « Гуляла я » — Вотъ безподобно
Гулянье это по ночамъ!
А ужь тебя всѣ ищутъ тамъ,
И Марья Карловна сердита.
Ахъ, Надя, Надя! не закрыта
Передъ тобой душа моя!
И въ жизни ты, мое дитя,
Мнѣ будешь помощь, утѣшенье...
Ты кончишь здѣсь свое ученье,
И я ужь, Надя, не бѣдна.
Не будь же, другъ мой, такъ грустна,
И такъ разсѣянна. Быть можетъ,
Намъ въ бѣдности Господь поможетъ,
И мы возмемъ тебя домой,
Раздѣлимъ не въ трудахъ заботы,
Не кровъ, гнетущій нищетой,
Не вѣчное ярмо работы,
А свѣтлый, скромный уголокъ,
Гдѣ иногда подъ вечерокъ
Зайдутъ сосѣди: танцы, пѣнье,
Невинный лепетъ, тихій смѣхъ...

Молись же, Надя! Провидѣнье
Есть милосердое для всѣхъ.—
Но Надя ей не отвѣчаетъ,
Идетъ нетвердою стопой,
И тихо входитъ въ залъ большой.
Тамъ звукъ послѣднiй замираетъ.
— Пойдемъ-те, маменька, со мной
Въ мой дортуаръ.—«Нѣтъ, Надя, съ Богомъ!
Молись, мой другъ! Господь съ тобой!
Вернусь я скоро. Не надолго
Я къ Марьѣ Карловнѣ — звала!..»
— Она звала? — «Да», за порогомъ
Сказала мать, и побрела.

Рыдаетъ Надя, и ложится
Въ свою постель; но ей не спится,
На сердце что-то налегло,
И грустно такъ и тяжело,
И неотступно передъ нею
Съ насмѣшкой горькою своею
И объ-руку съ невѣстой — онъ.
Она забылась. Чутокъ сонъ.
И снова открываетъ очи,
И въ темнотѣ безлунной ночи
Вокругъ блуждаетъ робкiй взоръ.
И снова чуткiй сонъ, тревожной,
И внемлетъ чей-то разговоръ,

И слышится ей, осторожно
Какъ будто крадется кто къ ней,
Подходитъ тихою стопою,
Беретъ за руку и съ собою
Выводитъ тихо изъ дверей.
Она глядитъ, и передъ ней
Отецъ: « Дитя мое родное!
Тебя погубятъ здѣсь, и я
Пришелъ.... пришелъ спасти тебя.
Я знаю, сердце молодое
Такъ страстью дѣтскою полно,
Такъ горячо теперь оно!
И такъ просто! такъ легковѣрно!
Его обманутъ, и навѣрно
Погибнешь ты въ своихъ страстяхъ,
Падешь такъ жалко и такъ низко!
Но не страшись; напрасенъ страхъ,
Когда родное сердце близко!
Ты возвратись со мной скорѣй!
Подъ кровомъ нашего жилища
Тебѣ и лучше и вольнѣй.
Хоть прихотливыхъ нѣтъ сластей,
Но не горька своя намъ пища.
Хоть нѣтъ паркета и зеркалъ,
Хоть уголокъ нашъ тѣсенъ, малъ,
Но тепелъ, чистъ. Въ немъ ты родилась,
Ты выросла въ немъ на глазахъ...»

Вотъ улыбнулась, прослезилась,
Благодаритъ отца въ слезахъ,
И ужь она въ жилищѣ новомъ,
И любо ей, и такъ свѣтло,
И сердце снова ожило —
Здѣсь, подъ роднымъ своимъ покровомъ.

Отецъ ласкаетъ и даритъ,
И мать привѣтнѣе глядитъ,
И жизнь проходитъ дорогая,
Надеждъ и счастія полна,
И позабыла все она.
Минувшее — мечта пустая,
Неясный, грустный, страшный сонъ.
И Надя рѣже вспоминаетъ
Своихъ подругъ и пансіонъ;
Съ родными-жъ чаще: то гулянье,
То—иль спектакль, или катанье—
Въ пролеткахъ съ матерью она —
То мать ведетъ ее къ знакомой,
Тамъ вечеръ, танцы, или дома
Съ ней за работою одна.
Къ обѣду ждутъ отца со службы.
И входитъ онъ съ привѣтомъ дружбы,
Подходитъ къ матери и къ ней,
И говоритъ смѣясь: « плутовка!

Похорошѣла ты, ей-ей!
Пора ужь съ рукъ!» И вотъ головкой
Она наклонится, вздохнетъ,
И онъ поближе подойдетъ:
«Шучу... шучу...» А мать прибавитъ:
—«Да въ чемъ шутить! Она лукавитъ.
Вѣдь сказывала мнѣ вчера...
Ну-жъ вспомни, Наденька!»—Ахъ! что вы?
Мамаша; что вы?—«Нѣтъ, пора.
Ужь и съ приданымъ мы готовы».
И Надя выбѣжала вонъ;
А тамъ она и улыбнулась...
Мать передъ нею.—«Ты проснулась?»
—Ахъ, маменька, все это—сонъ?
«Ну, Надя, встань, Господь съ тобою!
Не очернятъ же клеветою!
Не очернятъ передо мной!
Не плачь, дитя, пойдемъ домой!»

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Отъѣздъ изъ Москвы. — Антонъ Иванычъ въ дорогѣ.—Признаніе Васи и пріѣздъ въ Подберезки.

Свѣтало. Залы опустѣли,
И въ дверь каникулы глядѣли,
И утромъ съ раннею зарей
Осиротѣли дортуары:
Остались двѣ или три пары,
Да Варя съ матерью, съ сестрой.
И начались за сборомъ сборы,
И у прислуги барской споры,
Потомъ прощанье, плачъ и вой.
И вотъ, запряженъ четвернею,
Давно отжившій экипажъ
Въ дорогу тронулся рысцею —
Съ персонами en deux étages.
Все въ немъ напихано, набито,

И ничего не позабыто:
На узелочкѣ — узелокъ,
На коробочкѣ — коробокъ,
Гора подушекъ, три перины
И, въ дополненіе картины,
На козлахъ кучеръ лошадей
Настегиваетъ; дѣвка рядомъ,
И съ дѣвкой, на задкѣ, лакей,
И три персоны не парадомъ —
Въ платкахъ, капотахъ и чепцахъ —
Лежатъ рядкомъ вдоль экипажа;
А сверху новая поклажа,
Что̀ не вмѣстилась въ сундукахъ,
Завязана и подъ рогожей.
Завидя экипажъ, прохожій
Другому указалъ рукой,
И пальцемъ ихъ считалъ другой.
Но кучеръ ужь стегнулъ на-славу,
И покатила за заставу
Четверка тощихъ лошадей,
Напутствуема крикомъ громкимъ:
« Московскихъ саекъ-съ, калачей!»

Въ струну изъ бичевы постромки
И лопнуть, ужь того гляди! —
Но кучеръ всѣмъ кричитъ: «пади!»

Клячонокъ держитъ влѣво, вправо,
Осаживаетъ ихъ порой —
И лошаденки за заставой
Пошли обычною рысцой,
Такъ осторожно и такъ скромно.
И клонитъ ровный путь ко сну,
И дремлется подъ монотонной:
«Ну, ну, сударики, ну! ну! . .»

Въ заставу ту-жъ по той дорогѣ,
И къ вечеру въ тотъ самый день,
Испытывая эдакъ лѣнь
И протянувъ въ кибиткѣ ноги,
За ними ѣхалъ мой герой,
Скучая тихою ѣздой.
Рвались гужи, рвались постромки,
Слуга побранками ворчалъ,
Ямщикъ то-дѣло-что слѣзалъ,
И чуть тащили лошаденки.

Жара и духота кругомъ,
И по дорогѣ пыль столбомъ
Ложится пеленою темной;
И нѣтъ росинки благотворной,
Нѣтъ благотворнаго дождя,
Нѣтъ вѣтерка — вездѣ безмолвно.

Лучи, дорогу раскаля,
Одѣли пурпуромъ сводъ неба;
Вокругъ — березки, вдаль — поля,
Подъ синими волнами хлѣба:
Ячмень, овесъ, и рожь, и ленъ,
Въ оттѣнкахъ темныхъ полосами;
А дальше пажити съ лугами.

И вотъ темнѣетъ небосклонъ;
Кой-гдѣ съ крестьянскими домами
Деревня бѣдная мелькнетъ;
Собака лаетъ у воротъ;
Мальчишки ждутъ отцовъ съ работы,
И какъ-то странно, безъ заботы,
Въ глаза проѣзжему глядятъ —
И дикъ, и страненъ этотъ взглядъ.

Вотъ и ночлегъ. Изба курная.
Дымъ густо стелется въ окно.
Вездѣ и дымно, и черно,
И съ голбцемъ печка пребольшая;
У печки — туча прусаковъ;
Вкругъ — лавки; у дверей — палати;
Въ углу — кіота образовъ;
Въ печи — горшки, онучи, лапти;
У голбца-жъ оцѣпъ, и на немъ

Трясется зыбка,—въ ней ребенокъ;
А на соломѣ, подъ окномъ,
Овца, ягнята и теленокъ.
И все навалено кой-гдѣ:
И рубашенки, и лопотья,
И ленъ, и тряпки, и лохмотья,—
И грязь, и нищета вездѣ.
За-то ужь вѣрно нелуженый,
Но все-жъ найдется самоваръ —
И отъ него и дымъ, и паръ,
Въ-добавокъ низкіе поклоны
Старухи, старика, ребятъ,
И ревъ ребенка да телятъ.

«Чайку вамъ, баринъ, не угодно-ль?»
Глядь, чайникъ съ сломаннымъ носкомъ
Стоитъ, какъ инвалидъ походный,
И подъ дырявымъ ручникомъ
Двѣ-три разрозненныя чашки,
Такія, право, размилашки —
Явились будто на поклонъ,
И блюдечки къ нимъ подъ фасонъ.
А вотъ и сахаръ. Аккуратно —
Кусочками и въ пятнахъ весь.
Оно немножко неопрятно,
За-то радушно, право, здѣсь.

Въ-замѣнъ постели и кровати —
Солома, лавки и палати;
Лучина — вмѣсто ночника,
Свѣтецъ гигантъ — вмѣсто шандала,
И дымъ его, какъ покрывало—
Отъ печки и до косяка.
А поутру, передъ разсвѣтомъ,
Начнется крикъ, возня и блажъ.
И все одно — зимой и лѣтомъ;
Варьяцій много, тема тажъ.

Такіе низкіе предметы
У насъ не жалуютъ поэты;
Имъ лучше нравится лужокъ,
И на лужку бы, такъ, пастушка,
Или аркадскій пастушокъ,
А тамъ — швейцарская избушка
И горныхъ пастуховъ рожокъ.
Я самъ люблю, съ зарею ранней,
Внимать иль пѣсни соловья,
Когда она — изъ рощи дальней,
Или когда, коровъ гоня,
Пастухъ въ рожокъ вдругъ заиграетъ,
И соловей ему вторитъ,
И жаворонка пѣснь звучитъ.
Душа тогда вся замираетъ,

И сердце бьется полнотой
Неясныхъ чувствъ, какимъ-то счастьемъ,
Какимъ-то новымъ сладострастьемъ,
И предъ очами міръ иной —
Міръ чудный, свѣтлый, міръ мечтаній.
И, голову склонивъ на длани,
Я забываю той порой,
Что есть и слезы и печали.
Такъ прежде многіе мечтали;
Но ужь освоилъ человѣкъ
Эгоистическій свой вѣкъ.

Герой мой былъ, о, безъ сомнѣнья,
Современнаго поколѣнья.
Онъ думалъ: «что̀ бы намъ начать
Дороги наши просвѣщать,
Шоссе устроить, мостовыя,
Завесть машины паровыя!
А то трясись да понукай,
Или на водку всѣмъ давай!
Не комфортабельно вѣдь это
Для иллюстрованнаго свѣта».
Такъ думалъ онъ, такъ разсуждалъ,
Извощикъ же на водку бралъ,
И запѣвалъ, и пѣснь сводилась
Подъ звукъ бубенчика. Потомъ

Одолѣваемъ былъ онъ сномъ;
И тройка, такъ, чуть шевелилась,
Кой-гдѣ трускомъ, кой-гдѣ шажкомъ,
Потряхивая головами,
Снуя и хлопая ушами.

И снова тотъ же жаркій день,
И таже пыль, и также душно,
И въ полдень таже мучитъ лѣнь.
Герой мой смотритъ равнодушно
На все, въ какомъ-то полуснѣ,
И мысли у него однѣ —
Скорѣй доѣхать.

Скучно, жарко!
И скуку трубкой и сигаркой
Ему теперь не разогнать;
Несносно даже подремать, —
Такъ и печетъ, такъ и пронзаетъ
Насквозь полуденнымъ лучемъ.
А Вася спитъ подъ козырькомъ;
Ямщикъ въ дремотѣ засыпаетъ;
Одинъ лишь онъ съ тоски зѣваетъ.
«Ты дремлешь?»—Да-съ, того, немножко
Вздремнулось.—« Спалъ ты и храпѣлъ. »
— Всхрапнулъ, а вѣдь, то-есть, глядѣлъ.

Того... мерещилось, что съ Прошкой
Зашелъ въ трактиръ, такъ, кой о чемъ...
Ну, ну, ямщикъ! развѣсилъ уши!
Знай погоняй по всѣмъ-по тремъ!
И многое-съ и о Катюшѣ...
И будто бы я обрученъ,
И свадьба, и того... такое,
Сказать примѣрно, то-есть, сонъ.
А время-то, сударь, какое!
Испека... Ну, пошелъ, пошелъ!
Ну пошевеливай возжами!

По гладкой колеѣ трускомъ
Телѣга ѣдетъ. Вдаль волнами,
Какъ море, воздухъ. Жаръ и зной.
Деревни съ хлѣбными полями;
Пыль по дорогѣ столбовой;
Березки, лѣсъ — и снова гладко,
И ѣхать также скучно, гадко,
И солнце также все печетъ,
И пусто все кругомъ и въ небѣ,
И только жаворонокъ въ хлѣбѣ,
Перелѐтая, пропоетъ,
Да вкругъ телѣги мошекъ рои
Вдругъ зароятся, зашумятъ,
И между нихъ снуя, шумятъ
Слѣпни, какъ древніе герои.

Хвосты усталыхъ лошадей
Лѣниво гонятъ прочь слѣпней;
Но отлетятъ они, и снова
Шумливой тучей налстятъ,
Пьютъ кровь, и спорятъ, и шумятъ.
Ужь до соломеннаго крова
Недалеко. Вдали заборъ,
А тамъ и постоялый дворъ.
И, отдыхъ чуя, коренная
Усталой головой трясетъ,
И фырчетъ и привѣтно ржетъ.
Ямщикъ очнулся; понукая,
Онъ прыть кнутомъ имъ придаетъ.
И тройка подъ навѣсъ ввалилась —
И все вокругъ засуетилось.
Здѣсь отдыхъ, и потомъ опять
Въ дорогу надо поспѣшать,
Трястись привычно на телѣгѣ
И грустно думать о ночлегѣ,
Или о томъ, какъ чай-то пить?
И гдѣ дневать, и гдѣ кормить?

Тряска телѣга жизни. Бойко
Ямщикъ на передкѣ сидитъ,
И понукаемая тройка
Несется, гривы разметавъ.

Рукой привычною и бойкой
И ловко возжи подобравъ,
Онъ правитъ мимо косогора,
Кричитъ: «ну, ну, по всѣмъ-но тремъ!»
Впередъ бѣжитъ все колесомъ
И убѣгаетъ вдаль отъ взора...
Вдругъ — трахъ! и пополамъ задокъ —
И тройка — на дыбы, и рвется...
Ямщикъ на передкѣ несется —
И на землѣ лежитъ ѣздокъ.
А иногда труском, рысцою
Жизнь совершаетъ bon voyage.
У ней спокойный экипажъ
Со всѣмъ комфортомъ и красою:
Лакей въ ливреѣ назади,
На козлахъ кучеръ превальяжный.
Онъ правитъ лошадьми преважно,
Форейторъ всѣмъ кричитъ: «пади!»
Легко и гладко — мостовая —
Ни остановки, ни толчка,
И катится жизнь дорогая,
И перспектива далека.
То гладь, то высь, все горы, горы,
И даль, и близь, и тонутъ взоры,
И тихо ѣдетъ экипажъ.
Грузенъ. Лошадки поустанутъ;
Потомъ какъ вкопаныя станутъ.

Ну, ну!—Стоятъ.—Таковъ знать часъ,
И кончился съ тѣмъ bon voyage.

Герой, не думая объ этомъ,
Дорогой долгою скучалъ,
И просыпаясь, засыпалъ,
И ни однимъ въ пути предметомъ
Онъ не былъ крѣпко пораженъ.
Хотя не эгоистъ былъ онъ;
Но такъ, проникнутъ весь тоскою,
Онъ пораженъ былъ слѣпотою,
Оглохъ совсѣмъ и онѣмѣлъ —
И дать отчета не умѣлъ
Себѣ въ нелѣпомъ опошленьи:
Иль отъ дороги, иль отъ лѣни,
Или, Богъ знаетъ, отчего
Томитъ безсмыслица его —
И гадкая полудремота,
Когда, вотъ о бокъ, просто съ нимъ
Жена и дѣти, и забота.
И разговоръ съ слугой своимъ
Ведетъ онъ, скукою томимъ,
О свадьбѣ, о роднѣ, деревнѣ.
И Вася думаетъ о Фленѣ.
« Я попытаюсь-ка, авось!
Не бось, Васильюшка, не бось!»
И началъ Вася мой спокойно:

Онъ разсказалъ ему невольно
О связи съ горничной. Потомъ
Бить за него просилъ челомъ
И приглашалъ на пиръ богатый...
И вотъ попалъ герой мой въ сваты;
Но какъ бы ни было, онъ радъ —
И ergo — ѣдетъ. Скучно, долго.
Глядитъ и дремлетъ. Пусть тащатъ
Въ деревню клячи-лошаденки.
Досадно! — станціи — избенки,
И негдѣ сладко отдохнуть,
И негдѣ съ горя, такъ, вздремнуть!
Когда-жъ доѣдетъ? Скоро, скоро!
И огородъ вмѣсто забора.
Село. Доѣхать бы пора!
Да вотъ ужь онъ и у двора.
И съ этимъ выглянулъ онъ скромно
Изъ-за рогожнаго возка,
Пока «прру» долгій ямщика
Останавлялъ коней, пока
Лѣниво, сонно, непроворно
Слѣзъ сонный Вася съ облучка;
И передъ нимъ тогда картинно —
Господскій домъ и скотный дворъ,
Деревня, флигель, садъ, заборъ.
Все это — длинно и предлинно.
И онъ глядитъ за огородъ.

Избы крытыя соломой,
На дворѣ кой-гдѣ народъ,
Куры, гуси, всякой сбродъ
Деревенщинѣ знакомый;
И въ лохмотьяхъ, нагишомъ,
По дорогѣ ребятишки.
Грустно, скучно! Все кругомъ
Развалилось, безъ покрышки.
Здѣсь виднѣетъ чей-то дворъ,
Покачнулся тамъ заборъ,
Дальше что-то обгорѣло,
Что-то высится въ-чернѣ...
Нѣтъ, деревня не по мнѣ!
Сердце — грустью изомлѣло!
А ему здѣсь — тьма хлопотъ:
Поправлять, и крыть, и строить.
Чѣмъ же сердце успокоить?
Заунывный хороводъ,
У крестьянъ мірская сходка,
Шумъ и гамъ, и споръ и крикъ—
Невеликая находка.
Да къ-тому-жъ онъ не привыкъ
Видѣть эти хороводы,
Слушать споры мужиковъ
За поля, за огороды,
За дѣтей и за коровъ.
Это лѣтомъ, а зимою —

Глухо, пусто, ни слѣда; —
Лишь по снѣгу иногда
Прослѣдитъ бѣднякъ съ сумою,
У оконца постучитъ,
И собака проворчитъ.
Иль сосѣдка со льномъ, пряхой,
Вся растрепой и неряхой,
Черезъ улицу бѣгомъ,
Да напротивъ, подъ окномъ,
Мальчикъ возится съ дровнями,
И изъ лѣса долгій слѣдъ
Протянулся полосами.
Знать, поѣхали чуть-свѣтъ
За готовыми дровами,
И снѣжокъ не порошилъ,
И слѣда не заносилъ.
Скучно, грустно! лишь порою
Пѣсня громко прозвучитъ;
То гуляка пробѣжитъ
Въ домъ питейный за рѣкою,
Иль къ сосѣдкѣ вечеркомъ —
Дѣвка бойкая; за нею
Парень крадется тишкомъ.
Разсударушкой своею
Кличетъ онъ ее, манитъ,
И въ-догонъ за ней бѣжитъ.
А напротивъ у сосѣда —

Сходка дѣвичья, бесѣда.
Освѣтилося окно,
И жужжитъ веретено,
И трещитъ въ свѣтцѣ лучина,
И въ гармонію дѣтина —
Парень, малой удалой,
Хоровую пѣсню ладитъ:
То встряхнетъ онъ головой —
И завивъ кудрей разгладитъ,
То, присвистнувъ, запоетъ,
То глазами поведетъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Авдѣй Иваныч.—Родословная Авдѣя Иваныча.—Вдовство его. — Забота его о дочеряхъ.—Людскіе толки объ Авдѣѣ Иванычѣ. — Кончина его.—Наслѣдницы Авдѣя Иваныча. — Дѣлежъ ихъ. — Варенька и Анюта.

Читатель, я займу надолго
Моимъ разсказомъ новымъ васъ;
Деревня скраситъ мой разсказъ.
Въ деревнѣ есть занятій много:
Косьба, жнитво, а тамъ посѣвъ;
Сходить въ овинъ, въ коровій хлѣвъ,
Зайти на скотную, въ амбары,
Въ людскую избу, въ сѣновалъ.
Такъ въ прежни годы жили бары,

Такъ мы живемъ, такъ изживалъ
Авдѣй Иванычъ вѣкъ свой старый —
Родной дѣдъ Вареньки моей
По женскому колѣну, прямо
По матери. И много дней,
Чтобъ знать весь древній родъ, упрямо,
Я разбиралъ его столбецъ:
Читалъ, читалъ, и наконецъ
Прочелъ, что родъ до Іоанна,
При Іоаннѣ сынъ Степана
Назаръ Постельничимъ ужь былъ,
Что сынъ Назарьевъ въ Крымъ ходилъ,
Что въ семъ несчастливомъ походѣ
Онъ былъ убитъ при воеводѣ,
И что Назарьевъ сынъ другой,
Кузьма, возстановилъ родъ свой,
По смерти братниной, приплодомъ, —
Онъ былъ отцемъ трехъ Кузьмичей.
Отъ нихъ пошло по роду родомъ...
И старшій братъ изъ сыновей,
Антонъ Кузьмичъ, родилъ Ивана,
А отъ Ивана былъ Авдѣй;
Отъ двухъ же младшихъ Кузьмичей
Родились дочери: Ирина,
Фаиста, Ѳекла, Акулина.
Послѣдняя была вдовой;
На Ѳеклѣ былъ женатъ Езерскій,

А на Фаистѣ—на второй—
Женатъ князь Шипинъ-Бѣлозерскій ;
Ирина же, живя съ сестрой ,
И всѣмъ имъ старшая сестрица ,
Навѣкъ осталася дѣвица.
И такъ, у Вареньки моей
Весь родъ былъ старый и дворянской ;
Онъ отличался спѣсью барской
И спасъ пергаментъ отъ червей.
Поэтому отъ дѣда къ дѣду
Шелъ родословный ихъ столбецъ ,
Пока, завидуя сосѣду ,
Ея покойный ужь отецъ
Не рушилъ грамотою новой
Такое множество родовъ
Безъ геральдическихъ гербовъ.
Онъ гербъ досталъ себѣ готовый:
Въ немъ—раздѣленный сверху щитъ ,
Со шлемомъ вмѣстѣ, былъ покрытъ
Лейбъ-компанейской шапкой. Много
Объ этомъ спорили и долго :
Когда, откуда новый родъ
Начало древнее беретъ ?
А намъ и вправь какое дѣло !
Не ловко какъ-то и не смѣло ,
Да и къ-тому-жъ не тотъ ужь свѣтъ ,
Чтобъ брать героевъ за сто лѣтъ.

Возмемъ поближе къ нашей эрѣ,
Изобразимъ, по-крайней-мѣрѣ,
Картину проще и вѣрнѣй...
Nec pedem move... Но смѣлѣй!—
И жизнь семейная въ картинѣ...

Читатель помнитъ, у моей
У Вареньки, у героини,
Была сестра, старушка-мать
И тетушка ея родная,
Да кромѣ ихъ, родня большая.
Съ старушекъ намъ и начинать,
Родню на время оставляя.
Начнемъ же съ первой,—ко второй
Разсказъ дойдетъ и самъ-собой.
Отецъ ихъ былъ Авдѣй Иванычъ,
Не то что баринъ и не баричъ,
А то, что мы зовемъ межъ баръ—
Съ душою истинно господской.
Служилъ онъ долго въ службѣ флотской,
Въ отставку вышелъ уже старъ,
И въ бракъ вступилъ онъ не по лѣтамъ.
Была-ль его ошибка въ этомъ,
Иль рокъ какой-то тяготѣлъ,
Иль положенъ ужь былъ предѣлъ,
Иль такъ уже судьба судила,
Чтобы она глаза смежила

И двухъ оставила сиротъ,
А съ ними тысячу хлопотъ.
Да-съ, очень трудно воспитанье,
Особенно же дочерей,
И потому къ роднѣ своей
Онъ отдалъ ихъ и содержанье
Имъ каждогодно посылалъ,
А самъ, одинъ и на свободѣ,
Сталъ печься о своемъ народѣ,
И по хозяйству хлопоталъ
И день и ночь. За-тѣмъ, итогомъ
Его заботъ, его трудовъ,
Избытокъ полный былъ во многомъ:
Скотъ славный отъ своихъ коровъ,
Быки по двадцати пудовъ,
Ягнята жирные и птица
Всѣхъ возрастовъ и всѣхъ сортовъ,
А въ полѣ что за рожь!—пшеница,
Что за овесъ!—прямой ячмень.
И онъ въ довольствѣ каждый день.
Не только, такъ себѣ, чужіе,
Но кровные, свои-жъ родные,
Ему завидовали въ томъ.
«Вѣдь былъ, кажись, и небогатый,
Теперь, смотри, какой онъ домъ
Затѣялъ, что̀ твои палаты! —
До дюжины однѣхъ дверей!

Въ усадьбѣ-жъ сколько флигелей,
Пристроекъ!—житницы, анбары,
Двѣ риги, баня и овинъ! —
Съ сотнягой душъ, а господинъ,
И лѣзетъ, то есть, прямо въ бары».
Такъ разсуждала вся родня:
Подточины, Иванъ Езерскій,
И самъ князь Шипинъ-Бѣлозерскій,
И сестры всѣ, и вся семья.
Да кромѣ ихъ, въ прислугѣ барской
Объ немъ былъ разговоръ такой,
Что домъ въ Подбережкахъ—домъ барской,
Что-де накормятъ на-убой
И напоятъ, хоть пѣсни пой!
«Оно, Терентьичъ, вы и правы,
И я, того, и самъ смѣкалъ»,
Слугѣ такъ кучеръ замѣчалъ:
«А тутъ не безъ того—лукавый!
Взгляните-ка, бурмистръ-то Петръ:—
Глядитъ на всѣхъ, ну чортъ какъ чортъ,
А сынъ его, такой бѣсенокъ!
Панкрашка, взятъ что въ казачки.
Не трусъ-де я и не ребенокъ,
А, слышь, толкуютъ мужички,
Что и они, то есть, видали,
Какъ къ нимъ получатки летали».
— Да что же это, кумъ Андрей?

—«Вѣстимо что̀, вѣстимо змѣй,
Змѣй огненный съ хвостомъ, съ когтями,
И съ змѣемъ кто, то-есть, знакомъ,
Такъ у того амбары, домъ,
Полны-полнешеньки! Мы сами
Видали. Чай вѣдь ты знавалъ
Семена?»—Силыча?—«Да.» —Знали.
И какъ не знать, въ дому бывали!
—«Такъ ты объ немъ-то чай слыхалъ,
Какъ змѣй носилъ хлѣбъ ворохами?
И зажилъ, зажилъ мужичокъ,
Пошелъ въ задоръ онъ съ господами.
Вотъ я и взялъ, Терентьичъ, въ толкъ,
Что водится и Петръ съ чертями—
И терпитъ отъ него народъ;
А въ баринѣ ему почетъ».

Но эти общія сужденья
Авдѣй Иванычъ не слыхалъ,
И жилъ, и славно поживалъ,
И, старости на утѣшенье,
Онъ взялъ къ себѣ двухъ дочерей.
Одна изъ нихъ звалась Татьяна,
Она—мать Вареньки моей,
Другая, тетушка ей, Анна.
И праздновалъ старикъ тотъ день.
Казалось бы, какъ въ древни лѣта,

Подъ патріаршескую сѣнь
Смерть не заглянетъ, но для свѣта
Ужь миновалъ безсмертья вѣкъ
И ближе къ смерти человѣкъ.
Такъ рода древняго потомокъ,
Хоть, право, очень жалко намъ,
Авдѣй Иванычъ умеръ самъ,
И родъ, который былъ столь громокъ....

Остались дочки сиротами
И подѣлились пустошами,
Двумя усадьбами, потомъ,
Какъ должно, подѣлили домъ
И дворню барскую большую.
И вотъ—со смертію отца
Плѣнилъ блескъ брачнаго вѣнца
Одну изъ нихъ—сестру меньшую;
И вышла, и лѣтъ пять пожить
Успѣла, и потомъ съ долгами
Въ Совѣтъ имѣнье заложить —
Съ усадьбой, лѣсомъ, пустошами.
Но мужъ скончался въ тотъ же годъ,
Вдовѣ оставя тьму заботъ,
Долговъ и дѣлъ со всей роднею.
Она, какъ водится, судомъ
Судилась съ старшею сестрою,
Что недовольна дѣлежомъ,

И, по рѣшенію, вступила ,
Опять въ раздѣлъ, опять въ дѣлежъ.
Дѣлили все, что въ домѣ было ,
Что время грустно сохранило ,
Въ добавокъ къ этому—всю рожь ,
Все жито, весь овесъ, рогатый ,
Безрогій скотъ, гусей и куръ ,
Десятка съ два бараньихъ шкуръ ,
Лаханки, ведра и ушаты ,
Цыплятъ, утятъ, гусятъ, телятъ
И много рифмою на ятъ.
Она было, того, хотѣла
Къ имѣнью, къ дому, да—нельзя :
Уже давно отдѣлъ имѣла ;
Къ тому-жъ вступилась вся родня
И отказала въ этомъ Аннѣ —
Меньшей сестрицѣ, и при томъ
Покончили все дѣлежомъ.
А онъ былъ выгоденъ Татьянѣ:
У ней осталися крестьяне ,
Не заложенные въ Совѣтъ ,
Душъ слишкомъ сто, нестарыхъ лѣтъ,
Все тягольные, скопидомы ,
Панкратъ Петровичъ—нашъ знакомый ,
Подбережки, тьма пустошей ,
Залишнихъ множество людей ,
И лѣсъ на пустоши отхожей,

И челядь дворская въ прихожей.
Съ такимъ имѣніемъ она,
Кичливой гордости полна,
Сидѣла-бъ въ дѣвкахъ долго-долго
И накопила-бъ денегъ много;
Но случай съ нею подшутилъ:
Майоръ, увы! ее плѣнилъ.
Хоть упираясь, хоть не скоро,
Но дѣва вышла за майора,
И жизнь скорѣе понеслась,
Когда семьей обзавелась
И въ три, или четыре года,
Для умноженія народа,
Трехъ дочекъ міру принесла.
Одна почти-что ужь супруга,
Другая скоро умерла,
Не знаю, съ голода-ль, съ испуга-ль,
А третья и теперь живетъ.
Моя исторія впередъ!
Я написалъ ужь половину
И, чтобы не наскучить вамъ,
Спѣшить теперь я буду самъ.

Андрей Михайлычъ, не къ помину
Души его, съ супругой жилъ
Не для нея, а для имѣнья,
И вдоволь многое прожилъ,
И, жизни этой въ заключенье,

Развелся на̀чисто съ женой,
Что и спасло мою Татьяну.
Какъ звѣрь, свою почуя рану,
Она съ сестрицею вдовой
Судъ на него. Подняли дѣло.
Да какъ онъ могъ? да какъ онъ смѣлъ?
Пока въ судѣ оно кипѣло,
Конецъ судимаго приспѣлъ;
Майоръ помре безъ завѣщанья,
И то, что было,—всякой хламъ,
Съ землей, съ людьми, двумъ дочерямъ
Остался весь на поминанье
Души его.
И въ этомъ вы
Не видите-ль опредѣленья,
Или карающей судьбы?
Не видите-ль, какъ поколѣнье
Кончается? какъ древній родъ
Въ иную линію идетъ
И щитъ двоится? Время, время,
Неумолимое ни чѣмъ,
Коситъ лѣта,—и плодъ, и сѣмя
Гніетъ, сгниваетъ, и ни кѣмъ
Не будетъ спасено, что было,
Что будетъ—сбудется, пройдетъ,
Что есть теперь—то все умретъ,
Лишь гробъ останется съ могилой,

Безсмертья сѣмя, жизни плодъ.
Но не пишу я разсужденье!
Вы помните, что все имѣнье
Отца пошло двумъ дочерямъ
Въ раздѣлъ, по купчимъ крѣпостямъ.
Въ поминъ его, и вотъ дѣвицы,
Въ опеку взяты, и съ тѣхъ поръ
Ихъ мать и тетка—двѣ вдовицы
Не начинали больше ссоръ.
Къ-тому же ссориться нельзя
Имъ было: все ужь подѣлили,
И по усадьбамъ врозь живя,
Лишь изрѣдка онѣ гостили.
Одна прiѣдетъ съ дочерьми,
Подарковъ навезетъ съ собою,
Другая съ дѣвками, съ людьми,
Макарьевскою сиротою,
И весь крещеный мiръ кричитъ:
Покрово съ челядью гоститъ.
И изъ Подбережковъ въ Покрово
Везется хлѣбъ, ведется скотъ,
И на постройку весь народъ
И все, что вздумалось — готово.
Живя такъ, въ десять слишкомъ лѣтъ
Прожили многое старушки.
Ужь дѣти бросили игрушки,
Ужь имъ пора было и въ свѣтъ

Вздохнувъ о дѣвичьей свѣтлицѣ.
Но старшую я описалъ,
Какъ и въ Ростовѣ, и въ столицѣ
Она училась, какъ дѣвицѣ
Господь и жениха послалъ.
Теперь, читатель, осторожно
Начну я съ вами говорить;
Вы сами видите, мнѣ должно
Еще одну изобразить —
Ея сестру, и я не смѣю,
Я, знаете, боюсь, робѣю,
Скажу, пожалуй, да не то.
Лѣта я знаю—двадцать съ годомъ,
Ростъ—средній, личико—чисто,
Глаза изсѣра, носикъ съ горбомъ,
Цвѣтъ на щекахъ и на губахъ
Блѣдно-брусничный, прездоровый,
Волосъ цвѣтъ—свѣтлорусый, брови
Едва замѣтны, и въ глазахъ
Есть выраженіе чего-то;
Чего? Не знаю; но примѣтъ
У барышни особыхъ нѣтъ,
А то бы первою заботой
Моею было разсказать
И новую главу начать.

Въ Покровѣ провела дѣвица

Спокойно юности лѣта,
И разцвѣтала красота,
И тетушка ея—вдовица—
Ужь не нахваливалась ей,
И всѣмъ знакомымъ называла
Анютой милою своей.
Прошло ужь времени не мало;
Съ нее Анюта ростомъ стала,
Точь-въ-точь, какъ я вамъ описалъ;
Любила чтенье, рукодѣлье,
Не пропускала и веселье.
Бывало, гдѣ уѣздный балъ,
Иль вечеръ, или танцованье,
Она ужь тамъ, и до утра,
И все какъ будто не пора.
Чтобы племянницы желанье
Исполнить, тетка той порой
Брала ее вездѣ съ собой;
Но дѣвушкѣ все было мало:
Она по цѣлымъ днямъ скучала,
Рвалася къ жизни городской.
Тогда родные отъ печали
Ее случайно сберегли—
Съ собою въ городъ увезли
И крестной матери отдали.
У крестной матери своей
Она тогда еще скорѣй

И пополнѣла и развилась,
И увлекала всѣхъ собой,
Хоть и не выбрался герой.
Ей сватали, но не рѣшилась
Попрежде старшей дочки мать
Меньшую дочь благословлять.
Она твердила: «рано, рано,
Разстаться мнѣ съ моею Анной,
Да съ Вари-жъ надо и начать».
Пока шли эти разговоры,
Пока искали зорко взоры
Того, кто былъ бы мужемъ ей,
Скончалась крестная у ней,
Оставя кое-что въ наслѣдство.
На погребеніе сосѣдство
Пріѣхало, и на рукахъ
Несли покойницу въ обитель,
Гдѣ старъ и малъ—единый прахъ...

И тутъ же, со слезами
Сосѣди грустные сошлись,
Отдать послѣднее лобзанье
Рабѣ, и послѣ поминанья
Обѣдомъ жирнымъ—разошлись,

Поплакала моя дѣвица,
А дѣлать нечего! Съ родной
Она поѣхала домой,

И приняла ее свѣтлица
Родная, прежняя, опять,
Какъ кладъ забытый, но завѣтный,
Гдѣ дѣвушка могла вздыхать,
Иль за работою зѣвать
Въ дѣвичьей думѣ: чей привѣтный
Взоръ дѣвѣ скажетъ: «ты моя!»
Кому отвѣтитъ: «я твоя!»
И подойдетъ такъ гордо, смѣло,
Красавицей осиротѣлой.
И сколько вздоховъ, сколько слезъ,
И сладкихъ сновъ, и сладкихъ грезъ!
Тогда одно ей было можно—
О томъ, что будетъ, помечтать,
Чего не знаетъ вовсе мать,
Что такъ хитро и осторожно
Служанка ей передаетъ,
И о военномъ рѣчь ведетъ,
О томъ, что съ мушкетерской ротой
Стоялъ въ селѣ и часто былъ
У ихъ сосѣда. Я забылъ
Объ немъ, а первою заботой,
Чтобъ скрасить бѣдный мой разсказъ,
Побольше лицъ. На этотъ разъ
Останетесь довольны мною.
Начнемъ же новою главою.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сосѣди по усадьбѣ. — Крестная мать Вареньки Авдотья Алексѣвна. — Сынокъ Авдотьи Алексѣвны Сережа. — Нѣкоторыя намѣренія Авдотьи Алексѣвны въ-отношеніи Сережи. — Езерская. — Пріѣздъ къ ней Авдотьи Алексѣвны. — Первая сплетня, очень удачная. — Біографіи родныхъ Вареньки и толки о женихѣ.

Близъ ихъ усадьбы—барской домъ
Большой, и новый, и холодный;
Вокругъ—избенки, въ нихъ содомъ,
Народъ оборваный, голодный;
А въ домѣ томъ—старушка мать
И съ ней сынокъ. Объ немъ нескоро;
Старужка-жъ, право, благодать!
Скучая жизнію въ ту пору,
Она любила, такъ сказать,
Дѣла всѣ слаживать. Бывало;
Къ ней за совѣтами: она

Не затрудняется ни мало,
Участья ко всему полна.
Присватается-ль кто къ невѣстѣ:
Она ужь знаетъ, что за ней;
По доброй совѣсти, по чести
Объявитъ, сколько пустошей,
Земли, и душъ, и денежонокъ;
Родится-ль у кого ребенокъ, —
Она съ совѣтомъ, какъ назвать
И въ кумовья кого бы взять;
Умретъ ли кто, — она тудаже:
« Вѣдь надо этакой покровъ,
И надо столько-то поповъ.
А то куда какъ скупы, даже
Несли и гробъ-то на рукахъ! »
За-тѣмъ пойдетъ разборъ сосѣдства,
Кому изъ нихъ идетъ наслѣдство, —
И раскладетъ, какъ на бобахъ.
Не надо, вправду, родословной
И поколѣнныхъ росписей:
Все твердо въ памяти у ней, —
И даже къ сказкѣ полюбовной
Подписывались, прежде съ ней
Поговоря и потолкуя, —
На что сынъ, тайно негодуя,
Страдалъ и скукой и хандрой
И недоволенъ былъ судьбой.

И какъ довольнымъ быть? Не мало
Въ немъ самолюбіе страдало,
Когда онъ, слишкомъ въ двадцать лѣтъ,
Въ отставкѣ только-что корнетъ!...
И былъ тутъ маменькинъ разсчетъ.
« Ему служить! Ахъ, Богъ мой! вотъ
Какъ будто онъ и безъ имѣнья?...
Ужь поплатила въ пансіонъ
На это, Господи, ученье!
Да и здоровьемъ слабъ-то онъ ».

За разсужденьемъ разсужденье.
Пришлось въ отставку подавать,
Жить съ маменькою и скучать,
Готовясь къ жизни минеральной
И къ Пятигорью, на Кавказъ,
Отъ молодости, отъ проказъ,—
Къ поѣздкѣ, правда, скучной, дальной,
Чему противилась и мать,
Боясь черкесскаго приволья;
Но на Кавказѣ побывать
Казалося сынку раздольемъ,
Что̀ подтверждалъ и капитанъ —
Уѣздныхъ барышень тиранъ —
Разсказомъ о водахъ Кавказа:
Какъ чудодѣйственны онѣ,
Какъ старики, небольше раза

Побывъ въ холодной ихъ волнѣ,
Являлись снова молодыми.
И онъ разсказами своими
Смутилъ корнета, и корнетъ
Покинулъ бы уѣздный свѣтъ;
Но вдругъ, нежданно, роковое
Препятствіе увидѣлъ самъ:
Его имѣнье родовое,
Когда бы смерть онъ встрѣтилъ тамъ
Отъ шашки звѣрскаго черкеса,
Иль отъ леченія водой,
Пошло бы прямо въ родъ чужой.
Хоть онъ былъ истинный повѣса,
Все здраво могъ же разсудить,
За что имѣнья мать лишить?
Къ отцу отъ дѣда шло имѣнье
И къ сыну прямо отъ отца,
Безъ дѣлежа, безъ раздробленья,
И мать, не ждавъ уже вѣнца,
Что̀ приходило ей на долю
По мужѣ, сдѣлала отказъ
Ему, но не спускала глазъ
Съ него и укрощала волю.
Въ то время для нея была
И Варенька куда мила! —
Не знаю, по душѣ иль съ виду.
Я это не пишу въ обиду;

А знаю, что въ своихъ правахъ
Она казалась — примиренье,
И гнѣвъ, и скорое прощенье,
И нѣжность, и холодный страхъ,
И овладѣвъ душой нетвердой,
Она ужь замышляла гордо,
При первой встрѣчѣ юныхъ лѣтъ,
На жизнь набросить крепъ печальный,
Въ рукахъ смять перстень обручальный,
Внушить ей мысль — покинуть свѣтъ
Подъ покрываломъ отреченья,
И тѣмъ соединить имѣнье,
И пріобщить ко ста душамъ,
Что шло въ раздѣлѣ двумъ сестрамъ.
Обдумано такъ было долго,
Все перевѣрено престрого,
Все подготовлено, и вотъ
Невольно рушился разсчетъ.
Во-первыхъ Вареньку отдали
Въ Ростовѣ въ пансіонъ; потомъ—
Въ Москвѣ. Но сынъ и мать мечтали
Еще лѣтъ нѣсколько о томъ.
Тогда ея сестра меньшая
Росла себѣ, и подростая,
Явилась чудо передъ нимъ,
И этимъ знаніемъ своимъ
Всѣхъ грасъ и всѣхъ приличій свѣта

Завоевала вдругъ корнета.
И мать подумала: « мой планъ
Сбылся! терпѣнья не надолго!»
Какъ вдругъ явился капитанъ.
Она встревожилась премного,
Потомъ подумала... и вдругъ
Вездѣ пораспустила слухъ,
Что онъ бѣднякъ, что онъ служака,
Ни то, ни се, и не до брака
Ему. И въ-слѣдъ за клеветой
Съ сосѣдкой разговоръ простой
О томъ, что въ свѣтѣ злыя рѣчи,
Что частыя съ военнымъ встрѣчи
Глазъ-на-глазъ дочери меньшой
Толкуютъ странно и обидно,
И разсказать такъ, то-есть, стыдно.
Повѣрила старушка мать,
И крѣпче стала дочь держать.

Но зоркій глазъ ея тревожно
За капитаномъ все слѣдилъ —
И думала она: «вѣдь можно;
Пожалуй онъ ее плѣнилъ,
И знаете, того, прислуга —
Отъ нихъ лишь жди однѣхъ проказъ!» —
И чуть не умерла съ испуга —
« Какъ какъ-нибудь, да глазъ-на-глазъ... »

Но вдругъ придумала: «прекрасно,
Я съ нимъ должна поговорить
И мысль о сватовствѣ внушить,
Не напрямикъ, а вскользь, неясно.
Пусть онъ предложитъ, вѣрно мать
Покрѣпче будетъ дочь держать».
Такъ и сбылось. Она съ военнымъ
Простилась навсегда, и вотъ
Двухъ нянекъ — сторожемъ безсмѣннымъ —
Къ ней въ горенку. Прошелъ такъ годъ;
И было дѣвицѣ такъ горько,
Такъ скучно жить почти одной,
Привыкнувъ къ жизни городской,
Да съ нянькой говорить—и только,
Иль подгорюнясь сидѣть,
И на поля въ окно глядѣть.
Старушка-жъ думала: «ей Богу,
Пройдетъ все это понемногу!
Я знаю по себѣ, пройдетъ.
Дай покажу-ка ей участье
Свое. Ахъ, Господи мой! вотъ
Сама бѣжитъ она отъ счастья!
Чѣмъ не женихъ мой сынъ? ей-ей,
Невѣсткой быть тебѣ моей!
Тогда и Варю-то нетрудно
Мнѣ въ монастырь уговорить».
Какъ вдругъ прослышала:—вѣдь чудно! —

Зовутъ благословлять! Какъ быть?
Что такъ обдумано, такъ долго
Лелѣяно въ душѣ съ тревогой,
Чтобъ эту мысль ей погубить?
« О нѣтъ! не быть же этой свадьбѣ!
Дождуся ихъ въ моей усадьбѣ!»
И дождалась — и много думъ —
И сталъ работать хитрый умъ.

« Сегодня въ гости я поѣду
Къ Езерской Ѳеклушкѣ къ обѣду;
Отъ нихъ къ Подточинымъ, потомъ
Я посѣщу и княжій домъ;
А тамъ, заѣхать бы оттуда
Къ родному дядѣ ихъ не худо,
Да въ домѣ — псарня и содомъ;
А я такой отвратъ имѣю.
« Ѳома! четверку лошадей!
Ну, что глядишь ты, ротозѣй?
Умойся, да надѣнь ливрею!»
И вотъ, отдавъ приказъ лакею,
Она всю дворню сбила съ ногъ.
Пошелъ такой переполохъ,
Что Боже упаси! Тамъ сбрую
Форейторъ чиститъ, тамъ кузнецъ
Подковываетъ коренную.
Вотъ выкатили наконецъ

И экипажъ. Несутъ постромки;
Лакей и кучеръ спорятъ громко,
Конюшій старый суетитъ,
Колеса мажетъ и вертитъ
И съ экипажа пыль стираетъ,
Въ людскую-жъ дѣвка прибѣгаетъ
За утюгомъ и за бѣльемъ.
Двѣ дѣвки шьютъ, двѣ дѣвки гладятъ,
И барыню старушку рядятъ.
И вотъ она ужь подъ чепцомъ,
И вотъ она уже готова.

«Куда вы, маменька?»—Прощай,
Къ сосѣдямъ ѣду на два слова.
А ты, Сереженька, гнѣдова
Вели, да съ Богомъ поѣзжай
Въ пролеткахъ, къ Варенькѣ, къ Татьянѣ
Авдѣвнѣ. Анночкѣ поклонъ.
Увидишь жениха: что онъ?
Каковъ? Да какъ у нихъ крестьяне?
Заложены на сколько лѣтъ?
Пошли въ залогъ съ какой землею?
И сколько денегъ далъ Совѣтъ?
Прощай, Сереженька! — «Прощайте».
—Смотри-жъ узнай, что за женихъ.
Ну, ротозѣи, ну, ступайте! —
И на подножкѣ голосъ стихъ.

« Къ Езерскому пошолъ! » И скромно
Поплелся экипажъ огромной.
Крестьянинъ, шляпу снявъ, глядитъ,
А онъ звенитъ и дребезжитъ.

Езерская въ своей гостиной
Чай разливала. Передъ ней
Стояли дѣвка и лакей.
Онъ поправлялъ сюртукъ свой длинный,
Она глядѣла на подносъ,
А на диванѣ старый мопсъ,
Курносое уставя рыло,
Подачки ждалъ, и мутный взоръ
Слѣдилъ за барыней лѣниво.
« Ты, Филька, что надѣлалъ? воръ!
Разбилъ фаянсъ сестры Ирины!
На, Жолька, сахарцу, на, на! »
И наставленіе она
Прочла, и съ выраженьемъ мины
Презрѣнья крикнула: «пошолъ!»
Осталась дѣвка съ госпожею
Да старый мопсъ. Но кто-то шолъ
И кашлялъ, и она рукою
Скорѣй поправила чепецъ.
Залаялъ мопсъ. « Ахъ, мой Творецъ!
Откуда это ты, родная?
А я въ дезабильѣ, такая... »

—Чего родная, отъ себя...
«А — воры — мнѣ не доложили,
Проглазѣли, проговорили,
И, чай, не встрѣтили тебя.
Ступай скорѣе, Агрипена,
Да барину, да и сестрѣ...
У насъ Авдотья Алексѣвна,
Такъ доложи! Мы на зарѣ
Легли. До полночи въ картишки.
Подточинъ былъ вчера у насъ,
И затянулся преферансъ.
Какія у тебя манишки!
Какой воротничекъ! все — въ-гладь!
Давно-ль такъ стала щеголять?»
—Отъ крестницы подарокъ.—«Что ты?
Ну, что сестра моя? что зять?»
—Одни убытки да заботы.
—«Какъ это такъ? Вѣдь онъ у нихъ?
Пріѣхалъ съ ними?»—Онъ — женихъ.
—«Да развѣ не сыграли свадьбы?»
—Да нѣтъ еще. Въ Москвѣ она
Была отъ Ѳоминой больна.
А ужь сбиралась изъ усадьбы
Не по-старушечьи. Тогда-жъ
Я говорила, что за блажь
Такая — ѣхать? — И заочно
Не буду я благословлять;

Она-жъ уѣхала нарочно,
А вотъ теперь тебѣ и взять!
— «Ты видѣла его родная?»
— Не видѣла. Куда? Вѣдь слухъ
Не такъ хорошъ. Молва такая
Объ немъ идетъ, что и не вдругъ
Повѣрить этому-то можно».
И шепчетъ тихо, осторожно;
А та то ахнетъ, то вздохнетъ,
Глядитъ встревоженной такою,
И покачаетъ головою,
И врозь руками разведетъ.

За степняка-аристократа
Подъ старость вышедши, она,
Была и гордости полна
И честолюбіемъ богата;
Къ тому-жъ кичилася родней
Своей и мужнинной, и барствомъ,
И древнимъ родомъ, и дворянствомъ.
Езерскій въ книгѣ былъ шестой,
Хвалился родословной длинной,
И тѣмъ, что родъ его—старинной,
Что онъ по линіи прямой
Отъ тѣхъ Езерскихъ, что̀ съ князьями
Литовскими пришли на Русь,
Остались и разжились сами.

Но доказать я не берусь;
Къ тому-жъ и въ томъ еще сомнѣнье,
Что родовое-то имѣнье
Не отъ отца,—отъ дѣла шло.
Переходимость тѣмъ терялась,
Одно лишь счастье помогло:
Въ архивѣ грамота сыскалась
И съ грамотой раздѣльный актъ,
По коему отъ брата братъ
Имѣніе бралъ родовое —
И тѣмъ успѣлъ онъ доказать
Происхожденіе прямое,
И родъ, какъ слѣдуетъ, вписать,
А послѣ выгодно жениться:
Вѣдь этимъ можно погордиться.
Притомъ же князь ей былъ своякъ.
Когда-жъ она вступила въ бракъ,
То, для родни и для приличья,
Всѣ деревенскіе обычьи,
Привычки старыя—какъ быть?—
Рѣшилася перемѣнить —
И зажила въ деревнѣ громко.
У ней явилась экономка;
Лакеямъ сшили сюртуки,
Понятки дали для дворовыхъ,
И каждой дѣвкѣ три цѣлковыхъ
Давалось въ годъ на башмаки.

За-тѣмъ и все пошло прилично,
Все деликатно, какъ должно.
Хоть прежде было мудрено,
Неловко такъ, такъ непривычно
Перемѣнять порядокъ свой,
Но дѣлать нечего, — такой
Вѣкъ нынче сталъ ужь прихотливой,
Такой взыскательной — и вотъ
Разжилась барыня спѣсиво,
И не по-прежнему живетъ.

Вошелъ Езерскій, и учтиво
Онъ подошелъ къ ея рукѣ,
И объ родномъ ея сынкѣ
Спросилъ, такъ, вскользь, полуспѣсиво.
За нимъ сестра въ объятья къ ней.
Езерскій былъ въ порѣ мужей
Почтенныхъ, скрашенъ сѣдиною,
Съ усами, толстъ, идя пыхтѣлъ,
И страшный аппетитъ имѣлъ —
И не обѣдалъ безъ настою.
Натурой крѣпкою такою
Онъ родословно былъ богатъ.
Сестра-жъ Езерской—профиль сжатой
Старушки-дѣвы благодатной,
Прямой охотницы до картъ,
До сплетень, — и вплоть до обѣда

Тянулась дамская бесѣда.
Езерскій слушалъ ихъ, зѣвалъ,
Потомъ обѣдалъ очень сытно,
Пилъ кофе съ трубкой аппетитно
И гостью провожать привсталъ.
Потомъ сказалъ: «я завтра ѣду
Одинъ къ Подточину — сосѣду».

Подточинъ былъ его сосѣдъ
Ближайшій. Онъ любилъ обѣдъ
Пріятельскій, донское, карты,
Служанокъ толстыхъ, полныхъ дамъ,
И задавалъ обѣды самъ;
Лѣзъ и долѣзъ въ аристократы;
То есть, имѣлъ на случай балъ
И часто къ выборамъ ѣзжалъ
Со всею дворнею, всѣмъ домомъ,
Съ дѣтьми, съ мамзелями, съ женой,
Съ своей провизіей и съ кормомъ,
Въ возкѣ обширномъ, шестерней.
Подточинъ былъ женатъ вторично
На русской барынѣ прямой,
И недоволенъ былъ женой;—
То есть, она его привычно
Въ рукахъ держала — и не разъ
Краснѣлъ онъ отъ своихъ проказъ;
И лишь тогда былъ въ прежней волѣ,

Когда она на богомолье
Ѣзжала съ дѣвкой и слугой.
Тогда природное влеченье
Въ душѣ будило усыпленье —
И безъ жены, наединѣ,
Онъ развивался весь вполнѣ
Своей славянскою природой.
Онъ дорожилъ тогда свободой,
И этотъ женнинъ bon voyage
Въ немъ пробуждалъ степную блажь.
Въ ту пору рѣдкую, бывало,
И дюжины донскаго мало;
Онъ гнулъ углы, и въ штосъ любилъ,
И къ страсти нѣжной падокъ былъ.
За-то все это застывало
Отъ взора одного жены.
Такъ стынетъ тихій всплескъ волны
Отъ перваго зимы дыханья,
И медленное замерзанье
Ту влагу бурную крѣпитъ,
И лишь на берегѣ гранитъ
Не знаетъ холода и зноя:
Его, до вѣчнаго покоя,
Никто, ничто не возмутитъ.
Подъ взоромъ бдительнымъ супруги,
Его и недруги и други —
Всѣ оставляли, и опять

Онъ принужденъ былъ начинать
Свои вседневныя занятья;
И прямо изъ ея обьятья
На скотный дворъ, чудакъ, спѣшилъ,
Прислугу, дворню всю бранилъ
За то, что долженъ былъ встать съ свѣтомъ,
А иногда до-пѣтуховъ,
Да пачкаться въ хозяйствѣ этомъ,
Смотрѣть за пашней мужиковъ,
Откармливать свиней горохомъ
И сѣять клеверъ для коровъ.
Лишь иногда, невольнымъ вздохомъ,
Вдовство свое онъ вспоминалъ
И слезъ остатки отиралъ.
Но это было, такъ, невольно,
Такъ, ненарокомъ. Онъ привыкъ
Встрѣчать жены сердитый ликъ,
Упреки слышать, и не тайно,
А громогласно воздыхать,
Иль на работу поспѣшать
Да думать: « сказано недаромъ —
Отъ зла отыди. Пусть она
Съ дѣтьми, иль такъ себѣ, одна,
Тамъ поостынетъ пыломъ, жаромъ,
Иль притворится, что больна,
А мнѣ и здѣсь есть развлеченье».
И уходилъ онъ каждый день;

И это стоика терпѣнье
Поразогнало въ немъ всю лѣнь.

Подточинъ всталъ не очень рано;
Съ досады службы осмотрѣлъ;
Въ людскую, въ кухню поглядѣлъ;
Нашелъ, что все такъ неисправно,
Что всѣ лѣнтяи, что онъ всѣхъ
На исправленье къ становому
Отправитъ, что они, на смѣхъ
Ему иль старостѣ Пахому,
Хозяйствомъ вовсе небрегутъ;
Что здѣсь — не чисто, а вотъ — тутъ
Налиты по двору помои,
И соръ отъ избъ не подметенъ,
На дровосѣкѣ-жъ щепокъ слои.
Онъ былъ ужасно разсерженъ!
Обѣгалъ скоро и заботно,
И заглянулъ на дворъ онъ скотной.
« Тьфу, пропасть! и подстилки нѣтъ,
И не привязаны коровы!
И развалился чанъ преновый!
И въ подворотнѣ сѣна слѣдъ!
Ужь кто-нибудь да изъ застольной,
Коровѣ иль овцѣ своей
Стащилъ сѣнца отъ лошадей ».
Подточину казалось больно,

Что такъ воруютъ у него,
И онъ кричалъ: « Пахомъ, того,
Что смотришь! Ты, того, скотина!
Того, залѣзутъ и въ амбаръ!»
Въ душѣ его былъ гнѣва жаръ;
Но развлекла его картина:
Пѣтухъ подрался съ пѣтухомъ.
На пѣтушиное сраженье
Глядѣлъ онъ взоромъ умиленья
И, крикнулъ: « разгони, Пахомъ!»
И, въ-слѣдъ за этимъ, наставленье
Прочелъ предлинное о томъ,
Что надо, то есть, сожалѣнье
Имѣть и къ людямъ и къ скотамъ,
И поразнѣжился онъ самъ.
Въ ту пору, красненькимъ платочкомъ
Покрывшись, дѣвка бойко шла,
И взоръ господскій привлекла.
Ее назвалъ онъ ангелочкомъ,
Лукаво глазомъ подмигнулъ,
Плечомъ легохонько толкнулъ —
И поплелся онъ въ-слѣдъ за нею.
А голосъ женскій изъ окна
Кричалъ: «куда?» Онъ глядь,—жена.

Разсказъ я продолжать не смѣю,
Тѣмъ больше, правду коль сказать,

Онъ самъ не зналъ: идти-ль, бѣжать,
Иль такъ сквозь землю провалиться?
А палецъ изъ окна манилъ.
На что-нибудь должно рѣшиться:
Вотъ онъ собралъ остатокъ силъ —
И къ дому. Вдругъ—мамзель съ дѣтями:
« Папаша, чай у васъ простылъ ».
Потомъ и гувернеръ съ сынками,
И лѣзутъ всѣ: « papa, bonjour! »
Теребятъ, жмутъ, и онъ сквозь слезы
Глядитъ и сверху ждетъ угрозы.
« Allons mes p'tits, faisons quelques tours »,
Имъ говоритъ французъ сквозь зубы;
А баринъ думаетъ: «прегрубый
Канальа! Я сгоню его —
И толку-то что̀ отъ него?
А вѣдь туда́ же дуетъ губы
На насъ, прислугу и дѣтей!..»
И этой мыслью укрѣпляясь,
Идетъ. Въ дверяхъ стоитъ лакей.
Подходитъ онъ къ женѣ своей.
Она взглянула, улыбаясь:
« Дружочикъ, ты допей свой чай,
Да поскорѣе поѣзжай
Къ Татьянѣ, какъ ее... Авдѣвнѣ!
Моей Авдотьѣ Алексѣвнѣ
Не больно вѣрю я. Вчера

Она мнѣ говорила долго
О женихѣ и, право, много—
Чему не вѣрится. Пора,
Ступай. Я жду тебя къ обѣду ».
—Изволь, изволь, я ѣду, ѣду!
Сказалъ женѣ — и со двора.

Такъ всѣ хотѣли знать о свадьбѣ,
Да и о томъ, за чѣмъ въ усадьбѣ
Живетъ женихъ. Вѣдь ихъ пріѣздъ
Узналъ почти-что весь уѣздъ.
Пошли и толки, и догадки:
Каковъ? какого онъ лица?
Какіе онъ привезъ подарки?
И не было рѣчамъ конца
И всѣ пустились въ разсужденье:
Какого онъ происхожденья?
Что онъ? — чиновникъ? дворянинъ?
« Et qu'est-ce, que ce Pochekhnin? »
Княжна уѣздная спросила:
« Son rang? Est-il *peuple*, cet homme? »
Княгиня рукъ не относила
Отъ рта, зѣвала и потомъ
Сказала: « говорятъ, bel homme ».
— Да, слышно, ma princesse, небрежно
Замѣтилъ' имъ уѣздный франтъ:
Что бюрократъ онъ и богатъ,—

И улыбнулся очень нѣжно.
« Eh bien ? parle-t-il français? » ?—Oh, non !
Но говорятъ, княжна, что онъ
A tort et à travers ученый.
— « C'est bien mauvais ; но все-жъ у насъ
Играть онъ можетъ въ преферансъ ».
За тѣмъ улыбка и поклоны.
« Благодарю васъ за романъ
Жоржъ-Занда ». — Mais adieu , maman !
Я ѣду въ поле. — « Берегите
Мою Pauline ». И такъ рукой
Она грозитъ, съ улыбкой злой,
И шепчетъ онъ : « вы мнѣ простите ! »
Онъ изъ дверей, а князь вдругъ въ дверь:
« Mon p'tit chat, только что теперь
Ушла Полина ». И такъ вяло,
Такъ медленно, съ женою онъ
Взглянуть выходитъ на балконъ,
Какъ кавалькада поскакала.

Князь былъ прямой аристократъ.
Его прислуга — всѣ лакеи
Ходили съ галуномъ въ ливреѣ ;
Во всемъ эффектъ былъ и парадъ;
И модный экипажъ съ гербами,
И домъ съ большими флигелями,
И въ Англійскомъ манерѣ садъ.

Развалина временъ, потомокъ
Князей удѣльныхъ, онъ въ своемъ
Уѣздѣ былъ случаенъ, громокъ,
Богатъ, имѣлъ открытый домъ,
Большой пріѣздъ и связь въ столицѣ;
Въ политикѣ онъ былъ глубокъ,
Носилъ Георгія въ петлицѣ
И волоса подъ гребешокъ.
Притомъ, теперь замѣтимъ кстати,
Что, съ небольшимъ лѣтъ въ пятьдесятъ,
Онъ на второй ужь былъ женатъ,
Отъ брака перваго имѣя
Двухъ дочерей и двухъ сынковъ,
И былъ счастливый изъ отцовъ.
Сынъ младшій вышелъ изъ лицея
И въ министерство поступилъ;
Другой уже давно служилъ,
Избравъ себѣ карьеръ военный;
Одна дочь замужемъ была,
Другая-жъ съ мачихой жила.
Я-бъ могъ изобразить примѣрно
Его второй жены портретъ;
Но ей ужь слишкомъ сорокъ лѣтъ,
Ужь локонъ у нея сѣдѣетъ,
Три зуба вставилъ ей дантистъ —
И. . . и. . . но мой языкъ нѣмѣетъ...
А впрочемъ профиль этотъ чистъ,

Въ глазахъ есть много выраженья,
Она румяна и полна,
Въ плечахъ, въ грудяхъ округлена,
И есть довольно увлеченья
Въ ея пріемахъ и рѣчахъ —
И въ этихъ пухленькихъ рукахъ . . .
Она давно жила въ столицѣ
У внучатной своей сестрицы,
Твердя французскій діалектъ —
И этому ужь много лѣтъ
Прошло, прошло; все миновало.
Она теперь княгиней стала,
Не бывши никогда княжной,
И смотритъ важною такой.
« Mon p'tit chat, слышалъ о Татьянѣ? »
—Да, слышалъ.—« Что? скажи! »—Скандалъ ».
Князь развалился на диванѣ;
Княгиня сѣла; онъ молчалъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Письмо Татьяны Авдѣвны.—Дядя.—Охота дядина.—Сельскія занятія Антона Иваныча Пошехнина. — Панкратъ Петровичъ сѣвъ на умъ.—Вася — женихъ. — Флѣнина свадьба. — Деревенскія сплетни и что-то въ-родѣ дѣвичника.

Съ письмомъ отъ тещи нареченной
Поѣхалъ къ дядѣ мой герой,
Тогда растерянный такой,
Печальный, робкій и смущенный.
Она писала такъ: «мой зять,
Прошу его, де, и принять».
Въ концѣ письма: «сестра такая...»
Герой мой думалъ, подъѣзжая:
«Что онъ? кто онъ? какихъ онъ лѣтъ?
Онъ худъ иль толстъ? онъ лысъ иль сѣдъ?»
Но скоро это разсужденье
Прервалъ и лай и вой собакъ,
И слышитъ онъ: «мое почтенье!
Пріятель! ну, откуда? какъ?

Ты зналъ, ну, помнишь, Залетая?
Просилъ, братъ, кланяться, издохъ!
А помнишь, сука-то большая,
Зажога? — принесла мнѣ трехъ ».
Смущенъ, подходитъ онъ учтиво,
А тотъ отъ головы до ногъ
Героя оглядѣлъ спѣсиво.
« Ошибся, тьфу ты, чортъ какой!
Да такъ и быть, сюда, за мной!
Чтожъ вы не встрѣтите? аль пьяны?
Письмо? не вижу ни строки!
Подайте мнѣ живѣй очки!
А! отъ сестрицы, отъ Татьяны!
И проситъ, чтобъ ты жилъ со мной.
Ну, ну, племянникъ дорогой,
Садись. Эй люди! водки! живо! »
Прислуга ходитъ суетливо:
А онъ разспрашиваетъ самъ:
— Ну, какъ у васъ? какъ жизнь-то тамъ!
Я знаю, знаю, — плоховата. . .
«Эхъ-ма! нашелъ родню и брата.
Такъ слушай-же, племянникъ мой,
Утѣшь! брось лишнюю заботу.
Я самъ на выборахъ судьей
Служилъ лѣтъ шесть, да сбилъ охоту.
И то ли дѣло—на рысяхъ,
Въ рукахъ съ арапникомъ, съ борзыми,

Въ отхожихъ, знаешь ли, поляхъ,
Такими, знаешь, разлихими!
Постой!» И онъ слугу зоветъ:
«Эй, Ванька! сбитъ чтобъ былъ народъ!
Мы, такъ, потѣшимся до съѣзда.
Не зналъ я твоего пріѣзда.
Ну, братъ, закусывай живѣй —
И въ поле!»

Подвели коней;
На сворахъ — гончія, борзыя;
Сострѣмясь, всадники лихіе
Ждутъ баръ, и толкъ промежъ собой
Ведутъ о псахъ и объ охотѣ;
Гамъ, крикъ и шумъ, какъ на работѣ.
Но вѣсть ужь подана трубой;
Ужь баринъ на крыльцѣ; ужь въ стремя
Онъ ногу барскую вложилъ;
Въ сѣдлѣ холопское все племя.
И Пошехнинъ узду схватилъ;
Прочелъ молитву. Страшно что-то!
Садится онъ; глаза закрылъ,
И думаетъ: «чтобы съ охотой
Себѣ я шеи не сломилъ».
Но Вася съ нимъ, какъ Санхо-Панчо;
И начинаетъ мой герой
Ѣздѣ учиться верховой.

Вотъ затрубилъ въ рогъ доѣзжачій.
Выжлята парами, строй-въ-строй
Смычки собачьи, тихо, чинно,
И паръ рядъ длинный и предлинный
Опушку лѣса охватилъ.
Рогъ снова громко затрубилъ.
Разсмыкали, впередъ выжлята,
И баринъ выѣхалъ, кричитъ :
« Держися. по-вѣтру, ребята ! »
Выжлята голосъ подаютъ,
И тявкаютъ борзыя своры.
« Племянникъ, слышь ты, какъ поютъ!
А голоса-тъ ! потѣшутъ, воры !
Чу, слышишь, впереди несутъ.
Ату его ! ату косова ! »
И онъ съ арапникомъ въ рукѣ —
И обогналъ уже борзова,
И, въ ростъ привставъ, припалъ къ лукѣ,
Арапникъ взвизгнулъ, въ-лоскъ ложится.
Ужь онъ побѣдою гордится ;
Ужь далъ онъ волю поводамъ ;
Съ коня ужь спрыгнулъ доѣзжачій;
А въ сторонѣ : тявкъ, тявкъ, гамъ, гамъ,
И снова визгъ и лай собачій. . .
И въ-торопяхъ цѣпляетъ самъ
Свою добычу къ торокамъ.
Глядитъ — и у лѣсной опушки,

Прижавши трепетныя ушки,
Изъ лука пущенной стрѣлой
Несется врагъ его, косой.
И снова лошадь чуетъ шпоры,
И пыль столбомъ, и мой герой
Плетется въ-слѣдъ за нимъ рысцой.
Но конь изъ плетеницъ заборы
Ломаетъ грудью, иль махнетъ
Съ героемъ скокомъ черезъ ямы,
Иль поотстанетъ и заржетъ —
И головой трясетъ, упрямый.
А дядя въ слѣдъ кричитъ: « есть толкъ!
Въ тебѣ, племянникъ, будетъ прокъ!»
Но уже гончія, борзыя,
Языкъ повѣся, воздухъ пьютъ
И между ногъ коней снуютъ;
Ужь вкусъ ласкаютъ доѣзжные;
Ужь два десятка русаковъ
Привѣшено у тороковъ,
Ужь получили всѣ расплату...
Ужь кумъ Кузьма пеняетъ свату:
—« Послушались тебя, Пахомъ,
Поддернулъ будто насъ лукавый
Просить за прясла, за потраву ».
Ужь всѣ тявкушки по смычкамъ,
И онъ провозгласилъ: « довольно! »
Въ порядкѣ томъ же всѣ домой,

И громкій рогъ трубитъ отбой,
И умиляется невольно
Въ немъ сердце барское. Оно
Высокимъ торжествомъ полно.

Отъ этой дядиной охоты,
Измучась тѣломъ и душой,
Летитъ къ невѣстѣ мой герой.
Тамъ у него свои заботы.
Во-первыхъ, надо же узнать,
Какъ лучше сѣять, какъ пахать,
Косить, жать, молотить, цѣпами
Или машиной, лошадями?
А во-вторыхъ, какъ и крестьянъ
Вести? Оброчными-ль статьями,
Или работою по днямъ?
И онъ, съ крестьянскими нуждами
Знакомясь, ходитъ по избамъ.
Уже узналъ онъ всѣ работы,
Для будущаго сдѣланъ планъ,
И на-лицо созвалъ крестьянъ —
И требуетъ объ нихъ отчеты.
И вотъ Панкратъ Петровичъ самъ
Ревизскія представилъ сказки
И ждетъ съ почтеньемъ барской ласки.
Читаетъ земскій по складамъ,
И пятерня вмѣсто указки:

« Степанъ — женатъ — пять сыновей ; —
Антонъ, Иванъ, Кузьма, Андрей,
Пахомъ ».

— Всѣ на лицо ?

— « Маленько
Не хватитъ. Вотъ Иванъ въ-бѣгахъ.
Я съ нимъ, того, то-есть,—крутенько,
И такъ, и сякъ, и постегалъ ;
А онъ, злодѣй, глядь—убѣжалъ.
Антонъ — утопъ ; за нимъ два брата :
Кузьма, Андрей, такъ—безъ вѣстей.
То есть, такъ—безъ вѣстей, ей-ей !
А были славные ребята. . . »

« Никита — вдовъ, бездѣтенъ ; Петръ,
Никитинъ братъ, съ двумя сестрами,
Да зять Вакулъ».

— « Онъ сими днями
Опился; а Никита—вотъ
Такъ въ-ротъ хмѣльнаго не беретъ —
И работящъ, на полудолѣ ;
Петруха же пошелъ въ чередъ ».
— « *Степанъ, Семенъ, Евлакъ, Патолій.* »
— « Степанъ — вдовецъ, Семенъ—женатъ,
Все братья; старшій же ихъ братъ,

Степанъ, взятъ въ кучера: послѣдній
Въ лакействѣ, вотъ что здѣсь въ передней,
На баръ, то есть, онъ платье шьетъ,
И—нечего таить мнѣ много—
Пьетъ, бестія, да какъ-же пьетъ!
А поступить нельзя съ нимъ строго;
Ну, знаете, мастеровой
И крестникъ. Все народъ пустой,
Все питерцы и, безъ зазрѣнья,
Мотыги. Хоть Пахомъ съ Ѳомой
На-счетъ того, обзаведенья,
Ни шерсти нѣтъ, скотъ половой,
То есть, оно на половину.
Не заведутъ свою скотину.
А вѣдь Ѳома мужикъ какой!
Мужикъ-то ражій, работящій,
Не то что вотъ Кузьма ледящій,
Не знамо, въ чемъ душенка есть.
Оброкъ я ждалъ лѣтъ пять, аль шесть.
Изъ нихъ есть, то есть, и такіе,
Что нечѣмъ щей-то забѣлить,
И соли не на что купить,
Оброчники, то есть, пустые,
Пустые!» Слушая, герой
Качаетъ грустно головой,
И грустно думаетъ: «природа —
Размашиста и широка,

И таже буйная порода,
Какъ у коня у степняка:
Безъ петли мертвой, безъ аркана,
Не чуетъ шпоры, гордый, рьяной;
Все тотъ же бѣгъ, все тотъ же скокъ,
Все также бѣшенъ и легокъ,
Во взорѣ — смыслъ, въ душѣ—отвага.
А что въ тебѣ бушуетъ? — брага,
Избытокъ силъ, все — ни по чемъ?
Или отъ лишней горькой воли,
Или отъ лѣни, поневолѣ,
Ты грустно такъ тряхнулъ челомъ,
Ковшъ налилъ, засвѣтилъ лучину,
Припилъ, сосѣду передалъ? —
И брага брызжетъ въ круговину,
И синь-кафтанъ съ плеча упалъ,
И вдоль села идутъ гурьбою,
И на-распашку, и въ кабакъ,
И пропитъ синій твой армякъ.
А завтра—брань и крикъ съ семьею;
А тамъ глядишь — изба стоитъ,
Попринагнувшись, какъ старушка,
И... заколочена избушка,
И тѣло мертвое виситъ.
Бурмистръ ли поступилъ крутенько,
Иль на міру, на сходкѣ всей,
Такъ, постегалъ тебя маленько,—

И ты, Кузьма, а тамъ Андрей,
Глядь—навострили уже лыжи.
Вотъ пойманы, и снова ты же,
Андрей, отперся отъ Кузьмы,
Сроднился съ воздухомъ тюрьмы,
Сидишь себѣ—и горя мало...
И годъ сидишь, сидишь другой;
Душа ни разу не вздыхала
О дѣтяхъ, о женѣ; родъ свой
Забылъ, себя забылъ; бродягой
По спискамъ числишься. И вотъ
Съ этапомъ дальше онъ идетъ,
И притворяется бѣднягой,
И Христа-ради подаетъ
Ему и имъ вездѣ народъ.
Приходитъ онъ на поселенье,—
И не живется, и опять
Готовъ куда нибудь бѣжать.
Поймали,—снова исправленье:
Полбороды ему и лобъ...
И вновь онъ тягу, вновь на волѣ,
Пока не сгибнетъ въ чистомъ полѣ,
Или въ рѣкѣ, или въ неволѣ,
Какъ тотъ бѣдняга, что утопъ—
Антонъ утопленникъ. Съ печали,
Или съ неволи закачали
Русалки въ омутѣ его?—

И такъ прошло, все—ничего.
А ты, Вакулъ, съ чего бы это
Тебѣ опиться? Или такъ
Вино ты пилъ, какъ пьетъ бурлакъ,
Измокшій и полуодѣтой?
Иль пилъ вино, какъ воду гусь?
«Со смысломъ ужь куды напьюсь!» —
И опился ты гусь лапчатый!
А вотъ теперь еще два брата
Полдольники: Никита, Петръ.
Одинъ хмѣльнаго не беретъ,
А на полдолѣ, на полтягѣ;
Отъ лѣни бѣденъ, не отъ браги».
И вновь онъ началъ разсуждать
О томъ, какъ бы ему начать
Въ обычьяхъ, въ жизни измѣненье,
Хоть, эдакъ, лоскомъ просвѣщенья.
У насъ есть «Сельскій Экономъ»,
Журналы сельскаго есть чтенья;
Въ журналахъ нашихъ каждый томъ
Наполненъ разными статьями,
То есть хозяйственный отдѣлъ,
Есть Тьэръ, Бэнтамъ, есть Смитъ, и сами
Писали, кто какъ захотѣлъ,
И о трехпольномъ, многопольномъ,
О клинахъ въ полѣ, о безпольномъ,
И о компостѣ, о костяхъ,

Объ удобреніи въ поляхъ ;
Есть разныя усовершенья —
Машинъ, рабочихъ лошадей ,
Луговъ, лѣсовъ, садовъ, полей.
Для скорости-жъ, для облегченья,
Есть молотилки, есть катокъ.
И въ земледѣльческій листокъ
Онъ заглянулъ, онъ вникъ искусно
Въ разборъ теорій всѣхъ сортовъ ,
Пересмотрѣлъ онъ ихъ, и грустно
Подумалъ: «много словъ и словъ».
А земскій все себѣ читаетъ.
Но онъ вдругъ чтенье прерываетъ,
По службамъ, по людскимъ идетъ ,
И въ-слѣдъ его глядитъ народъ.

Уже онъ сдѣлалъ замѣчанье ,
Бурмистру онъ отдалъ приказъ
На-счетъ дворовыхъ содержанья ,
И въ-слѣдъ за тѣмъ въ свободный часъ
Обмѣрилъ лѣсъ, прикинулъ поле.
Панкратъ Петровичъ поневолѣ
За нимъ вездѣ, и отдаетъ
Ему подробнѣйшій отчетъ
Въ житьѣ-бытьѣ своемъ, крестьянскомъ;
А самъ себѣ, эого, на усъ :
« Ужь какъ нибудь да подольщусь ,

Найду мѣстечко въ сердцѣ барскомъ».
—Терентьичъ? И со всѣхъ тотъ ногъ
Къ бурмистру: « Ась? » — Того, маленько
Нашъ новый баринъ, то есть, строгъ,
Да я веду себя скромненько,
Перемигнулся самъ съ слугой.
—«Съ Васильемъ Дмитричемъ?»—Вѣстимо
Что съ нимъ. Ну, парень-то простой,
Такой важнѣющій дѣтина.
За Флену денежки внесъ онъ;
А я, Терентьичъ, будь смышленъ,
И напросился къ парню въ сваты.
Роденькѣ новой парень радъ;
А мнѣ-то онъ какъ кладъ богатый;
Вѣдь знаешь самъ, все—сватъ да сватъ.
Пойдетъ на худо, изъ худаго
Родное выручитъ роднаго.
—«Когда же свадьба?»—Да на дняхъ.
—«Попрежде барской?»—Да, попрежде.
«А вы такъ, напримѣръ, въ надеждѣ
Остаться въ прежнихъ должностяхъ
И земскій въ вотчинѣ тотъ самой?»
—Да я, Панкратъ Петровичъ, знамо
По этой части баринъ самъ?
Безъ насъ плохонько господамъ.
Вотъ гордо онъ подперся въ боки
И пальцы за кушакъ широкій

Онъ заложилъ, потомъ къ людской
Пошелъ измѣренной стопой;
Но, поровнявшись съ барскимъ домомъ,
Почтительно онъ шапку снялъ.
Въ людской же, встрѣченный поклономъ,
И самъ отдавъ поклонъ гостямъ,
Въ передній уголъ къ образамъ
Засѣлъ, какъ сватушка богатый.
И породнились сватьи, сваты,
И стали сватушку честить,
Вино и брагу подносить.
То свадьбы Васиной начало,
Такъ, исподоволь и не вдругъ.

Уже мой Вася, добрый малый,
Ласкаетъ поздравленьемъ слухъ,
Богато угощаетъ слугъ,
И дворню всю, и все лакейство,
Форейторовъ и кучеровъ,
Истопниковъ и поваровъ,
И будущей жены семейство,
И женскій барынинъ причетъ —
И вольно тѣшится народъ.
Уже онъ пьянъ съ утра, гульливый,
И сватъ разчванился спѣсиво:
Ему отъ всѣхъ во всемъ почетъ.
А въ дѣвичьей свои затѣи:

Приданое подруги шьютъ,
Подружкѣ пѣсенки поютъ.
Съ привѣтомъ входятъ къ нимъ лакеи,
За пѣсни чѣмъ-либо дарятъ —
И ловятъ ихъ лукавый взглядъ.
Вотъ наступаетъ день желанной.
Сводили въ баню Флену рано,
Въ тазы и сковороды бьютъ
И къ Варенькѣ ее ведутъ.
И Варя Флену одѣваетъ,
Ей чешетъ косу, распускаетъ,
И посадила, и фатой
Ее закрыла. Покрывало,
Струясь, упало пеленой.
Невѣста громко зарыдала,
Рыдая, сѣла подъ передъ —
И начинаетъ свой причетъ:

«Ясенъ соколъ, сударь, милый братъ,
Голубушка бѣлая, милая невѣстушка,
Не заручайте вы мою буйную голову
За поруки-то за крѣпкія,
За замки-то за нѣмецкіе.
Не гніютъ замки, не ржавѣютъ,
А меня чужи люди состарѣютъ;
Безъ воды-то лицо вымоютъ,
Какъ безъ вѣтра лицо высушатъ,
Безъ мороза сердце вызнобятъ.
Ясенъ соколъ, сударь, милый братъ,

Лебедушка бѣлая, милая невѣстушка,
Мы въ одномъ ли пиру гуляли?
За-одно ли думу думали?
По себѣ ли людей выбрали
И по мнѣ-ль удала молодца?
Чтобы вамъ было не каяться,
А мнѣ жить-то, да не маяться.

«Ты, присыльный сватъ, ты, прiѣзжiй гость!
Не стаканъ подносишь пива пьянаго,
Ты подносишь мнѣ горючи слезы.
Поѣзжай-ко въ свой благодатный домъ
И свези-ко ты молодой женѣ.
Ясенъ соколъ, сударь, милый братъ,
Бѣлая лебедушка, милая невѣстушка,
Какъ напойте вы моихъ голубушекъ,
Полюбовныхъ, милыхъ подруженекъ,
Какъ упойте ихъ до пьянехонька,
Какъ уподчуйте съ первыхъ до послѣднiихъ.

«Не скорой посолъ со Москвы идетъ,
Ужь идетъ дружка съ подруженькомъ,
А за нимъ дорога гостьюшка,
Дорогая прiѣзжая свахонька.
Какъ несетъ она платье княжее,
И кладетъ она на дубовый столъ.
Ясенъ соколъ, сударь, милый братъ,
Голубушка бѣлая, милая невѣстушка,
Подойдите-ко вы ко дубову ко столу,
Разверните-ко вы платье княжее,
Не завернутъ ли комъ снѣга бѣлаго?
Голубушка бѣлая, прiѣзжая свахонька,

Не снимай съ меня моего платья;
Хоть мое-то не цвѣтно платье,
Не цвѣтнехонько, къ ретиву сердцу теплехонько».

«Не грозна туча восходила,—
Со частымъ-то ли со дождичкомъ;
Какъ идутъ-то ли въ нашъ благодатный домъ
Чужи люди съ чужой дальней сторонушки,
Отъ чужаго роду, чужаго племени,
Отъ чужаго отца, чужой матери.
Ясенъ соколъ, сударь, милый братъ,
Голубушка бѣлая, милая невѣстушка,
Подите-ко вы во новы сѣни,
Во новы сѣни, на широкій дворъ
Вы возьмите-ко узду тесьменную,
Поѣзжайте-ко вы, по пути по дороженькѣ,
Какъ ко матушкѣ, ко Божьей церквѣ,
Вы ударьте-ко въ большой колоколъ,
Ко звону-то ли колокольному,
Ко пѣтью ли то ко церковному,
Припадите къ мать сырой землѣ.
Какъ простонетъ мать сыра земля,
Какъ раскроется гробова доска,
Распахнется саванъ бѣлъ тонкой.
Вы проснитеся, пробудитеся,
Свѣтлый мѣсяцъ, родной батюшка,
Красно солнышко, родная матушка!
Вы взгляните-ко очамъ ясными,
Вы взмахните-ко рукамъ бѣлыми,
Вы промолвите слово сладкое,
Ужь вы дайте-ко благословеніе

Подъ златымъ вѣнцомъ стояти мнѣ,
Золотымъ кольцомъ обручатися,
Золотымъ кольцомъ промѣнятися,
Какъ въ-первые и послѣдніе».

Шутиха барская сидѣла
Одна въ прихожей и глядѣла
На эти сборы, и потомъ
Сѣдыя космы распустила,
Покрыла голову платкомъ
И за невѣстою вторила,
Смѣясь надъ ней и женихомъ.
Такъ вспоминая прежни годы
И время прежнее свое,
Когда водили хороводы,
Когда веселое житье
Разгульной пѣсней веселили
И пляской плавной и простой
И скоморочною игрой;
Когда о святкахъ пѣли, пили,
Когда о свадьбахъ былъ поѣздъ,
Сговоръ, дѣвичникъ, рукобитье,
Заручье, воеводинъ съѣздъ,
И свахи, и дружка прибытье
Подъ смотромъ тысяцкихъ, старшихъ
Съ колоколами, съ бубенами, —
Задумали теперь и сами
Въ Подбережкахъ потѣшить ихъ

Веселой свадьбою старинной.
И вотъ готовъ ужь поѣздъ длинной,
Ударилъ дружка по рукамъ,
И выкупъ данъ, и гости встали,
И помолились образамъ,
И кони бѣшено заржали,
И тронулися въ Божій храмъ.
И празднуютъ всѣ полнымъ міромъ.
У баръ все также пиръ за пиромъ,
Обѣдъ сегодня, завтра съѣздъ,
И рады бѣдные родные.
Для нихъ такъ рѣдки эти дни —
Дни праздничные, дорогіе;
За-то какъ веселы они!
Вѣдь здѣсь честятъ и угощаютъ,
Да и домой не отпускаютъ;
То—съ ними мать, то—съ ними дочь,
Въ приданомъ просятъ ихъ помочь
Своимъ умѣньемъ и совѣтомъ,
И толкъ ведутъ промежъ собой.
Женихъ знакомится съ родней
И черезъ нихъ съ уѣзднымъ свѣтомъ.
«Почтить вѣдь надо стариковъ!
Да, напримѣръ, хоть Бирюковъ:
Онъ три трехлѣтья предводитель,
А началъ, помните, съ чего?»
—А какъ не похвалить его?

Какая у него усадьба!
Какой построилъ, то есть, домъ —
И въ домѣ-то какой пріемъ!
Поддакнули... и гостья снова:
«О Бирюковѣ я ни слова.
А вотъ Подпрыткинъ,—онъ туда-жъ,
Да похвалить его нельзя-жъ —
И съ нимъ знакомство-то опасно...
Онъ мясо ѣстъ въ великій постъ,
На мѣсто хлѣба сѣетъ травы,
И выдумалъ, того, компостъ,
И—угораздитъ же лукавый!—
Какіе-то плужки завелъ,
Да семь полей, а скотъ на кормѣ.
А поглядите-ка, что въ домѣ,
Нѣтъ ничего, все перевелъ,
И разорилъ до тла имѣнье.
Такъ вотъ тебѣ нововведенье!»
Она умолкла, въ-слѣдъ за ней
Трещитъ другая изъ гостей,
Что тѣ бѣдны, тѣ нравомъ худы.
Не умолкаютъ пересуды;
А въ дѣвичьей дѣвицы шьютъ,
Какъ водится на свадьбахъ, долго,
Хоть ужь нашито очень много,
И пѣсню барышнѣ поютъ:

Во саду ли, во саду,
Какъ во барскомъ ли саду,
Брали ягоду.

Брали ягоду клубничку,
Брали землянячку,
Черную смородину.

Да не брали одного,
Не сбирали одного
Краснаго крыжовничка.

Онъ колючъ-то, онъ иглистъ,
Что игла, на немъ то листъ,
Подъ листомъ иголочки.

Какъ сама-то, какъ сама
Дочка барская пошла
Къ красному крыжовничку.

Засмѣявшись, подошла,
Понагнувшися, взяла,
Уколола пальчики.

Завязать бы ей платкомъ,
Да и стать бы подъ вѣнцомъ
Съ Антономъ Иванычемъ!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Авдотья Алексѣвна не въ своей тарелкѣ. — Разговоръ Авдотьи Алексѣвны съ Сережею. — Анночка. — Перехваченное письмо отъ директрисы. — Сережа развивается вполнѣ. — Замыслъ Авдотьи Алексѣвны зрѣетъ и созрѣваетъ, между тѣмъ какъ спокойствіе героя ничѣмъ не нарушается.

Отдавъ визиты, у окна,
Тревожна какъ-то и грустна,
Сидитъ Авдотья Алексѣвна.
Своей Татьяною Авдѣвной
Почти разсержена она:
«Вотъ видишь-ли она какая!
Какъ будто ей ужь я чужая!
Визитъ не хочетъ мнѣ отдать.
Ну, погоди-жъ, родная мать,
Ну, погоди-жъ, моя родная!
Постой! Да чтожъ не ѣдетъ онъ?»

Но вдругъ раздался стукъ и звонъ:
Подъѣхали къ крылечку дрожки,
И въ залѣ дребезжатъ окошки.
— Ну, что, Сереженька, другъ мой,
Узналъ ли ты, кто онъ такой?
« По виду человѣкъ солидный».
—Обидно, другъ мой, преобидно;
Солиднымъ людямъ весь почетъ.
Что, у него есть свой народъ?
« Онъ служитъ; списокъ формулярный
Читалъ я въ копіи».—А чинъ
Его? «Совѣтникъ титулярный».
— Эге! такъ онъ не дворянинъ!
И въ ней душа заликовала.
— Ну что, какъ Анночка съ тобой?
« Она сегодня обѣщала
Быть поутру».—Съ своей сестрой?
« Одна».—Сорока стрекотала
Не даромъ; быть ужо гостямъ.
Смотри, Сережа: мимо? «Къ намъ».
— Да это Анночка родная!
Что-жъ это ты одна, мой другъ?
А гдѣ-жъ сестра? Вишь ты, какая!
Задумала ужь: «я, не я!»
Съ тобой я, видишь, откровенна.
Ну что, какъ новая родня?
« О, я уѣду непремѣнно.

Такой позоръ и срамъ для насъ.
Отъ директрисы я сейчасъ
Письмо къ сестрѣ перехватила.
Послушайте, честятъ какъ насъ!»
—Ну, Анночка, вотъ это мило!
Прочти. «Ma chère amie, меня
Забыла ты, моя родная,
Ко мнѣ ни строчки отъ тебя.
Ты пишешь...» Вишь лиса какая!—
Ну, Анночка, еще что тамъ? —
« Ты пишешь къ Надѣ. Боковская,
Замѣть, афронъ и стыдъ всѣмъ намъ!
Бѣжала вонъ изъ пансіона.
Такого гадкаго афрона,
И низости, ma chère, такой
Я отъ нея не ожидала!»
—Что, матушка мадамъ? попала,
Попала! Ну, постой, постой!
Вѣдь ты не родилась въ сорочкѣ!
И это только—что цвѣточки,
А будутъ ягодки, на зло,
На зло тебѣ! что-тамъ еще?
« Я не ждала, но я случайно
Узнала многое объ ней;
И вотъ разоблачилась тайна,
И затворилась передъ ней
Дверь пансіона, даже двери

Въ мои знакомые дома.
Классъ «синихъ» отдала я Вѣрѣ,
Съ «зелеными» тружусь сама.
Ахъ, Варенька, будь мнѣ отрада!
Тебѣ была-бъ я очень рада,
Ты замѣнила бы ее,
Ты мнѣ во всемъ бы помогала.
Все знаю я! Я прежде знала,
Что вамъ въ усадьбѣ не житье,
Что даже близкіе, родные,
И мать, и тетка, и сестра,
И крестная твоя, такія
Самолюбивыя! Пора
Оставить ихъ! Къ чему-жъ терпѣнье?
Вѣдь у тебя свое имѣнье!..»
—Довольно, Анночка, читать!
Бранитъ меня, сестру и мать,
Меня бранитъ! Нѣтъ, право, сразу
Она далась сама въ обманъ.
Ханжа отвратная! Я дамъ
Узнать себя! Теперь я съ глазу
Дочь крестную-то не спущу.
Нѣтъ, я, родная, не шучу!
И что задумала, то вѣрно
И сбудется, какъ въ руку сонъ.
А право, Анночка, прескверно,
Васъ отдавать къ нимъ въ пансіонъ.

Что толку! Выйдете такія —
Ни за хозяйствомъ поглядѣть,
Ни о роднѣ-то пожалѣть;
Все на умѣ однѣ чужія,
Мадамъ, подруги, всякой сбродъ.
Какъ ни толкуй—все дичь несетъ!
А вычитала въ книжкахъ это.
Ну, вотъ хоть бы твоя сестра:
Не по себѣ она съ утра,
Прійдешь—еще и не одѣта,
Читаетъ, пишетъ, за шитьемъ,
Иль день деньской съ карандашемъ,
На память что-то отмѣчаетъ;
А мать сама же поблажаетъ.
Богъ съ ними, Анночка! Пойдемъ.
Цвѣты ты любишь жеоржины;
Я получила отъ Полины.
« Отъ тетеньки?»—Да, я съ сынкомъ
Сбираюсь къ нимъ на балъ. «Мы тоже,
Такъ, по родству, приглашены;
Давно не видѣли княжны».
И говоритъ потомъ Сережѣ:
— Княжна вамъ нравится? «О, да,
Вы очень на нее похожи,
Двѣ капли...»—Льстите. «Никогда».
— Ну, вотъ я этого не знала.
« Не знали!»—Что это у васъ?

Ужь споръ! Сережѣ мать сказала,
И по аллеѣ поплелась.
А Анночка цвѣткомъ играла...
И взоры онъ вперилъ въ черты
Здоровой сельской красоты,
И глазъ она не потупляла.

Я говорилъ, что мой корнетъ
Подъ-часъ былъ страшнымъ волокитой,
И побѣждалъ уѣздный свѣтъ,
И, гордъ побѣдой знаменитой,
Онъ побѣжденныхъ оставлялъ,
И въ Анночкѣ обрѣлъ забытый,
Но свой желанный идеалъ.
И долго тѣшилась старушка,
Что у сынка ужь есть игрушка,
Что нечего ему скучать,
Что онъ теперь, того, влюбленный,
Что если бы и въ бракъ законный,
То ей невѣстка въ благодать.
У ней прекрасное имѣнье...
Одна помѣха—кумовство.
Такъ что-жъ? испроситъ разрѣшенье,
Вѣдь это—дальнее родство.
Она идетъ и разсуждаетъ,
И будто бы не замѣчаетъ,

И обернулась, и зоветъ:
—Глядите-ка сюда. Ну, вотъ
И жеоржина разцвѣтаетъ.
« Любовь моя такъ разцвѣтетъ,
И не завянетъ цвѣтъ любовной! »
Къ груди своей онъ руку жметъ,
И дѣва потупляетъ скромно
Провинціальный сладкій взоръ.
А мать ему:—Опять за споръ! »
« Нѣтъ, маменька, у насъ не споры. »
И улыбнулися. Ихъ взоры
Любовно встрѣтились опять,
И Анночка заговорила
Кокетливо, наивно, мило,
Чему была довольна мать.
Потомъ до вечера съ старушкой
Такой кокеткою рѣзвушкой,
И въ заключенье пили чай.
«Да съ этой барышнею рай»,—
Корнетъ подумалъ.

О, примѣрный
Ликъ толстыхъ дѣвъ! мой списокъ вѣрный!
Жена ты будешь, будешь мать,
И объ тебѣ мнѣ не страдать,
Не лить мнѣ слезъ, нѣтъ, есть другая;

По сердцу мнѣ она родная.
Она—мой свѣтлый идеалъ,
И много я объ ней вздыхалъ
И пролилъ слезъ, и... и... Довольно;
Вѣдь не насильно, произвольно
Выходитъ за мужъ. Разумъ свой,
Своя охота, и готовы
Вѣнецъ и перстень и налой.
Прійдетъ пора, день жизни новый,
Обрядъ ихъ свяжетъ вѣковой,
Крѣпчайшей цѣпью, неразрывной,
И вотъ пойдутъ рука съ рукой
По той дорогѣ непрерывной,
По коей много и до нихъ
Прошло, исчезло, и объ нихъ
Забыла и молва людская.
А можетъ быть, судьба иная —
Готовится теперь для нихъ,
И онъ—не мужъ и не женихъ,
И все это—одна тревога
Фальшивая?—Но есть у насъ
Давно ужь начатый разсказъ.
Объ немъ сужу я очень строго;
Анахронизмовъ въ немъ премного.
Теперь мнѣ надо описать,
Какъ стали дѣву провожать.
Старушка ей сказала: «съ Богомъ!

Я все улажу, ангелъ мой,
Замолвлю тетушкѣ родной».
И у дверей, передъ порогомъ
Присѣла дѣва, и корнетъ
«Я вѣчно вашъ!» шепталъ ей въ слѣдъ—
И проводилъ—и за старушкой.
«Ну, мой Сереженька, мой душка,
Я все устрою, другъ ты мой,
Лишь только съѣздить мнѣ въ Покрово
И будетъ тетушка готова
Помочь во всемъ. Она съ сестрой
Ужь не въ ладахъ. А здѣсь два слова
Замолвлю я кое-кому...
И не жениться же ему
На Варенькѣ, на крестной дочкѣ;
Что онъ, родился, что-ль, въ сорочкѣ,
Чтобъ лѣзть къ дворянкѣ столбовой!»
Старушка послѣ монолога,
На всѣхъ взглянула очень строго
И побрела къ себѣ въ покой.
Но что женихъ, что мой герой?

Ни то, ни се. Съ ея родными
Знакомится. Обласканъ ими;
Отдалъ Езерскому визитъ,
Подточинымъ, узналъ всѣхъ бытъ,

Родство, и связь, и отношенье.
Вездѣ ему привѣтъ, почтенье,
Руки пожатіе, и онъ
На балъ и къ князю приглашенъ.
Да, вѣрить въ счастіе возможно,
Когда такъ много свѣтлыхъ дней,
Такъ много близкихъ и друзей.
Спокойно, тихо, безтревожно,
Подъ липкой утромъ онъ сидѣлъ.
На небѣ было чисто, ясно,
И громко жаворонокъ пѣлъ,
И коростель въ травѣ шумѣлъ.
Такъ было чудно, такъ прекрасно!
Герой, задумавшись, глядѣлъ
На поле подъ волнами хлѣба,
На скирды сѣна и на жней,
Потомъ на сводъ далекій неба
И на станицу журавлей,
Испуганныхъ въ поляхъ жнеями.
Смотрѣлъ онъ долго, и потомъ
Взглянулъ на чистый прудъ, зѣвая,
Гдѣ баба, платье полоская,
Вела рѣчь скромно съ мужикомъ,
И рыбка прыгала, плескалась,
И зыбь воды въ своихъ кругахъ
И развивалась, и свивалась,
И утку селезень щипалъ,

Крыломъ по влагѣ билъ, нырялъ,
Да гуси плыли стаей гордо.
Къ нимъ подлетѣвшій воробей
Сидѣлъ на ивнякѣ нетвердо;
А надъ поверхностью зыбей
Скользили ласточки, касаясь
Крыломъ воды, и увлекаясь
За мушкою на свѣтлый прудъ...
И въ чистомъ воздухѣ роями
Неслись, какъ яхонтъ, изумрудъ,
Разбитъ мельчайшими кусками,
Мильоны эфемеръ, и въ высь
Онѣ роями унеслись...
Душа рвалась туда, за ними,
Въ высь, къ небесамъ, подъ самый сводъ.
А мысль съ надеждами земными
Все—долу, долу, и ужь вотъ
Вѣсы заколебались, стрѣлка
Нагнулась ниже. Онъ вздохнулъ
И міръ сталъ мѣрять прежней мѣркой
На свой аршинъ. Потомъ взглянулъ:
И было все какъ прежде было,
И также солнышко свѣтило,
Чирикалъ также воробей,
Любясь съ подругою своей,
И на заваленкѣ ужасно
Кричалъ разсерженный пѣтухъ,

Потомъ затихъ, своихъ подругъ
Скликая пламенно и страстно,
И, скликавъ свой большой гаремъ,
Взоръ страстный обращалъ ко всѣмъ.
Вблизи-жъ шла дѣвка за грибами,
И мальчикъ голубей пугалъ,
И дѣвочка бѣжала шибко,
И подбѣжала, и съ улыбкой
Погналася за пѣтухомъ—
И отъ нея пѣтухъ бѣгомъ.

И онъ глядѣлъ, и былъ спокоенъ,
И веселъ такъ, и такъ доволенъ
Картиной сельскою простой —
И вдругъ вѣсть подана трубой.
Ужь онъ хотѣлъ бѣжать украдкой
Отъ дяди, травли, отъ охотъ,
И слышитъ: «Ты ужь всталъ? Кой чортъ!
Иль ты узналъ, что будетъ садка?
Что я пари на трехъ собакъ
Держалъ за суку за Зажогу?»
— Нѣтъ, дядюшка, ей-ей, ей-богу!
На садку мнѣ нельзя никакъ:
У князя долженъ быть. «Пустое».
— Сегодня—балъ. «Успѣешь, братъ:
На садку ѣдемъ вмѣстѣ трое,

А тамъ, того, и погодятъ.
Самъ буду. Сказано, такъ свято.
Смотри-жъ, не разсерди меня!»
—Нѣтъ, дядюшка, нельзя. «Ребята,
Связать его, да на коня!»

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Балъ у князя. — Замыслъ Сережи. — Сплетни Авдотьи Алексѣевны. — Смущеніе Антона Иваныча. — Недогадки будущей тещи. — Разъѣздъ съ бала.

О, муза, лиру мнѣ настрой!
О, муза, дай мнѣ вдохновенье,
Или сама ты балъ воспой!
Ужь разослали приглашенья
Ко всѣмъ, кто, эдакъ, познатнѣй,
А тотъ, кто не званъ, самъ умѣй
Свидѣтельствовать имъ почтенье.
И вотъ уже на бальный съѣздъ
Готовъ почти-что весь уѣздъ —
Чужіе и свои родные.
Съ утра ужь слышны имена
На *овъ*, на *евъ*, на *скій*, на *на*,
Такіе-то и вотъ такіе.
Встрѣчаетъ лично князь иныхъ,

И вводятъ за-просто другихъ.
Уже Езерская съ супругомъ,
Съ сестрою въ восемьдесятъ лѣтъ,
Вошла, окинула весь свѣтъ,
И недовольна этимъ кругомъ
Уѣзднымъ — гости не по ней.
Но князь подходитъ ловко къ ней:
« Пойдемте, ищетъ васъ княгиня».
Вотъ и Подточина. Она —
Такъ какъ славянская богиня—
Вся расплылась, и ширина,
Идя отъ плечъ діагонально,
Еще замѣтнѣй и виднѣй
Отъ двухъ бере и обручей,
Расширившихъ нарядъ сей бальной;
Бѣжитъ рысцею мужъ за ней.
Вотъ двѣ разряженныя дамы;
За ними въ-слѣдъ ихъ кавалеръ,
Какой-то бѣдный офицеръ;
А вотъ и агрономъ упрямый,
Читатель знаетъ ужь объ немъ,
И съ нимъ полькеръ, франтъ и бельомъ;
Вотъ и Авдотья Алексѣвна
Съ своимъ растерзаннымъ сынкомъ;
Зизи, Мими, Нини, весь домъ,
Среди-жъ Пульхерія Андревна
И левъ уѣздный—Anatole,

Denis и Pierre и Jean и Paul,
И изъ Подбережковъ всѣ лица:
Невѣста дочь, старушка мать
И намъ знакомая дѣвица,
Готовая всю ночь плясать.
А вотъ и дѣва интригантка
Съ полсотней душъ, но безъ души.
И всѣ такъ милы, хороши!—
И эта гордая смуглянка,
Что глазки щурила на всѣхъ,
И эта смирная блондинка.
И эта сельская картинка,
Непрерывающійся смѣхъ,
Болтунья отъ души, трещотка
И разодѣтая вся въ пухъ.
А вотъ и въ тридцать лѣтъ красотка,
Высокій музыкальный слухъ—
Къ напѣву пѣсенки скандальной,
Испитая въ восьмнадцать лѣтъ,
Подъ слоемъ юпочнымъ скелетъ,
Подъ блондой, дымкой, призракъ бальной;
За нею ликъ красы степной,
Подъ формой русской амазонки,
Съ дебелою ногой, рукой,—
И съ ней подруги пансіонки.

Какое множество дѣвицъ,

Прелестныхъ, безобразныхъ лицъ!
Носы прямые и кривые—
И, чудо!—носики съ горбомъ;
Глаза—то блѣдно-голубые,
То черные—и жгутъ огнемъ,
То карiе, то, такъ, простые,
Изсѣра-синiе, и рты,
И ротики, и щеки, щечки,
Зубки, и зубы, и зубочки—
И полный рынокъ красоты.
Вотъ, просто, милыя черты,
А вотъ черты безъ выраженья,
Вотъ съ выраженiемъ страстей,
Насмѣшекъ, хитрости, презрѣнья.
А плечъ-то сколько и грудей!
Но не достанетъ страстныхъ взглядовъ
Для плечъ, грудей и для нарядовъ,
И какъ уловитъ жадный взоръ?
Вотъ модный головной уборъ,
Вотъ tire-bouchon'ы золотые,
Вотъ локоны какъ смоль, а вотъ
Прически гладкiя, простыя,
И платья всѣхъ возможныхъ модъ,
Чтò намъ за хлѣбъ столица шлетъ,
Легки, и пышны, и богаты,
Въ плечахъ — широки, въ тальяхъ—сжаты,
Покроевъ разныхъ и сортовъ.

И сколько лентъ и сколько шарфовъ,
Застежекъ, пуговокъ, аграфовъ!
И сколько, сколько башмаковъ —
На каблукахъ, безъ каблуковъ,
Прюнелевыхъ и, такъ, козловыхъ,
Широкихъ, узкихъ, старыхъ, новыхъ,
По формѣ, не по формѣ ногъ!

Я разглядѣть гостей всѣхъ могъ.
Одни — усѣлися въ гостиной,
Другіе, просто, безъ чиновъ,
Вкругъ столиковъ и вкругъ столовъ —
И освѣщенный залъ предлинный
Нарядомъ бальнымъ запестрѣлъ.
И ужь предательски глядѣлъ
Лорнетъ, какъ дамы молодыя,
Дѣвицы, франты записные
И кавалеры всѣхъ сортовъ —
Отъ фраковъ и до сюртуковъ —
Паркетъ подъ музыку лощили,
И польской чинно проходили.
По старой формѣ до сихъ поръ
Онъ увлекаетъ смѣло взоръ.
На хорахъ музыка играетъ,
И пара важно выступаетъ
За парою передней въ-слѣдъ,
И дама слышитъ: «да-съ» и «нѣтъ-съ»,

И улыбнется, и головкой
Наклонится, и влаженъ взглядъ,
И оправляетъ свой нарядъ.
А черноглазая плутовка,
Ея Дуняша, смѣло съ хоръ
На нихъ свой устремила взоръ,
И думаетъ: «какіе глазки!
Постой-же, погоди, злодѣй!
Предатель! не добьешься ласки!
Я разсержусь ужо, ей-ей!»
Но вотъ остановились пары —
И музыка кадриль гремитъ,
И къ кресламъ кавалеръ спѣшитъ,
И тихо волокита старый
Проходитъ мимо креселъ дамъ,
И лорнируетъ всѣхъ. А тамъ
На хорахъ сѣнныя дѣвицы
И въ пестрыхъ нянюшки платкахъ,
Все—наблюдательныя лицы,
До барскихъ танцевъ падки страхъ,—
Заводятъ скромныя интрижки
Съ лакействомъ, такъ, промежъ собой,
Дарятъ улыбкою порой
И сплетничаютъ по наслышкѣ.

По залу, мимо дочерей,
Проходятъ маменьки съ улыбкой

И дочкамъ говорятъ: «не шибко
Танцуй, держи себя прямѣй!»
И ихъ поправятъ незамѣтно,
И, не спуская съ дочки глазъ,
Прошепчутъ: plus de grace, Constance»,
И улыбнутся такъ привѣтно;
И въ залѣ страшно—сорокъ паръ,
Громъ музыки и шорохъ встрѣчи,
И этотъ смѣшенный шумъ рѣчи,
И модъ затѣйливыхъ базаръ,
И красоты и безобразья
Живая вывѣска въ глазахъ,
И тѣсно страхъ, и душно страхъ.
Звучитъ труба, гремитъ волторна,
И флейта и кларнетъ пищитъ,
И скрипка изъ всѣхъ силъ скрипитъ,
И барабанъ бьетъ въ тактъ проворно,
И доморощенный Мюзаръ
Внушаетъ всѣмъ и пылъ и жаръ.
Вотъ полька грянула. Полькеры,
Подъ тактъ полькировать летятъ,
И дамъ затихли разговоры,
И оправляютъ свой нарядъ,
И вотъ ужь въ полькѣ сладострастной,
Подъ тактъ, такъ мило и прекрасно,
Несутся врозь, и здѣсь, и тутъ,
И отойдутъ и прикачнутъ

Съ такой наивностью головкой,
И вотъ опять рука съ рукой.

Но спуталъ паръ веселый строй
Пѣхотный офицеръ. Неловко
Задѣлъ плечомъ паръ десять онъ,
И сталъ, какъ вкопаный, смущенъ.
«Вамъ больше нравится мазурка?»
—Да-съ, дамѣ онъ своей въ отвѣтъ:
Тамъ есть-съ загадки — да-съ, и нѣтъ-съ,
И есть чудесныя-съ фигурки,
И можно-съ выдумать стишокъ.
И онъ ее опять увлекъ.
За ней съ своею парой слѣдомъ
Всепобѣждающій корнетъ,
И шепчетъ Анночкѣ: «vous êtes
Toujours la même». Она съ сосѣдомъ
Пикируется: то вздохнетъ,
То руку, такъ, слегка, пожметъ.
И думаетъ корнетъ: «побѣда!
Я ей внушилъ весь пылъ страстей.»
И у корнета, у сосѣда,
Мысль страшная — просить у ней
Въ саду наединѣ свиданья.
Онъ хочетъ съ ней начать романъ
Скандально, и составленъ планъ,
И въ страсти бѣшеной признанье

Изъ Марлинскаго онъ твердитъ;
Она же прикачнетъ головкой
И, улыбаясь, поглядитъ,
Такой наивною плутовкой.

За танцами въ-слѣдъ лимонадъ,
Мороженое и оржатъ
Разносятъ всѣмъ официанты;
И разошлись спокойно франты,
И къ дочкамъ маменьки спѣшатъ.
Другія-жъ въ сплетни, въ разговоры
Пустились, и лукаво взоры
Встрѣчаютъ всѣхъ и всѣхъ слѣдятъ.
Ужь осудили очень многихъ;
Отъ замѣчаній колкихъ, строгихъ,
Отъ клеветы, насмѣшки злой
Никто не избѣжалъ. Примѣрно
Всѣмъ смотръ, и мой попалъ герой
На судъ Авдотьи Алексѣвны.
—Такъ это, Анночка, родня?
«Да, онъ».—Неужь-то?—«Право.»—Чудо.
Вотъ выборъ-то! Охъ, худо, худо!
Вдругъ къ ней Езерская. «Меня
Вы не узнали?»—Нѣтъ, узнала,
Не въ вашу роденьку я. Да,
Я не въ Татьяну. Вишь горда!
Куда тебѣ! бобра поймала!

Въ Москвѣ сосватала дама
Такова... ха, ха, ха!... такова!...
А мнѣ еще, то-есть, кума!
Хоть бы пріѣхать на два слова,—
А то поддѣла жениха!
Поддѣла!»—Какъ?—«Не безъ грѣха!
Вѣдь онъ изъ званія простаго.
«Что ты? Она-бъ за столбоваго
Могла». —Да мало-ль жениховъ:
Сергѣй и Мишенька Перовъ,
Два Туриныхъ и два Ковровы,
Пожалуй, и теперь готовы.
«Кто-жъ онъ-то? прапорщикъ? корнетъ?»
—Куда ты лѣзешь, матка!—нѣтъ!
Онъ просто — разночинецъ, личной.
«Ахъ, какъ скандальцо, неприлично:
Осудитъ общество, весь свѣтъ.
Да знаетъ ли она объ этомъ?
Поговорю-ка съ ней, постой!»
И вотъ она идетъ съ привѣтомъ,
А та себѣ опять къ другой,
Къ Подточиной. «Ну, что, родная,
Не правду-ль говорила я?»
— Да, правду; экая какая!
Вотъ-те и новая родня!—
И князю-то обидно даже;
Тебѣ же, матушка, афронъ;

Вѣдь дочка крестная. «Да-какже,
Дочь крестная. Князь! князь! Что онъ?
Оглохъ что-ль? Князь? Съ нимъ надо также
Поговорить...» И вслѣдъ за нимъ
Идетъ; а къ тещѣ нареченной
Сестра съ намѣреньемъ благимъ
Подсѣла, и съ ней благосклонно
Ведетъ начатый разговоръ:
«Да, матушка, стыдъ и позоръ,
Совсѣмъ унижено дворянство!
А отъ чего? какъ взять-то въ толкъ?»
Вокругъ составился кружокъ.
«Ну, вотъ тебѣ, какое барство!...»
Глядитъ и шепчетъ. Шумъ затихъ.
Все будто — слухъ, все — во вниманье.
«Антонъ Иванычъ?» Мой женихъ
Смутился; мыслитъ онъ: незнанье
Ея, но чья насмѣшка? чья?
А вкругъ него — то тихій хохотъ,
То такъ—намеки, или шопотъ.
«Вотъ какова сестра моя!»
Замѣтилъ дядя: «ай-да ладно!
Загнала русака... Отрадно!
По шерсти гонитъ... та, та, та!»
—«Mais Pochekhnin de quel état?»
Замѣтилъ кто-то.—«Много чести!
Какой афронъ и стыдъ невѣстѣ,

А все Pauline — моя жена —
Подсѣла къ тещѣ нареченной».
Онъ слышитъ, онъ стоитъ смущенной,
И грустно мыслитъ: «Тѣ же мы!
И въ насъ все тоже униженье,
Все тоже чуждое намъ мнѣнье,
Все тожъ дыханіе тюрьмы,
Міазмъ привычнаго обычья,
Интриги, сплетни, злоязычья.
Вѣдь и теперь, что не поймутъ,
Перетолкуютъ, переврутъ,
Составятъ по себѣ сужденье,
И вотъ — общественное мнѣнье!
И вотъ чѣмъ каждый заклейменъ!
О, страшно! страшно! не рожденъ
Я въ этомъ кругѣ, въ этой сферѣ,
Я имъ душою, сердцемъ чуждъ;
Не вѣрую вполнѣ ихъ вѣрѣ,
Не понимаю всѣхъ ихъ нуждъ,
Родства, связей и отношеній.
О, сколько пытокъ и мученій!»
—Антонъ Иванычъ, что за грѣхъ?
Она ему, и пуще смѣхъ,
И думаетъ старушка: «странно!
Да что же это имъ забавно?
Не криво ли надѣтъ чепецъ?
Пойду, взгляну! Ахъ, мой Творецъ!

Да что они нашли смѣшнова?»
Невѣста къ ней, а въ-слѣдъ сестра:
«Домой намъ, маменька, пора!»
— Сбирайтеся, а я готова.
Антонъ Иванычъ, напередъ!

Чуть-живъ онъ руку подаетъ
И къ лѣстницѣ ведетъ парадной.
Ему теперь вздохнуть отрадно.
«Прощай, сестрица».—Bon voyage!
«Домой!»
И дрогнулъ экипажъ.
«Вамъ дрожки?»—Дрожки, Вася, дрожки!—
Оставя мать, за ними въ-слѣдъ
Спѣшитъ мой пламенный корнетъ.
«Куда ты, Serge?» И за корнетомъ
Идетъ его пріятель Paul,
И Pierre, Denis и Anatole:
«Что-жъ, скажешь, что-ли, намъ объ этомъ?»
И шепчетъ Полю изъ дверей:
«Mon cher, займи, скажи ты ей,
Что я уѣхалъ очень рано,
Что боленъ, что усталъ, что пьяной...
Наври старушкѣ что нибудь;
Лишь отъ нея бы ускользнуть».
Не умолкаютъ разговоры,
Насмѣшки, хохотъ, сплетни, споры,

Но заглушаетъ толкъ объ немъ
Мазурки безконечный громъ.
И вотъ устали ужь танцоры,
Уже зѣваетъ много дамъ,
И полусонные ихъ взоры
Безмолвно говорятъ:—«и намъ
Пора приходитъ по домамъ».
Ужь дремлетъ старый волокита
На креслахъ, всѣми позабытой...
И вотъ пустѣетъ княжій домъ.
Споръ, шумъ, стукъ, звонъ передъ крыльцомъ.
И катятся къ крыльцу по кличкѣ,
Четверикомъ, шестерикомъ
Кареты, тарантасы, брички,
И слышно: «Гдѣ Сережа мой?»
— Они изволили домой.
«Домой?»—Домой-съ. «А ты съ Ѳомою
За мной пріѣхалъ?» Я съ Ѳомой.—
И вотъ, подсажена слугою,
Она усѣлась въ экипажъ
И думаетъ: «что въ немъ за блажь?»

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Невѣста по пріѣздѣ съ бала.— Свиданіе сестры ея Анночки съ Сережею.— Старуха-мамушка.— Толки людскіе.— Письмо къ Пошехнину.— Нарочный къ дядѣ и разговоръ старухи-мамушки съ Феною.

Невѣсты горенка грустна;
Лампадка тихо догораетъ,
То гаснетъ, то опять пылаетъ
И тѣнь рисуетъ у окна,
Гдѣ бальныя обновы скромно
На этажеркахъ, на полу.
Бѣдняжка, къ жаркому челу
Прижавъ ладонь, сидитъ безмолвно.
О, сколько перемѣны въ ней
Почти въ единое мгновенье!
Но это — ни любви томленье,
Ни пылъ томительныхъ страстей;
Нѣтъ! чувство это тяжелѣй

Томленія и пыла страсти ;
Въ немъ все растерзано на части ,
Поражено смертельно въ немъ.
А между тѣмъ мечта такъ вѣрно
Рисуетъ балъ и княжій домъ ,
Толпу гостей , тактъ пляски мѣрной
И сплетни тетушекъ — и смѣхъ
Кузинъ, кузиновъ, дяди, всѣхъ.
Да, есть общественное мнѣнье ,
И мнѣнье это — нашъ законъ ,
И неизмѣненъ и твердъ онъ.
Какое сердца опошленье !
Какой смертельный холодъ чувствъ !
Видали-ль вы передъ грозою
Пространство синее морей ?
Ненарушимой тишиною
Оно самой грозы страшнѣй ! —
И ждешь грозы , и ожиданье
Ложится тяготой на грудь ,
И страшно тяжело вздохнуть.
То — пытка, мука, казнь, страданье.
Не та ли пытка съ ней теперь ?
Не то-ль страданье, казнь и мука ?
Неистово отпрянетъ звѣрь ,
Когда пущенная изъ лука
Вонзится глубоко стрѣла ;
Есть откликъ страшный у орла

Себѣ въ погибель, иль въ отмщенье,
И съ грусти птичка пѣснь поетъ.
Ее томитъ, ее гнететъ
Чувствъ холодность и омертвѣнье
Души, страстей. Она не спитъ,
Она, тревожная, глядитъ,
Она вперила взоръ глубоко
Въ сводъ неба синій и далекой
И въ каждое изъ тѣхъ свѣтилъ,
Что̀ блещутъ такъ душѣ отрадно;
Но ей отраднѣй блѣдный, хладный,
Свѣтящій огонекъ могилъ.
То падшій духъ, духъ отчужденья,
И съ ней онъ сходенъ. Ужь она
Теперь отъ всѣхъ отчуждена,
Какъ Пери, какъ дитя паденья.
Она склонилася челомъ —
И руки на груди скрестила.
Быть можетъ, бѣдная, объ немъ
Теперь Заступницу молила,
Или молилась о себѣ,
Или задумалась невольно
Объ жизни этой, о судьбѣ
Его, своей — и было больно
Душѣ измученной, очамъ
Безъ сладкихъ слезъ, безъ усыпленья.

И долго, долго небесамъ
Ввѣрялись тяжкія мученья.

Ужь гасли звѣзды, ужь луна
Блѣднѣла, и въ аллеѣ темной
Мелькнула тѣнь. Вотъ тихо къ ней
Идетъ другая изъ аллей...
И шопотъ.., и потомъ — безмолвно.
Вновь голосъ слышится: «пора!
Ужь близко, близко до утра,
Ужь ласточки съ гнѣзда слетѣли,
И жаворонокъ ужь запѣлъ...»
«Ты это, няня?»—Я. Скрипѣли
Ворота. Сторожъ зашумѣлъ.
«Тебѣ послышалось».—Нѣтъ. «Скоро?»
—Проститесь, барышня, ужь день,
Проститесь, день... И вдоль забора
Мелькнула осторожно тѣнь. —
И тихо, тихо тѣнь другая
Къ балкону, въ дверь. И вотъ, рыдая,
Въ ея объятіяхъ сестра.
А голосъ изъ дверей: пора!...
«Ишь ты, пора! ужь мнѣ съ тобою
Красавица не сдобровать,
Тебѣ бы рыскать да гулять!
Вѣдь этой нянькой молодою
Господь меня знать посѣтилъ.

А кто, того, у бар въ отвѣтѣ?
Старушка мамушка. Не милъ
И свѣтъ-то мнѣ, и, то есть, въ свѣтѣ
Погубишь память объ себѣ.
Велѣть-ка на запоръ вороты!
А то нѣтъ нуждочки тебѣ,
А нянькѣ молодой — заботы».
— Ахъ, мамушка! — «На скотный дворъ
Ее пройдошницу, въ людскую!»
И мамушка въ азартъ, въ задоръ
На Флену, няньку молодую,
И бродитъ ночь всю и ворчитъ
И княжій домъ она ругаетъ:
«Ишь ты какихъ онъ насылаетъ!»
Но княжій домъ давно ужь спитъ.

Волторна съ скрипкой, барабаномъ,
Кларнетомъ, флейтой и трубой,
Въ какомъ-то безпорядкѣ пьяномъ
Лежитъ подъ черною скамьей,
И дружно въ княжеской ливреи
Храпятъ усталые лакеи;
А тамъ въ Подбережкахъ народъ
Ужь суетитъ вокругъ господъ,
Подслушиваетъ крикъ и споры,
И самъ пустился въ разговоры
О томъ, что къ барынѣ вчера

Пріѣхала ея сестра
Съ какой-то вѣстью изъ Покрова,
Что будто баринъ молодой
Ей не по мысли, что съ сестрой
Ему, де, отказать готова.
« А что, Терентьичъ, на моемъ? »
— Да вы, Панкратъ Петровичъ, чудо! —
Какъ въ руку сонъ! — и я о томъ
Смѣкалъ, мерекалъ. Худо, худо —
Смѣкаю самъ. То есть у нихъ
Не разберешь — господско дѣло!
Объ немъ и думать-то не смѣло!
Вѣдь знамо, вѣдомо — женихъ.
« Женихъ, Терентьичъ, да не нашей;
Ищи себѣ, то-есть, подальше,
А нашихъ, то-есть, незамай.
Того, дворянка столбовая...
А онъ, то-есть, ну, самъ смѣкай ».
Глядитъ Терентьичъ, пятерней
Затылокъ чешетъ, а другой
Рукой разглаживаетъ скобку.
— Не што, а не добьюся толку,
Раздумье, знаемо, беретъ
О Фленѣ. « Что, Терентьичъ, ладно? »
— Вѣстимо! — и куды парадно
Заручье было. Вы пиркомъ
Начали дѣльце... Милость свата..

« Кабы, Терентьичъ, было знато,
Не оболталъ бы съ женихомъ».
И между баръ свои упреки:
« Вотъ-те Москва! вотъ-те уроки!
Ужь лучше было-бъ не возить!»
— Да перестань же ты грѣшить!
Сама я пуще виновата.
« А пансіонъ-то, а мадамъ!...
—Эхъ-ма, сестра! — «Чтожъ дѣлать, брата
Проси, пускай откажетъ самъ!
А съ ней поговорю. Гдѣ Флена?
Скорѣй за барышней! »— Охъ, скверно!
Сестра, сестра, чѣмъ пособить?
« Ну, уѣзжай ко мнѣ въ Покрово.
— А онъ?— «Откажемъ.» —Такъ и быть,
Откажемъ. А молва? а толки?
« Да злые люди вѣдь не волки,
Поговорятъ да замолчатъ.
Сюда бурмистра! Эй Панкратъ!
Ступай ты къ брату, да отвѣта
Дождись по этому письму,
Да, эдакъ, вымолви ему,
Что мы, де, ждемъ его совѣта».

Къ нимъ входитъ Варенька грустна,
Блѣдна, встревожена, больна.
Минувшей ночи отпечатокъ

На ней безсонницы, иль грезъ,
И на очахъ горитъ остатокъ
Съ сестрой пролитыхъ ею слезъ.
И къ ручкѣ тетки изъ Покрова
И къ матери своей она
Съ любовью броситься готова;
Но страшно вдругъ поражена
Столь рѣдкой холодностью встрѣчи,
Ужь не находитъ больше рѣчи,
Стоитъ, поникнувши челомъ,
Нѣма, безъ слезъ, безъ словъ. Потомъ
Выслушиваетъ разсужденье
Отъ нихъ, предлинное, о томъ,
Что посрамленъ ихъ родъ, ихъ домъ,
И въ-слѣдъ за этимъ въ заключенье,
Что надо прямо отказать
Ему въ рукѣ. Вперила въ мать
Она свой взоръ — и сердцу больно,
И говоритъ она: « довольно,
Я откажу ему сама! »
И вотъ дрожащею рукою
Перо беретъ, и надъ строкою
Рыдаетъ, и конвертъ письма
Уже клеймитъ сургучъ печатью.
Лакей почтительно беретъ
Письмо, а въ спальнѣ за кроватью
Рѣзвушка Флена слезы льетъ.

И къ ней она отъ нихъ идетъ,
И на нее взглянула строго,
И въ кельи дѣвичей своей
Она молилась долго, долго,
И тихо вышла изъ дверей.
А къ нянькѣ молодой, а къ Флени
Подходитъ мамушка: « съ тобой
Вѣдь наживешь бѣду бѣдой,
И на безлюдьи — посрамленье.
Хоть бы намѣднись, въ ночь-то, въ ночь!
Что? вышла замужъ! что? на волѣ!
Не потерплю, красотка, болѣ,
Я вѣдь, того, и вовсе прочь
Всю вашу братью отъ прислуги;
За ними ухожу сама.
А то, того, вишь служки, слуги,
И подкумилась какъ куна ».
— Да что я, мамушка? « Такая
Невинность! слышь ты, лисій взглядъ!
А сторожъ-то, а садъ-то, садъ! »
— Да что же садъ, моя родная?
« Я изъ ума не выжила,
И дѣвкою куды была,
То есть, сказать тебѣ — лихая! —
Вострѣе сѣнныхъ дѣвокъ всѣхъ,
Да не по линьи, не по виду,
Знать, и у баръ-то намъ успѣхъ;

И приняла ужь я обиду.
Не поперечь! Какъ и у васъ,
Былъ волосъ долгъ, умъ коротокъ.
Любилъ покойный баринъ насъ
И выбиралъ, то есть, красотокъ,
Пока наклюнется женихъ.
Въ отличьи я была у нихъ;
Меня и барыня любила,
Какъ ни казалась горяча,
И платье, знаемо, носила,
То есть, я съ барскаго плеча.
Какъ вдругъ ухаживать въ-частую
Задумалъ баринъ нашъ за мной —
У каждаго есть разумъ свой —
И прогнѣвила я родную,
И взъѣлась, то есть, на меня,
И съ глазъ долой, и отъ себя,
Слышь, прямо въ вотчину степную,
Да замужъ... И пришла бѣда,
А съ ней побѣдки да нужда.
Былъ свекоръ — старъ, свекровь—презлая,
Немилостивъ мужъ во хмѣлю,
Работа тяжкая дневная
Губила молодость мою;
И десять лѣтъ я билась, билась,
Пока свекровь угомонилась,
Да умеръ мужъ, и вотъ опять

Пришлось во дворнѣ доживать
Вѣкъ старый, стары эти годы.
А вы что? бѣлоручки; слышь,
Вамъ пяльцы бы да хороводы.
А Бога, то есть, все гнѣвишь,
И баръ-то мучишь со свободы,
Со разума-ума свово».
— Нѣтъ, мамушка, я ничего...
И Флена слезно завѣряетъ;
А та, сердитая, качаетъ
Въ сомнѣньи дряхлой головой
И спорятъ съ нянькой молодой.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сборы дяди на охоту. — Сережа. — Кабинетъ Антона Иваныча. — Ночь, проведенная имъ послѣ бала. — Выѣздъ его въ Подбережки и послѣднее свиданіе съ невѣстою.

Рога трубятъ. Всталъ дядя старый,
Чекмень надѣлъ, уже готовъ,
Пока псари скликаютъ псовъ
И вяжутъ ихъ смычками въ пары.
Вотъ вышелъ, думаетъ: «роденьку
Не кликнуть ли? Сосѣдъ, сосѣдъ!
Вставай! Трускомъ да помаленьку
Уѣдемъ въ поле. Ай, ай! нѣтъ!
Забылъ наказъ княгининъ. Экой,
Засѣцкій, пень! Еще вчера
Ея сіятельство, сестра,
Наказывала мнѣ: — «просѣкой
Моей съ роденькой новой, слышь,
Не ѣзди, слышь — ни шагу.» Право,

Ну ихъ! — Поддернулъ же лукавый!
Да ихъ, того, не вразумишь.
И въ немъ-то кой чортъ! вѣдь изъ ссоры
Въ проскѣ сгубишь русаковъ!
Эй вы! кто тамъ? вы, хамы, воры!
Васъ не докличешься, ословъ!
Эй Пронька! — Что сударь? «Сосѣду
Скажи ты». — Слушаю-съ. «Вотъ какъ,
Чтобъ онъ, де, отъ меня къ обѣду
Отлынивалъ. Того, вотъ такъ:
Что я, дескать, ему не дядя;
Другаго-бъ лучше поискалъ.
Ну, слышь, того, какъ я сказалъ!»
И въ струнку вытянулся Пронька.
«А толкъ бы былъ, разковъ пять, шесть
Съ нимъ съѣздить!... Шуры завелись...
Да чортъ бы съ ними! Тратишь время
Все попусту. Эй вы! садись!
Живѣе, хамы! ногу въ стремя!
Теперь къ росинкѣ чутокъ слѣдъ.
А ты за чѣмъ? Ай-да сосѣдъ!
Хватай! лови его — Сергѣя!
Поѣдемъ-ка со мной, родня!
Поѣдемъ? Ну, скорѣй коня!
Такого, то-есть, раззлодѣя!
Ну, ну! живѣй!...» Но мой корнетъ
Бѣжитъ отъ старика къ герою.

За нимъ войдемъ-те въ кабинетъ.
Минувшей ночи страшный слѣдъ
Отпечатлѣнъ на всемъ рукою.
Горшки съ цвѣт^ми у окна
Лежатъ, разбиты, черепками.
Не подарила-ль ихъ она?
Не любовался-ль онъ цвѣтами?
И вянутъ на полу цвѣты.
Вотъ ей прочитанныя книжки
Лежатъ, разорваны въ клочки.
Его приданое — манишки,
Сорочки и съ шитьемъ платки
Разбросаны изъ чемодана,
И кипа нотъ для фортепьяно,
И кипа счетовъ и бумагъ
Въ углу набросана въ клочкахъ,
И брошенъ подъ столомъ небрежно —
Невѣстой вышитый жилетъ.
Да, вѣрно бурно и мятежно
Провелъ онъ ночь, и застаетъ
Осенній солнышка восходъ
Его безъ сна и пробужденья.
Не бытіе то, и не сонъ,
Но это въ усыпленьи бдѣнье,
Чѣмъ такъ страдалецъ отягченъ,
Такъ тяжело, такъ нестерпимо,
И такъ душѣ невыносимо!

Какъ бы въ предсмертный страшный часъ,
Онъ содрогается невольно;
Онъ молится въ послѣдній разъ;
Глаза открылъ онъ. Страшно, больно;
Ихъ тусклымъ свѣтомъ утра жжетъ.
Онъ руку на глаза кладетъ.
А вкругъ одра — шумъ тихій, смутный —
И этотъ шумъ ему знакомъ.
Душа взволнована. Минутно
Онъ пробуждается. Потомъ
Онъ снова въ мукѣ страшной, долгой,
И слышитъ—судятъ очень строго,
Винятъ его, и снова онъ
Ихъ хриплымъ смѣхомъ пробужденъ,
И вскакиваетъ, и рукою
Хватаетъ призракъ, и въ борьбѣ
Онъ забываетъ о себѣ,
На-смерть онъ бьется съ клеветою.
Еще минута — побѣдитъ.
И слышитъ онъ—слуга кричитъ.
« Ты Вася? » — Я, сударь. « Ночь эта —
Страшна ». —А къ вамъ еще до свѣта
Пріѣхали... какъ ихъ?... Сергѣй
Михайлычъ. « Что ему? » — Знать, надо.
« Ну, Богъ съ нимъ! » — Просятся, ей-ей!
Дескать, пренадо! « Мнѣ не надо! »
— Да не отходятъ-съ отъ дверей.

« Ну, такъ и быть, впусти ! » Съ фуроромъ
Особеннымъ вбѣжалъ къ нему
Корнетъ, и поразилъ все взоромъ,
И насказалъ тогда ему
Пресладкихъ словъ: «mon cher», «дружище»,
«Злодѣй», «предатель мой», «плутище! ».—
Всего, подобнаго сему,
Премножество, и въ заключенье
Рѣшилъ, что надо похищенье;
Свои услуги предлагалъ...
Какъ вдругъ Василій помѣшалъ.
«Что тамъ еще?»—Письмо-съ. «Скорѣе
Подай! Она зоветъ меня...
Ну, Вася, слышишь ли, живѣе,
Живѣе осѣдлай коня
И въ-слѣдъ въ Подберезки за мною».
—И я, mon cher, прощусь съ тобою;
Смотри, не забывай меня !

Герой мой выѣхалъ съ слугою.
Ахъ, сколько дней, ахъ, сколько разъ,
Онъ ѣхалъ тою же тропою ,
И издали привычный глазъ
Разглядывалъ и тѣ гардины
И въ мезонинѣ то окно,
Гдѣ профиль личика давно

Ему мелькалъ, и георгины
Стояли, связаны въ букетъ!
Теперь ужь ничего тамъ нѣтъ —
И пусто, глухо и печально,
И такъ печаленъ утра свѣтъ,
Какъ отъ свѣчей свѣтъ этотъ бальной,
Который страшной темнотой,
И такъ невольно, такъ нежданно
На душу палъ темно, туманно,
И тьма въ душѣ и тьма въ очахъ,
И очи тусклыя въ слезахъ.
То слезы — гнѣва и смущенья.
Бороться онъ готовъ съ врагомъ,
И нѣтъ врага передъ лицомъ —
И врагъ — общественное мнѣнье.
Зачѣмъ врагъ не лицомъ къ лицу?
Зачѣмъ не можетъ онъ свободно
Вручить предателю свинцу,
Шаги отмѣря благородно,
И жизнь свою и жребій свой,
И мѣтить, и стоять подъ мѣтой,
Не дрогнувъ сердцемъ и душой?
Вотъ онъ подъѣхалъ незамѣтно;
Съ коня слѣзаетъ и идетъ.
Въ дверяхъ оборванный народъ,
И онъ не хочетъ безъ доклада.
«Изволили просить васъ въ садъ».

—Одна? «Съ сестрицей». Для парада
Лакей идетъ справлять докладъ.

Аллеею, давно знакомой,
Поодаль цвѣтниковъ, вкругъ дома
Идетъ онъ. Передъ нимъ она
Стоитъ, печальна, смущена,
И такъ тревожна, такъ тревожна!
Глядитъ и думаетъ: «возможно-ль?»
—Вы здѣсь однѣ? «Я здѣсь одна».
И вотъ давно ли? Нѣтъ мгновенья,
Какъ онъ былъ высказать готовъ
Свой гнѣвъ, души своей мученья!
Но безъ движенья, но безъ словъ
Глядитъ на этотъ образъ милой.
Въ немъ стихла буря, и уныло
Передъ измученной красой
Склоняетъ голову смущенной,
И эту руку онъ невольно
Кропитъ горячею слезой.
«Довольно, встаньте, о, довольно!
Не убивайте такъ меня!
О, пощадите, ради Бога!
И безъ того такъ много, много
За васъ, за нихъ и за себя,
И страшно такъ я отстрадала!
Но я хотѣла, я желала

Увидѣть васъ, услышать васъ,
Хотя бы то въ послѣдній разъ,
И вымолить у васъ прощенье.
Вы дружно руку примиренья
Подали сами мнѣ, и я
Молить — боюсь, просить — не смѣю.
Предъ вами я благоговѣю.
Не осуди-жъ, прости меня!
Дай думать мнѣ, что я любима,
Что прощена, что мы — друзья,
Что Провидѣніемъ хранима
Та дружба наша, что судьбой
Обречены мы на разлуку!»
И онъ беретъ безмолвно руку,
Кропитъ горячею слезой;
Въ аллеѣ-жъ шумъ. И взоръ прощальный
Онъ устремляетъ на нее.
И тихо перстень обручальный
Скользитъ, и на кольцо свое
Она глядитъ, и тихо сняла,
И отдала, и зарыдала,
И грустно, грустно на плечо
Къ нему склонилась, и лобзанье
И долго такъ и горячо,
И вновь объятья, вновь прощанье,
И кажется—все не пора...
Еще минуту... слезы... ропотъ...

Но ближе шумъ, но ближе шопотъ,
Въ аллеѣ — дядя и сестра.
И онъ въ послѣдній разъ сжимаетъ
Ее въ объятіяхъ своихъ...
Бѣжитъ... Мгновенно шумъ затихъ,
И тѣнь его вдали мелькаетъ;
И безъ движенія она
Стоитъ тревожна и блѣдна.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

АНТОНЪ ИВАНЫЧЪ

ПОШЕХНИНЪ.

АНТОНЪ ИВАНЫЧЪ

ПОШЕХНИНЪ.

ИЗДАНІЕ

Алексѣя Ушакова.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Сентября 31 дня 1854 года.

Цензоръ, Дѣйств. Стат. Сов. и Кав. И. Снегиревъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Авдотья Алексѣвна и тетушка изъ Покрова. — Анночка.—Сонъ Варинъ.—Пробужденіе.—Мамушка, Татьяна Авдѣвна и Авдотья Алексѣвна.

« Что сдѣлалось! ахти, мой Боже!
До сей поры все нѣтъ Сережи.
Куда ему-то въ ночь скакать?
Пріѣхалъ, что ли, онъ, злодѣй?
— Изволили започивать.
«Такъ не будить».—И вотъ лакеи
И дѣвки тихо изъ дверей.
Вдругъ стукъ четверки лошадей.
«Кто тамъ? скажите, чтобъ нешибко
Подъѣхали. Вишь прыть, вишь блажь!
Сережа боленъ». Кони-жъ прытко
Несутъ дорожный экипажъ
Къ крыльцу, съ бубенчиками, съ звономъ.

« Кто? » — Изъ Покрова. «Ну, просить»
—Къ тебѣ я отъ сестры съ поклономъ:
Просила, матка, помирить.
« Я не сердита. Ахъ, мой Боже!
Что дочку выдаетъ она,
Такъ и сердиться; да за что же?
Сама умна, сама властна,
А мнѣ, то есть, какое дѣло!
« Да не сердись!» А та въ отвѣтъ:
—И дѣла нѣтъ, и нужды нѣтъ!
« Что дѣлать будешь съ угорѣлой!
Сама раскаялась, сама
И жениху-то отказала».
— Подумать надо бы сначала,
А то — вотъ вышла кутерьма
И разнеслась молва такая,
Что стыдъ да грѣхъ. А все меня
Не слушалась, моя родная.
Вѣдь говорила же я ей:
« Ну, что спѣшишь ты? дочерей
Расхватятъ, было бы имѣнье!»
Куда тебѣ! руками врозь!
А вотъ теперь она-жъ, небось,
И жениху — мое почтенье,
И съ женихомъ поуплелась.
На молочкѣ-то обожглась,
Такъ будетъ дуть и на водицу.

И это, право, не по насъ,
Не похвалю твою сестрицу.
Скора, да, вишь, не въ добрый часъ!
Эй Васька, Пронька! эй Прокофій!
Зови Ѳеклушку... Слышь ты, кофе
Свари, да въ оба, слышь, гляди,
Не перепарь, не опусти. —
Вотъ, матушка, своя забота
И у меня съ моимъ сынкомъ.
Пора женить, и есть охота,
И онъ—не прочь, да вотъ, на комъ
Женить-то? Все почти такія,
То недоростъ, то переростъ.
Нельзя. А онъ, того,—такъ простъ, —
И проболтнися мнѣ намедни,
Что Анночка ему — куда!
Ну, знаешь и сама, что бредни...
Я разсердилась же тогда...
«За что? ну вотъ сама какая!
Сердиться! что-жъ онъ за дитя!
И Анночкѣ пора, родная.
Жени сынка, жени, а я
Присватать и сама готова.
На-дняхъ мы ѣдемъ всѣ въ Покрово:
Племянницы, моя сестра;
Ну, тамъ поговорю съ сестрою—
И Анночкѣ пора, пора!

Вѣдь ей изъ-за сестрицы старшей
Не ждать, довольно пождала».

Служанка кофе принесла.
Сережа всталъ. Смуглянкѣ Сашѣ
Онъ насказалъ подъ этотъ часъ
Ночныхъ премножество проказъ,
Такихъ вещей, что та стыдливо
То потупляла быстрый взоръ,
То упрекала, то ревниво
Заспоря, длила разговоръ,
Была встревоженной такою,
Пока старушки межъ собою,
Уладя вмѣстѣ сватовство,
Ему готовили родство...

У насъ... у насъ нѣтъ изступленья,
Нѣтъ вовсе бѣшеныхъ страстей.
Разнохарактерность идей,
Лицъ, общества и поколѣній,
Все это тянется, такъ, въ лѣни,
И волю оградилъ законъ,
И похитителей нѣтъ женъ.
Oh, quel malheur! fi-donc, fi-donc!
У васъ романъ безъ похищенья?
Терпѣнія, mesdames, терпѣнья
Рѣшаюся просить у васъ,
И продолжу я мой разсказъ

От̕ части и до новой части.
В̕ них̕, увѣряю, будут̕ страсти
И, право, интерес̕ такой,
Что вы останетесь довольны
Героями и даже мной.

Теперь я чувствую невольный
Восторг̕ лирическій, я рад̕
На од̕ торжественнѣйших̕ склад̕
Воспѣть великаго героя.
О, муза! пой того, кѣм̕ Троя,
То есть, губернія, уѣзд̕,
У князя весь дворянскій съѣзд̕,
Все, все разрушилось; но стѣны
Сомкнулись тверже вкруг̕ Елены...
Но не Парис̕ их̕ сторожит̕...
Все успокоилось, — ни слова;
Прислуга, задремав̕, сидит̕;
В̕ Подбережки же из̕ Покрова
Сестра к̕ родной сестрѣ спѣшит̕,
И Анночка, взмостясь на дрожки,
Труском̕ катится по дорожкѣ,
Избитой частою ѣздой—
В̕ Подбережки, в̕ свою усадьбу,
Досадуя в̕ душѣ, что свадьбу
Разстроили. Своей родней
Она ужасно недовольна

И недовольна такъ сестрой.
Но отчего-жъ быть недовольной ?
Вѣдь сердце сестрино невольно
Къ ней горячо и горячѣй.
Она всегда была готова
Всѣ тайны сердца ввѣрить ей,
Не затаивъ ни мысль, ни слово ,
И такъ всегда привѣтна къ ней
И столько къ ней въ душѣ участья.
И что-жъ тревожитъ ту ? несчастье?
Или завидуетъ сестрѣ ?
Нѣтъ, затаилась мысль глубоко
Иная, какъ змѣя въ норѣ,
И не язвитъ она до срока ,
Но дорогой ядъ бережетъ ,
Пяту предательски блюдетъ.
А та какъ агнецъ, и не знаетъ ,
Что такъ сестру ея смущаетъ ,
Чему завидуетъ сестра.

Лишь только вечера пора
Настанетъ съ сумракомъ, съ тѣнями,
И съ полусвѣтомъ отъ огня ,
Изъ саду съ грустными мечтами
Она идетъ, тоску скрѣпя,
Наверхъ, къ себѣ на половину ,
Спускаетъ на окно гардину

И предъ лампадкой за столомъ
Сидитъ, тревожная, съ письмомъ,
И долго надъ письмомъ мечтаетъ,
И вновь отъ Нади Боковской
Письмо послѣднее читаетъ,
И строчку каждую слезой
Кропитъ, и передъ ней рисуетъ
Мечта забытый пансіонъ,
И сердце бѣдное тоскуетъ.
Подруги въ классѣ, съ Надей онъ.
Глаза влажнѣе, слаще рѣчи;
Пылаетъ Надя, и горитъ,
И убѣгаетъ этой встрѣчи,
И вслухъ она ему твердитъ:
«Оставь меня, забудь—другая,
Она, подруга дорогая,
Въ твоихъ объятіяхъ она,
Она — невѣста и жена.
А я пойду своей дорогой,
Не встрѣчусь съ вами па пути;
Цвѣтку не долго отцвѣсти
И въ жизни мнѣ поцвѣсть не долго».
И проступаетъ хладный потъ
На лбу ея. Она рукою
Холодною перо беретъ,
И пишетъ, и кропитъ слезою
Къ подругѣ страстное письмо.

И вновь она изнемогаетъ,
Перо скользитъ, и выпадаетъ
Изъ рукъ; въ очахъ темно, темно,
И на душѣ ея стемнѣло.
Склонясь головкой на плечо,
Она ужь дышетъ горячо.
И вотъ лампадка догорѣла,
И тьма и тишина кругомъ,
И ужь она объята сномъ,
И этотъ сонъ—воспоминанье
Ея тревоги и страданья.

Вотъ вечеръ бальный, блескъ свѣчей,
Хоръ музыки, толпа гостей,
Смѣсь лицъ, изысканныхъ нарядовъ,
И это любопытство взглядовъ,
И желчь рѣчей, и ѣдкость словъ.
И вотъ, такъ, въ простенькомъ нарядѣ
И съ простодушіемъ во взглядѣ,
Среди старухъ и стариковъ,
Среди безумной молодежи,
Она одна. И каково же
Бѣдняжкѣ ей! Они ее
Оглядываютъ, судятъ строго,
И шепчутся, и спорятъ долго,
Смѣются всѣ и на неѐ
Указываютъ всѣ рукою,

Потомъ съ насмѣшкой головою
Качаютъ грустно, и она
Толпою всей осуждена
На смерть, на казнь, на посрамленье.
Бѣжитъ отъ нихъ къ своимъ роднымъ,
И у родныхъ — одно презрѣнье:
Она теперь чужда и имъ.
Куда идти и гдѣ спасенье?
Тревожно, робкою стопой
Она выходитъ. Вотъ селенье
И церковь, и погостъ родной.
Перекрестилася, вздохнула,
Въ послѣдній разъ на домъ взглянула,
Торопится, идетъ. Вдали
Чернѣетъ лѣсъ; паръ отъ земли
Клубится бѣлыми волнами,
И мѣсяца неясный лучъ,
Мерцая, свѣтитъ изъ-за тучъ,
И вотъ потухъ за облаками.
Вокругъ темно, и страшно ей.
Глядитъ она: въ горахъ равнина
Какъ бездны глубина, и въ ней
Борьба и свѣта и тѣней,
И два утеса-исполина,
И море, и шумитъ вода
Между утесовъ — и туда
Вглядѣться хочетъ — и на самой

Вершинѣ недоступной ихъ
Въ вѣнцахъ невѣста и женихъ.
« Смотри ! » ей шепчутъ : «прямо, прямо !
Сюда ! на этотъ темный фонъ !
Вглядися, какъ она печальна,
И какъ печаленъ, грустенъ онъ !
Не въ храмѣ свѣточъ имъ вѣнчальной,
Не свѣчи брачныя горятъ.
Рѣка и волны между ними
Вздымаются, шумятъ, кипятъ;
Разлучены бѣдняжки ими,
Простерли руки и глядятъ.
Еще единое мгновенье —
И вотъ невѣста и женихъ
Въ рѣкѣ. Плывутъ. На мигъ спасенье;
Подплыли; свилися кольцомъ
Ихъ руки. Страшное объятье !
Послѣдній, мертвый, неземной
Ихъ поцалуй — и стонъ проклятья
Надъ ними стихнулъ, и рѣкой
Два круга слились въ кругъ широкой
И зыбью унеслись далеко».
И вотъ холодная волна
На берегъ хлынула, коснулась
Ея, и вздрогнула она,
И съ страшнымъ крикомъ отшатнулась.
И вотъ опять окружена

Толпой гостей, и между ними
Сестра, мать крестная, женихъ.
И шепчетъ онъ: «оставимъ ихъ,
Бѣжимъ!» И страшно ей съ родными
Разстаться, страшно, грустно ей.
Она въ усадьбѣ здѣсь родилась,
Здѣсь выросла и здѣсь рѣзвилась,
И здѣсь съ родной сестрой своей
На кладбище къ отцу ходила,
Иль ранней утренней зарей
Къ той рощицѣ, что̀ надъ рѣкой
Веселыхъ птичекъ пріютила
Подъ зеленью своихъ вѣтвей.
Какъ весело тамъ было ей,
Какъ отъ души смѣялась громко,
Когда дѣвицы съ пѣсней звонкой
Бѣжали въ-перегонку къ ней,
И послѣ вмѣстѣ съ кузовами
За ягодами, за грибами
Шли, расходились, и опять
Сходились вмѣстѣ поиграть,
Спѣть пѣсенку, и вновь гурьбою
Веселою бѣжать домой!
А здѣсь, вечернею порою,
Пробитой въ берегу тропой
Сходили къ рѣчкѣ вмѣстѣ, смѣло,
Стыдливо обнажали тѣло

И, чуть прикрывшися, онѣ
Ввѣрялися рѣчной волнѣ,
И весело волна ласкала,
И хохотъ несся по рѣкѣ,
И, притаившись въ тростникѣ,
Русалка тихо хохотала,
И чудилось имъ: вотъ она
Плыветъ то близко, то далеко,
И бѣлой пѣною волна
Разбрызнулась. Глядятъ—осока
На головѣ у ней вѣнкомъ,
Коса скользитъ въ водѣ змѣею —
И отъ нея онѣ вдвоемъ
На берегъ робкою стопою.
Теперь пугаютъ ихъ, страшатъ—
Ракитникъ, пенья, свѣтъ и тѣни,
И раннiй солнышка закатъ:
Грудь стиснуло, дрожатъ колѣни,
И старой мамушкѣ своей
Онѣ разсказываютъ страсти.
« Ну, дѣтушки, Богъ отъ напасти
Избавилъ. Вѣдь намеднись жней,
Палашку дуру съ Акулиной,
Втащили въ омутъ за плотиной;
Насилу спасъ Кузьма рыбакъ.
Да, дѣтушки, вѣстимо такъ,
И до грѣха, то есть, недолго.

За вами надо строго, строго».
И вотъ раскаялись онѣ,
Что мамушкѣ все разсказали,
Что позднимъ вечеромъ однѣ
Ходить не будутъ, что едвали
Отпустятъ ихъ изъ дома въ садъ,
И въ этотъ лѣсъ, и къ этой рѣчкѣ,
И присмирѣли, какъ овечки.—
Но долго ли посторожатъ?
День, два, и вновь онѣ на волѣ,
Въ саду, въ лѣсу, у рѣчки, въ полѣ.
И сколько радостей у нихъ!
Припомнила она, что было
Давно, давно, и все, и всѣхъ,
И сердце трепетно заныло.
Но за руку женихъ беретъ,—
Выводитъ, и въ кибитку сѣли.
Рванулись кони, захрапѣли,
И понеслись впередъ, впередъ —
Черезъ рытвины, черезъ горы,
Черезъ овраги и холмы.
Все мимо, мимо... Тонутъ взоры
Отъ блеска свѣта и отъ тьмы,
И прижимается невольно
Она къ нему. Ямщикъ поетъ,
И тройка бѣшено несетъ,
Летитъ быстрѣе птицы вольной;—

Вотъ мостъ, рѣка, и за мостомъ
Они и тройка съ ямщикомъ
Съ горы крутой...

Она очнулась,
И недовѣрчиво вокругъ
Съ постели хладной оглянулась,
И робко слышитъ чуткій слухъ:
« Ну что? какъ Варя? » — Что! до свѣта,
Родимая, и со вчера
Промаялася, не раздѣта
До всходу солнца, до утра;
А съ вечера съ молитвой рано
Въ постельку уложила я.
Всю ноченьку, мое дитя,
Кидалась, билась... И съ Татьяной
Авдѣвной шопотомъ она:
« Добру не быть, болѣзнь такая,
Такая немочь злая, злая!
Въ бреду, въ жару, грустна, грустна!»
— Что слушаешь ты старой бредни!
Мать крестная ей говоритъ:
— Послушай, съѣзди-ка къ-обѣдни;
Отецъ Андрей благословитъ,
И черезъ дня два всѣ въ Покрово,
На перепуть къ сестрѣ твоей;
Оттуда, слышь ты, до Кучкова

Недалеко, да и родня
Недальняя мнѣ, Секлетея. . .
Ну, та старушка, казначея,
Что ты видала у меня.
Такая кротость и смиренье!
У ней-то надо подождать.
Въ монастырѣ-жъ, родная мать,
Какъ долго всеночное бдѣнье!
Какъ хорошо, то есть, поютъ
И служатъ-то какъ благочинно —
Съ антифонами, длинно, длинно!
Потомъ за трапезу идутъ:
Тутъ житія святаго чтенье.
Сбирайся-ка, пойдемъ, пойдемъ!
Гдѣ Анночка? Куды, мученье
Мнѣ съ ними! Обезумѣлъ домъ!
А ты совсѣмъ, то есть, рехнулась,
Ты, мамушка!—И оглянулась
Она сердито на нее,
И побрела — и смолкло все.

Невѣста поднялась тревожно
Съ постели; думаетъ: « во снѣ,
Иль на яву? и какъ онѣ
Заботятся! И мнѣ ли должно
Врагу безъ боя уступить?
О нѣтъ! тому не быть, не быть!

Не уступлю!» И крикъ невольной
И страшный крикъ. И вотъ она
Безъ силъ въ постель; на сердцѣ больно,
То вспыхнетъ, то опять блѣдна;
Чуть дышитъ... Мамушка подушки
Ей поправляетъ и стоитъ
Тревожно. Слезы у старушки
Въ очахъ. Губами шевелитъ.
Молитву, знать, она читаетъ...
И Варя тяжело вздыхаетъ
И страшно на нее глядитъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Интермедия. — Авдотья Алексѣвна и Анночка. — Болѣзнь невѣсты и разговоръ Татьяны Авдѣвны съ Авдотьей Алексѣвной по случаю болѣзни этой.

« Васильюшка, пора въ дорогу ! »
— Да, Флена Дмитревна, пора,
Пора гостямъ и со двора !
Антонъ Иванычъ, слава Богу ,
Пришли въ понятія свои,
Ждутъ денегъ изъ Москвы присылки.
Эхъ ! что, то есть, ни говори,
А дѣло гадкое ! — И пылкій
Будь баринъ, задалъ бы трезвонъ !
То есть, ужь больно смиренъ онъ,
И только хнычетъ,—бабьи слезы!—
Да ропщетъ, знамо, на себя.
Нѣтъ тутъ и надобны-бъ угрозы !
Попробовали-бъ, слышь, меня,

Меня бы, то есть, поломали!
Ужь не зачахъ бы я съ печали!
А, Флена Дмитревна? а, а?
« Не знаю, женское ли дѣло!
Сама изныла какъ трава!»
— Охъ, бабья, бабья голова!
Иль жизнь тебѣ-то надоѣла?
« Да барышни мнѣ жаль, прежаль.
Ея, тоска, ея печаль
Щемитъ меня за ретивое. »
— А, воно это что такое!
« Ахъ, Вася, любитъ какъ она!
Она печальна и скучна
И весела при каждой встрѣчѣ.
Откуда и слова и рѣчи... »
— Пустое, баба, не болтай!
Ужь любитъ кто кого, такъ знай,
Ничто тому не помѣшаетъ
И лыжи, эдакъ, навострить.
А проку что, то есть, любить?..
Нѣтъ, каждый самъ себѣ смѣкаетъ.
У ней, вотъ видишь ли, родня
И чванные, то есть, такіе,
Такіе, то есть, я не я!
А мы то что? что мы? какіе?
Безпаспортные мы-то, чтоль?
Почище, знамо. Ну, изволь:

Не изъ породы онъ дворянской,
Онъ, то есть, не дошелъ до барской
До линіи—до столбовой;
А чѣмъ похаешь?—мѣсто, служба,
Почетъ почетомъ, дружбой дружба,
И самъ онъ господинъ такой,
Какихъ и съ роду не бывало.
Что-жъ, этого роднѣ, знать, мало?
Иванъ-Царевича дай имъ!
« Ахъ, Вася, мы съ тобой грѣшимъ!
Вѣдь все Авдотья Алексѣвна ».
— Не говори мнѣ это, Флена;
У каждаго разсудокъ свой.
Ну, что она, ребенокъ, что ли?
« Да, будешь, Вася, поневолѣ
Ребенкомъ съ эдакой родней ».
— Она свое — родня, родные!
Эхъ, дѣвки, вы, то есть,. простыя!
Промаете ужо вѣкъ свой
Съ отцомъ и съ матерью, съ роднею!
Нѣтъ, только-бъ крылышки поднять,
Прости, прощай — отецъ и мать!
« Ну, полно, полно же; съ тобою
Сходить въ Подбережки пора ».
— Ступай одна, а мнѣ нельзя же,
Пожалуй, спроситъ. Онъ съ утра
Занялся самъ своей поклажей.

Навезъ, что Боже упаси!
А вотъ теперь иди, проси
У дяди на отъѣздъ лошадокъ.
Ну, Флена, знай, смотри, порядокъ,
Не запоздай! — Онъ Флену въ дверь
Провелъ и думалъ: «ну теперь
Уложено и все готово,
И вотъ въ Москву родную снова».
А тамъ въ Подбережки пришла
Его жена проститься съ дворней,—
Она родилась здѣсь, жила,
Обиды отъ господъ не знала,—
И входитъ на глазахъ съ слезой
Въ домъ барскій робкою стопой.
Идетъ, Сергѣвну повстрѣчала.
Сѣдой та головой качала,
Указывая ей на дверь.
«Послушай, мамушка Сергѣвна».
— Родная, недосугъ теперь.
И слышитъ въ изумленьи Флена,
И, не простясь, домой спѣшитъ,
И такъ устала, такъ устала.
Василій на нее глядитъ,
И вотъ она, рыдая, стала
Разсказывать: «ну, слышь, она,
Слышь, при смерти, больна, больна...
Не помню, какъ я прибѣжала.

Къ Авдотьѣ Алексѣвнѣ я
Зайти хотѣла не надолго;
Манили изъ дому меня,
И было въ немъ народу много,
И барышня вѣдь тамъ съ утра,
И у крыльца два экипажа,
И кучеръ тотъ, и лошадь таже. —
Идемъ, Васильюшка, идемъ ».
—Въ умѣ-ли ты, и что за сборы !—
Читатель, съ вами мы зайдемъ
Туда послушать разговоры.
«Что, Анночка ? что, какъ сестра? »
—Груститъ , худѣетъ и тоскуетъ.
Я говорила съ ней вчера.
«А мать-то какъ съ ней? чай, балуетъ ?»
—Нѣтъ , маменька и не была.
«Ну, это—такъ ; да и прекрасно !
Я на потворщицъ зла-презла.
Бываетъ случай, такъ, несчастной ,
А все бываетъ отъ себя —
И случай этотъ и несчастье.
Не все быть ведру — и дождя
Вѣдь надо , надо и ненастья».
—Но хорошо, когда-бъ оно
Прошло — и ведро вновь настало,—
Со вздохомъ Анночка сказала.
«А что же ! развѣ мудрено ?

Настанетъ...»—Только-что не скоро.
«Какъ это такъ? И ты туда-жъ!
Да что это у васъ за блажь!
Ейбогу, слышать васъ помора;
Головка, эдакъ, заболитъ —
Ужь и бѣда?»—Бѣда, что долго
Она въ постели пролежитъ.
«Не ужь-то?»—Право.—«Можетъ, много,
Повѣря нянькинымъ словамъ,
Ты прибавляешь».—Что вы? съ нею
И жаръ, и бредъ. «Ну, такъ и впрямъ
Бѣда, другъ Анночка, всѣмъ намъ —
И я объ этомъ сожалѣю
Не меньше твоего. Нельзя
Намъ ѣхать. Эти, эти планы...
Да какъ? Да что? Нѣтъ у меня
Не вырвутъ. Всѣ бѣды случайны...
Скорѣе поѣзжай домой,
Пошли за лекаремъ. Я-жъ ѣду
Къ Езерскимъ, къ князю и къ сосѣду
Подточину на часъ, другой;
А отъ него къ вамъ и пріѣду.
Ступай, ступай, Господь съ тобой!»

Сестра въ усадьбу поспѣшаетъ.
Тамъ Варя бѣдная страдаетъ;

У мамушки и вой и плачъ;
А къ утру пріѣзжаетъ врачъ.
Онъ входитъ тихо, осторожно;
За нимъ идутъ сестра и мать.
«А что̀ бы, то есть, прописать?»
Беретъ за пульсъ: «да, то есть, должно
Ей кровь. Ланцетъ скорѣй какъ можно,—
Да принесите льду и льду!
Давно-ль она у васъ въ бреду?
Что? Третій день? Поздно̀, поздненько!
Зачѣмъ бы раньше не прислать!»
И сталъ онъ матери пенять.
—Ахти! связалъ меня съ роденькой
Лукавый, съ крестной-то ея!
Все отъ нея, все отъ нея.
«Напрасно, маменька, напрасно!»
—Анюта, замолчи!—И вотъ
Она въ слезахъ къ себѣ идетъ:
«Ужъ зародилась же несчастной
Такой! охъ, батюшки, охъ, охъ!
Я въ тяготу другимъ, я долго
Живу, я нагрѣшила много!
Ко мнѣ немилосердъ и Богъ!»

Три долгихъ дня, три долгихъ ночи
Сестра и мамушка съ больной.

Она въ бреду: закрыты очи,
Грудь дышетъ жаромъ; но порой
Очнется, узнаетъ, и снова
Забылась тяжко, и опять
Зоветъ къ себѣ сестру и мать
И Флену, и опять безъ слова
И безъ движенія она,
Какъ мертвая, тиха, чуть дышетъ,
И въ забытьи Пошехнина
Зоветъ, и будто что-то слышитъ,
И громко вскрикнетъ, и опять
Зоветъ сестру, старушку мать.

«Что, какъ теперь твоя больная?»
—Я пороптала на тебя...
«Ты на меня! вишь ты какая!
Да въ чемъ же виновата я?
Ты, не спросясь ни князя брата,
И ни меня, и ни родни,
Просватала, а виновата
Я выхожу! Ужь не вини!»
—Тебя и не виню я въ этомъ.
А вотъ, зачѣмъ бы отказать?
«Да, дѣвкѣ надо поблажать:
Съ родней разсориться, со свѣтомъ.
А стыдъ-то, стыдъ! а срамъ-то, срамъ!
Вотъ захворала... ну, такъ что же?

Пройдетъ болѣзнь. Ахти, мой Боже!
Да эдакъ, матушка-то, намъ
Позволить дочкамъ нашимъ можно
Всѣмъ вѣшаться, то есть, на грудь.
Нѣтъ, поблажать-то имъ не должно!
Поправится — и въ путь, и въ путь!»
И вотъ Авдотью Алексѣвну
Старушка слушаетъ, грустна;
Но утѣшаетъ всѣмъ она
Ее, а къ мамушкѣ на смѣну
За Фленой, нянькой молодой,
Нарочный посланъ. Поспѣшаетъ
Въ усадьбу та, и мой герой
Надъ начатымъ письмомъ рыдаетъ.
Любви цвѣтокъ мой дорогой!
Ты отъ тлетворнаго дыханья
Завянешь, склонишься челомъ!
И пожалѣетъ кто объ немъ,
И приметъ кто благоуханье
Въ послѣдній разъ, въ послѣдній часъ!
Кто скажетъ: цвѣлъ ты не напрасно
И жизнію расцвѣлъ прекрасной?
Какъ огонекъ блеснулъ, погасъ,
Такъ ты погасъ — и тщетно, тщетно
Надъ чашечкой и лепесткомъ
Душа любовно и привѣтно
Летаетъ пестрымъ мотылькомъ.

Не оживить ей жизнью новой,
Благоуханья не вдохнуть!
Пора, пора, ужь все готово,—
И здѣсь и тамъ — печаленъ путь!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Полное довольство доктора. — Манушка. — Пріѣздъ Анночки съ Татьяной Авдѣвной. — Встрѣча съ Сережею. — Авдотья Алексѣвна выказывается снова, и нечаянная радость невѣсты смѣняется нечаянною грустью.

Не оправляется больная.
Прошла недѣля и другой
Конецъ ужь близокъ. Пріѣзжая,
Теряетъ докторъ городской
Надежду на свое умѣнье,
Плечами жметъ, и вотъ опять
Онъ думаетъ: «что̀-бъ прописать?»
Но шлетъ на помощь, на спасенье
Больной природа облегченье.
Какъ послѣ вѣковаго сна,
Все — ново, все не то, что было;
Такъ ей теперь. Глядитъ она
И собирается вновь съ силой,

Но съ силой новою, иной,
И къ жизни снова обновленной.
Не вѣритъ докторъ изумленной
Искусству, и по днямъ съ больной
Просиживаетъ, и невольно
Довольство свѣтится въ очахъ,
Въ улыбкѣ, въ голосѣ, въ рѣчахъ,
Во всемъ. Онъ думаетъ: «довольно;
Свое я сдѣлалъ, а заботъ
Ужь было; но теперь сомнѣнья—
Ни капельки, и ихъ чередъ
Имѣть заботы, попеченья».
Затѣмъ визитъ онъ отдаетъ
Послѣдній.

Мамушка и Флена
Съ больной. Больная говоритъ,
Больная ласково глядитъ.
Что день, то съ нею перемѣна:
Здоровѣй цвѣтъ лица, живѣй,
Свѣтлѣе взоръ, яснѣе очи,
И карминъ на губахъ алѣй.
Не такъ, какъ прежде, Флена ночи
Безъ сна у ней ужь не сидитъ,
И мамушка спокойнѣй спитъ.
А иногда, поднявшись рано,
Она приноситъ ей цвѣтовъ,

Иль ранней осени румяной
Румяно-золотыхъ плодовъ.
Въ другой разъ, вечеромъ, какъ тѣни
На землю лягутъ — и все спитъ,
Она ей сказку говоритъ
И тѣшитъ сказкой нѣгу лѣни.
«Ну, мамушка, еще одну
Скажи!»—Какую же? ну, ну!
Дай вспомнить! Про Бову, Жаръ-Птицу
Слыхала... Аль, про Царь-Дѣвицу?
«Объ ней ты, мамушка, давно,
Но, помнится мнѣ, говорила».
—Не мудрено, не мудрено,
Родная, — все перезабыла.
Вѣдь былье быльемъ поросло,
И миновало, и прошло.
А въ прежни годы-то слыхала,
Хоть Царь-Дѣвицы не видала,
У Царь-Дѣвицы не была,
И медъ и пиво не пила...
«Дай вспомнить, мамушка, ахъ, Боже!
Вѣдь Царь-Дѣвица то похожа...»
—Похожа, знамо, на тебя,
И черный соболь — бровь дугою,
И очи — звѣзды въ небесахъ,
И косы — шолкомъ на плечахъ, —
Вѣстимо, родилась такою,

Какъ ты, красавица моя.
Изъ сказки же, мое дитя,
Не выкинешь, то-есть, ни слова,
И пѣсня правду говоритъ.
Но намъ пора, все въ домѣ спитъ,
И для тебя постель готова.
Ну, дитятко, баю, баю!
Я Флену позову твою...
Ну, ласочка, пора ложиться,
А мнѣ пойти, да помолиться.—

Проходитъ день, другой и третій.
Въ Подбережкахъ въ избахъ людскихъ,
По-прежнему играютъ дѣти;
Но кто теперь, малютокъ, ихъ,
Гостинцемъ одѣлитъ? Съ постели
Она едва, едва встаетъ,
Едва по комнатѣ пройдетъ,
И въ садъ глядитъ и на качели.
Тамъ дѣвки рѣзвою гурьбой
Собрались. То-то воля, воля!
Денисъ уѣхалъ съ госпожей,
Бурмистръ снопы увозитъ съ поля.
«Что дитятко?»—Устала я.—
И креститъ мамушка рукою
Свое любимое дитя.
«Ну, полежи, Господь съ тобою!»

—Гдѣ Флена? «Эй, живѣй, живѣй!»
Кричитъ той мамушка, и Флена
Передъ кроватью на колѣна,
И тихо чешетъ косу ей,
Проводитъ гребешкомъ проборы,
И тускнутъ, тускнутъ нѣгой взоры,
И падаетъ коса змѣей
На руки няньки молодой,
И сонъ смежилъ невольно очи.
Притихла мамушка; она
Въ тревожный сонъ погружена,
И тихо все, какъ середь ночи.
На улицѣ-жъ народъ шумитъ,
Скрипятъ качели, крику, смѣха,
Всего тамъ вдоволь, — всѣмъ потѣха.
Вдругъ стихло. Экипажъ гремитъ,—
«Пади!» кричитъ форейторъ громко,—
И за крыльцо задѣлъ постромкой.
Лакей проворно суетитъ.
Выходитъ барыня старушка,
За нею Аннушка рѣзвушка.

«Провѣдала-бъ ты, какъ сестра?»
—Ей лучше сдѣлалось вчера.—
«Ну, слава Богу! слава Богу!
Пошла бы я сама я къ ней,
Да видишь, Анночка, ей-ей

Боюсь—напомнишь про дорогу,
И хуже сдѣлается ей,
Да и Авдотью Алексѣвну
Что за веселье раздражить!
Какъ быть-то мнѣ? какъ быть, какъ быть?
Скорѣй пошлите мнѣ Сергѣвну!»
—Пошлю къ вамъ, маменька, сама.

И Анночка спокойно, чинно
Проходитъ рядъ покоевъ длинной
И, повернувшись у трюма,—
Къ сестрѣ. Все спитъ тамъ безтревожно.
И дѣва вышла осторожно
Дверьми другими прямо въ садъ,
И мысли у нея блажатъ.
Она мечтаетъ, что—подруга,
Что въ жизни счастливой супруга,
Что у нея душъ до двухъ сотъ,
Съ гербами экипажъ, прислуга
Въ ливреи — молодой народъ,
И музыка, и два, три съѣзда
На балъ изо всего уѣзда...
И дѣва въ паѳосѣ своемъ
Ужь обвѣнчалась съ женихомъ,
Ужь обвѣнчалася съ Сережей.
Она выходитъ изъ аллей,
Глядитъ — и прямо передъ ней

Сергѣй Михайлычъ. Боже, Боже!
И взоры — внизъ и взоры — вверхъ,
И на лицѣ — смущенья краска.
А изъ аллеи громкой смѣхъ:
«Ну, Анночка, ну, ласка-жъ, ласка!
А я почти-что вотъ сей-часъ
Отъ матери твоей. У насъ
Полажено — и мимоходомъ
Зашла къ невѣстѣ. — У неё
Ужь нравъ!—она вѣдь все съ народомъ
Да съ этой нянькой. Я на зло
О директрисѣ вспомянула,
Передразнила жениха,
И ужь куды она взглянула
Сердито на меня! Ха, ха!
Сердись себѣ, что мнѣ за дѣло!
Я сдѣлала по-своему,
Я насолила ей, ему,
И той отвратной, что такъ смѣло
Изволила письмо писать.
Ну, погоди-же, моя мать!
Я доберусь, я доканаю,
Я выведу такой позоръ,
Что дочерей своихъ на дворъ
Къ тебѣ не пустятъ! Знаю, знаю!
Пойдемъ-те-жъ, дѣтушки, домой,
Кума заждалась, время къ чаю.

Потолковать еще съ кумой
Кое-о-чемъ мнѣ надо, надо».
И побрела она изъ сада,
И, улыбаясь, въ-слѣдъ за ней
Торопитъ Анночку Сергѣй.

Невѣста поднялась, рыдая.
Она теперь ужь не больна,
Но такъ печальна, такъ грустна,
Что хуже, чѣмъ была больная.
Тогда въ безчувствіи своемъ
Она, страдая, ни о чемъ
Не мыслила, и мать родная
И крестная тогда при ней
Не вспоминали прежнихъ дней,
И не было отъ нихъ упрека.
Теперь въ глаза ей говорятъ,
Смѣются, и ее винятъ.
О, какъ жестоко, какъ жестоко!
Къ нему... да, да... къ нему писать,
Все высказать — любовь, мученье,
Тоску! Но страшно начинать —
И стыдъ, и робость, и смущенье...
И улетѣлъ желанный мигъ.
А только бы всего два слова,
Два слова — и у ногъ женихъ.
И страшно, мнится ей, что снова

Она больна, едва встаетъ.
Но молодость свое беретъ,
Отчаянье смѣняютъ силы.
Она, какъ призракъ изъ могилы,
Выходитъ и на свѣтъ дневной
Глядитъ, и солнцу рада, рада,
И на душѣ ея отрада.
Встаетъ ли утренней зарей,
Ложится-ль вечеромъ,— и тѣло
Ужь крѣпнетъ силой молодой.
И днемъ она выходитъ смѣло
Въ саду съ сестрою погулять,
И часто тамъ встрѣчаетъ мать,—
И мать не говоритъ ни слова
Про скорый ихъ отъѣздъ въ Покрово.
И думаетъ она: «онѣ
Не собираются въ дорогу,
Даютъ просторъ, свободу мнѣ.
О, слава Богу, слава Богу!
Я укрѣплюся понемногу,
Я постараюсь позабыть
Того, кого-бъ могла любить;
Забуду все: мои желанья,
Мои любимыя мечты
И дни невольнаго страданья.
Но, можетъ быть, воспоминанья —
Какъ тѣ безсмертные цвѣты,

Что никогда, нигдѣ не вянутъ.
И пусть не вянутъ! пусть они
Напоминаютъ счастья дни!
Дни-жъ горькіе вновь не заглянутъ,
Ихъ время скоро унесетъ.
Я не растила сѣмя злое,
Не собирала горькой плодъ,
Нѣтъ, дѣвственное и святое
Взросло, ожило и живетъ,
Его и время не возьметъ.
И это мой цвѣтокъ безсмертный,
Неувядаемый цвѣтокъ.
Надежда — теплый вѣтерокъ —
Его ласкаетъ, лучь привѣтный —
Моя любовь — его живитъ.
И чтожъ, что въ жизни одинока!
Душа невольно сохранитъ
Мечту о томъ, что такъ далеко,
Чему вернуться ужь нельзя,
И съ этой свѣтлою мечтою
Я жизнью поживу земною
Для неземнаго бытія.
Оно во мнѣ, оно со мною!»
Она мечтаетъ и глядитъ:
Кузнецъ домашній суетитъ
У стараго ихъ экипажа,
И этотъ экипажъ — на смѣхъ,

Съ прибавкою двухъ, трехъ телѣгъ,
Готовится для bon voyage'а —
И слезы брызжутъ изъ очей,
И клонится къ плечу головка
Невольно; няня же плутовка
Глядитъ украдкой изъ дверей,
И думаетъ: «теперь бы кстати
Напомнить барышнѣ объ немъ,
Не вѣкъ ему быть женихомъ!»
Подходитъ, робкая, къ кровати,
А та на няньку не глядитъ.
«Что-жъ это барышню томитъ?
Осмѣлюсь-ка! онъ долго, долго
Просилъ меня, письмо отдалъ,
Онъ говорилъ мнѣ много, много
И плакалъ горько и рыдалъ.
Онъ вспомнилъ, что пора давно бы
Въ Москву, а съ нимъ пора и намъ.
Теперь и случай есть. Ну, чтобы
Сказать. Боюсь я, — господамъ
Не знаешь какъ потрафить это?
Пожалуй, скажутъ, что пора
И убираться со двора.
Отъ крестной матери, отъ этой
Ворчуньи ожидай всего...»
И отошла она, вздохнула,
Пошла и грустно такъ взглянула.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Разговоръ героини съ мамушкой — Сельскія забавы. — Письмо отъ директрисы. — Свиданіе съ сестрой и замыслы послѣдней.

Въ покоѣ дѣвичьемъ своемъ
Она сидитъ, полна томленья,
И книжка брошена съ шитьемъ
На столъ, и демонъ обольщенья
Съ своей Тамарой передъ ней, —
Стихи поэта и другіе
Стихи — и слезы изъ очей
Кропятъ тѣ строки дорогія.
Она съ участіемъ живымъ
Стихи забытые читаетъ,
И Надя передъ ней мелькаетъ
Въ вѣнкѣ изъ розъ, то вмѣстѣ съ нимъ,
То вотъ — одна. Ей горько стало,

И чувствомъ дѣвственно-святымъ
Полна она, и зарыдала.
Одно мгновеніе. Опять —
Ея подруга дорогая
Идетъ по кладбищу, рыдая,
И гробъ, въ гробу старушка мать,
И вопль послѣдняго прощанья
И эти страшныя рыданья.
Была-ль она увлечена
Сиротки горькою судьбою?
Нашла ли сходство съ ней, съ собою,
Или нашла въ стихахъ она
Утрату сладостныхъ мечтаній,
Любви, надежды и желаній,
Всѣхъ чувствъ для сердца дорогихъ?
И вотъ она читаетъ ихъ.

Знать, есть въ душѣ ея сомнѣнье?
Иль не закралась ли любовь?
Она въ какомъ-то упоеньи,
И вся въ огнѣ, и вся горитъ,
Старушка-жъ мамушка, въ сомнѣньи
Качая головой, глядитъ.
«Да что ты, дитятко, такъ рано
Поднялась съ зоренькой румяной,
Съ румяной утренней зарей?
И шепчешь что? молитву, что ли?»

—Читаю. «Что? То есть, порой
Такая глухота. Ужь то ли
Бывало въ прежнія лѣта!
Охъ, эта, эта глухота!
Охъ, эти болѣсти, одышки!»
—Читаю, мамушка. «Что? книжки
Читаешь, дитятко? Бѣдѣ
Отъ нихъ ужь быть. Не по тебѣ,
Не по твому, то есть, здоровью».
—А я читаю ихъ съ любовью.
Вотъ въ этой повѣсти простой
Есть что-то сходное со мной.
«Да это что, то есть, такое?»
—Разсказъ о жизни сироты.
Послушай, мамушка, и ты
Заплачешь. "Дитятко родное,
Я выплакала ужь давно
Всѣ слезы, и въ очахъ темно,
И на душѣ моей стемнѣло.
Охъ, времячко все съѣло, съѣло!
А было весело-жъ оно!
Вѣстимо, вспомнить мудрено;
Но на моемъ вѣку, родная,
Была же сирота такая;
Звалась Матреною. Бѣдна,
А ужь куды, куды она
Была гульлива въ эти лѣта,

И стали дѣвку-то корить :
«Ишь, вздумала кого любить !
Ишь, барыцею разодѣта !»
Ахти, ахти ! и страшно ей !
Любила дѣвка, да сгубила ,
Знать, не сама, а вражья сила ,
И онъ не пискнулъ у грудей ;
Лежитъ, какъ льда кусокъ у груди.
Собрался міръ, всѣ Божьи люди ,
Глядятъ и видятъ — на рѣкѣ
Ребенка выплываетъ тѣло ,
И въ-слѣдъ въ рыбачьемъ челнокѣ
Она, рукой оторопѣлой
Хватаетъ, ловитъ съ челнока ,
Плыветъ за нимъ и уплываетъ ,
И пѣсня , слышь , издалека
О томъ, какъ мать дитя бросаетъ,
О томъ, какъ стыдъ дѣвичій свой
Хоронитъ, прячетъ подъ волной. —
Еще , родная, Акулина ,
Въ деревнѣ нашей, тожъ такой
Была пропащей сиротой.
А дѣвка, что тебѣ ! — картина !
Ну, знаешь, кровь да молоко !
Знать, съ глазу стало не легко,
Иль съ порчи , иль тому причина
Ума не нашего, — да что ?

Такую болѣсть напустила —
Бѣда бѣдучая. Нешто!
Два раза душеньку топила,
Вымали, то есть, три разка
Изъ петли, еле, еле живу,
Да все одно — томитъ тоска.
На чернобылье, на крапиву,
На дѣвясилъ, чертополохъ,
На все болѣзнь-то выгоняли,—
Не выгнали ее. Охъ, охъ!
Родная, знаешь, со печали
Зачахла дѣвица моя —
И вдоволь потужила я.
Ахти!» Но Варя ужь не слышитъ
Старушку мамушку. Она
Опять въ мечты погружена,
И тяжело, и трудно дышетъ,
И слезы льются изъ очей.

Теперь Онѣгинъ передъ ней,
И страстное письмо Татьяны,
И идеалъ высокопарный,
Нашъ обрусѣлый Чайльдъ-Гарольдъ,
Ее и мучитъ и терзаетъ.
Она его въ тоскѣ клянетъ,
И вотъ опять благословляетъ.
Но только лишь на мигъ одинъ —

Душѣ онъ полный властелинъ:
Предъ ней — печальная Татьяна.
И не дочла она романа,
И вонъ изъ комнаты идетъ,
И на нее глядитъ народъ,
И шепчетъ что-то дерзко, смѣло.
И Варя грустно въ садъ пошла.
Тамъ дѣвка ягоды брала,
И пѣснь на ладъ старинный пѣла:

«У голубя у бѣлаго голубка пропала;
У мово ли у милаго женушка сбѣжала.
Сизую голубушку сизые сманили,
Молодую женушку люди погубили.»

И вотъ она въ очахъ съ слезой
Бѣжитъ тревожная изъ сада;
Ей пѣсня эта не отрада...
Вошла въ свой дѣвичій покой,
Глядитъ оттуда: луговина
Пестрѣетъ, дѣвокъ хороводъ,
Въ кругу — размычь-тоску дѣтина
Удалымъ гоголемъ идетъ.
То русыми встряхнетъ кудрями,
То вздернетъ плечи, то глазами
Вкругъ хоровода поведетъ.
За парнемъ дѣвушка красотка,

Съ платкомъ въ рукѣ и, какъ лебедка,
Поднявши голову, плыветъ,
И звучно пѣсню хоръ поетъ:

«Подушечка, подушечка,
А ты, пуховая!
Молодушка, молодушка,
А ты, молодая!»

И очередь до всѣхъ дошла,
И раздѣлились на два круга,
И дружно каждая подруга
Другую за руку взяла:

«А мы просо
Сѣяли, сѣяли;
Ой дидъ-ладо
Сѣяли, сѣяли!»

Звучитъ ихъ пѣсня на два хора,
И ихъ игрою въ хороводъ
Дворовый тѣшится народъ.
А тамъ мальчишки у забора
Кричатъ и спорятъ, и отъ спора
Дошло до драки, до пинковъ,
И слышно: «вонъ-оно—каковъ!»—
«Орелъ!»—«Нѣтъ, на тебѣ, рѣшотка!»
«Анъ, зась, орелъ!»—«Такъ вотъ какъ, вотъ
какъ!»

И смотритъ Варя изъ окна,
Блѣдна, тревожна и грустна,
На эти игры и потѣху.
За нею-жъ мамушка стоитъ,
Платокъ и кофту поправляя,
И, смѣхъ улыбкой замѣняя,
На челядь дворскую глядитъ.

«Письмо-съ.»—Подай.—И съ этимъ Флена
За дверь тревожную — стопой.

«Моя родная! Ты со мной
Теперь со всѣмъ неоткровенна.
Я-бъ не повѣрила глазамъ,
Когда-бъ не написалъ онъ самъ
Объ этой перемѣнѣ странной.
Какой позоръ! какой позоръ!
И думаю, что не случайно,—
Есть чей-то въ этомъ заговоръ;
Но чей? Я утверждать не смѣю,
Но, втайнѣ, я могу сказать, —
Что подозрѣніе имѣю
На эту... какъ ее?... на мать,
На крестную твою. О, вѣрно,
Все это вышло отъ нее!
Родная, знаешь ли, какъ скверно,
Какъ низко, гадко это все!
А ты еще такъ горделиво,

Такъ малодушно, терпѣливо,
Рѣшилась отказать сама!...
И что же ждетъ тебя? Тюрьма,
Гдѣ будетъ сторожемъ безсмѣнно
Старушка мать съ твоей сестрой;
И, недовольная судьбой,
Тогда раскаешься, навѣрно:
Но поздно будетъ, поздно, да.
Напрашивается-ль всегда
Къ намъ счастье? И всегда-ль такъ ясно
На небѣ солнышко блеститъ?
Есть туча, громъ изъ тучъ гремитъ
И молнья небо полоситъ:
Гдѣ утро свѣтлое? день красный?
Припомни-жъ, Варенька, сама:
Весна отжита, знойно лѣто,
За лѣтомъ осень и зима.
Я горько испытала это!
А было много сладкихъ сновъ!
Но путь свершенъ, ночлегъ готовъ,
И близкихъ нѣтъ, и тѣ далеко,
Кто были близки въ жизни мнѣ.
Вздохнешь невольно и глубоко,
Вздохнешь о жизни, о себѣ,
Вздохнешь о близкихъ, о тебѣ,
Вздохнешь, слезу отрешь рукою.
Я не виню тебя; съ тобою

Я на-прямикъ, безъ лишнихъ словъ;
Я знаю, вспомнишь ты, какою
Ко мнѣ пріѣхала въ Ростовъ.
Вѣдь ты росла безъ попеченья
И выросла въ глуши степной,
Забыта матерью родной;
И сколько было мнѣ мученья
И сколько было мнѣ хлопотъ,
Занятій долгихъ и заботъ —
Образовать, дать смыслъ, дать волю.
И ты же вздумала опять
На деревенскую неволю
Жизнь городскую промѣнять!
Смѣшно, нелѣпо, глупо, странно
И, право, даже незабавно.
Помилуй, что за благодать
Подъ попеченьемъ жить сестрицы,
Гдѣ двѣ отжившія вдовицы,
И тетушка твоя и мать
Съ своей Авдотьей Алексѣвной
Засадятъ навсегда тебя!
Объ этомъ ужь писала я.
Я знаю подлинно и вѣрно:
У нихъ давно положено
Отдать сестрѣ твое имѣнье...
И это такъ не мудрено:
Во-первыхъ, вывесть изъ терпѣнья,

А во-вторыхъ... а во-вторыхъ,
Отправленъ ужь одинъ женихъ,
И женихамъ другимъ откажутъ,
Затѣмъ роднымъ печально скажутъ:
Прошла невѣстина пора,
И наша Варенька готова
Хоть въ монастырь; у ней сестра.
И Варенька роднымъ — ни слова,
И Варенька — въ привѣтъ роднымъ
На все готова. — Счастье имъ!
Довольно же, моя родная,
До сей поры въ потьмахъ бродить,
Пора въ деревнѣ отгостить,
Пора въ Москву! Васъ ожидая,
Писала я теперь къ нему,
Я объяснила все ему;
И онъ готовъ на битву съ этой
Себялюбивою родней,
И ждетъ лишь одного привѣта.
Онъ ждетъ тебя, онъ вѣчно твой!
Подай же примиренья руку, —
И вымолви: «на вѣкъ твоя!»
Родная, не вини меня!
Не вытерплю я эту муку!
Сама готова къ вамъ скакать,
Разрушить заговоръ, всѣ тайны
Ихъ гнусныя пересказать,

Согласье вырвать у Татьяны
Авдѣвны, у сестры твоей
Раздѣльный актъ на все имѣнье.
Я жду, скорѣй въ Москву, скорѣй!»
Она прочла письмо въ смущеньи,
Глядитъ, — а Флена изъ дверей:
«Къ вамъ барышня». — Что надо ей? —

Она свое сгубила счастье,
Отринула его любовь,
И вмѣсто теплаго участья
Ее терзаютъ вновь и вновь,
То такъ — холоднымъ состраданьемъ,
Или о томъ воспоминаньемъ,
Что тяжело для ней самой.
И вотъ лицомъ къ лицу съ сестрой.
Она краснѣетъ и блѣднѣетъ,
И слова — нѣтъ, оно нѣмѣетъ,
И сжаты хладныя уста.
Не замѣчая это та,
Иль будто бы не замѣчая,
Подходитъ, за руку беретъ,
И крѣпко, крѣпко руку жметъ.
«Сейчасъ отъ маменьки; такая
Поспѣшность ѣхать завтра имъ.
Сегодня ѣздили къ роднымъ —
Простились. Завтра же въ Покрово.

Къ отъѣзду все у насъ готово.
А между тѣмъ послушай, что
Узнала я».—Знать, сплетни снова.—
«Нѣтъ, душечка сестра. не то,
А нашей всей родни рѣшенье.
Я помню, какъ весна моя
Прошла въ такомъ же отчужденьи.
О, ты походишь на меня!»—
Она ей съ грустію сказала:
«Но для меня все миновало,
А для тебя лишь настаетъ.
Ты испытаешь много горя,
Прольешь ты много, много слезъ.
Я покорилась; я, не споря,
Ждала упрековъ и угрозъ —
И дождалась. О—вспомнить страшно!—
Когда я безъ тебя одна
Была отъ всѣхъ отчуждена.
И убѣгали отъ несчастной,
Боялись приступить ко мнѣ,
Какъ будто къ чумной, къ зараженной.
Напрасно взоръ мой изумленной
Просилъ и умолялъ: онѣ
Не видѣли, не понимали.
То были дни моей печали.
Они прошли уже давно,
И вѣрится мнѣ мудрено,

Что это было, что когда-то
Цвѣтъ юной жизни, бурей смятой,
Изсохъ на утрѣ дней, и вновь
Не оживитъ его любовь.
Они прошли мои мученья,
Прошли, но счастья чужда я...»
А Варя думаетъ въ сомнѣньи:
«Не ловъ ли новый для меня?
Такъ ловчій разставляетъ сѣти
И птичкѣ ту же пѣснь поетъ,
И крылышками та трепещетъ
И въ сѣти ловчаго идетъ.
Обманчиво въ болотѣ блещетъ
Привѣтный, свѣтлый огонекъ;
То близокъ онъ, то онъ далекъ
И путника все въ-даль заводитъ,
И путникъ у могилы бродитъ,
И только Богъ его спасетъ».

«Сестра, послушай, есть спасенье
Не возражай, не говори!—
Я знаю всѣ твои сомнѣнья;
Но послѣ не жалѣй, смотри!
Прощай... боюсь, чтобы случайно,
Кто не подслушалъ насъ теперь...»
И дѣва осторожно въ дверь,
И няньку вызвала, и тайно

Она ей что-то говоритъ,
Нагнулася, и врозь руками;
А та въ сомнѣніи глядитъ,
Вздохнула, залилась слезами
И въ-слѣдъ за ней она идетъ.
Навстрѣчу высыпалъ народъ:
«Сергѣй Михайлычъ».—Тише, знаю,
Его ждала, къ нему иду.
Ну, ну, ступайте! ожидаю
Его я съ Фленою въ саду.

Читатель, видите, участье
Имѣю полное я къ ней,
Къ бѣдняжкѣ Варенькѣ моей,
Ея и счастье и несчастье
Меня тревожатъ. Я готовъ
Заплакать горькими слезами,
Что̀ будетъ, можетъ быть, и съ вами,
Когда я умолю боговъ
Послать мнѣ музу вдохновенья,
И воспою освобожденье.
Въ былые годы страшный бой
Кипѣлъ за красоту Елены,
И палъ тамъ не одинъ герой,
Пока разрушилися стѣны.
А у меня героевъ нѣтъ,
Нѣтъ поединковъ, нѣтъ сраженій.

Я въ этомъ циклѣ пѣснопѣній
Изображаю добрый свѣтъ,
Людей, какъ есть, какими были,
Когда я ихъ изображалъ.
Вѣдь мой герой — не идеалъ,—
Вы съ нимъ, читатель, говорили. —
И героиня - то моя
Извѣстна вамъ; вы съ ней встрѣчались,
И, можетъ быть, ей улыбались.
Пожалуй, упрекнутъ меня,
Что я, на зло обычьямъ вѣка,
Пустилъ въ печать анахронизмъ,
Что поэтизмъ и гомеризмъ
Для нынѣшняго человѣка
Такіе смертные грѣхи!...
Позвольте, проза и стихи —
Одно лишь только выраженье,
Поэзіи ищите въ нихъ!
А у меня ея такъ много...
Во-первыхъ, разсмотрите строго
И букву каждую и стихъ...
Притомъ гармонія какая!
А во-вторыхъ... а во-вторыхъ...
Герой мой стоитъ Менелая...
Дородство, ростъ, и станъ, и взоръ —
И этотъ скромный разговоръ...
О героинѣ я ни слова;

Она Елены поскромнѣй,
Попроще, кстати подобрѣй
И для родныхъ, и для чужова.
Не помню, были ли у той
Такіе, какъ у ней родные,—
Вѣдь дѣва рознится съ женой,—
Да греки-жъ намъ почти чужіе;
У нихъ во всемъ обычай свой,
Свое во всемъ, то есть, понятье:
И изъ объятія во объятье
Бѣжала дивная жена.
Моя-жъ Елена... но она...
Позвольте, въ ней совсѣмъ другое,
Она съ характеромъ инымъ...
Въ ней чувство теплилось иное
Къ своей сестрѣ, къ своимъ роднымъ,
И къ мамушкѣ и къ дѣвкамъ сѣннымъ.
Быть можетъ, и у той Елены
Была старушка, да не та,
Были прислужницы иныя
И пребогатые родные.
Ея извѣстна красота...
Завидовала ей богиня.
Моя же Варя — героиня —
Не хороша, и не дурна,
И не глупа, и не умна,
Такая точно, какъ мы сами.

Зайдемъ-те же, читатель, съ вами
Теперь мы въ дѣвичій покой.

Она сидитъ; въ душѣ томленье,
Глаза подернуты слезой.
Теперь послѣднее рѣшенье,
Ея послѣдняя борьба.
Въ рѣшеньи этомъ — вся судьба,
Въ борьбѣ той — жребій жизни цѣлой.
Что ждетъ ее? какіе дни?
Темны, или свѣтлы они?
И думаетъ она не смѣло
Объ этой жизни, этихъ дняхъ.
До-сихъ-поръ солнышко свѣтлѣло
На этихъ свѣтлыхъ небесахъ
И были тучки и ненастье.
Ненастье вѣтеръ осушалъ
И тучки съ неба гналъ да гналъ;
И выпадало снова счастье
На долю бѣдную её,
И радовало въ мірѣ все:
Ребенка смѣхъ, и птички пѣнье,
И дальній звонъ колоколовъ,
И тихое рѣки волненье,
И свѣжесть лѣтнихъ вечеровъ
И даже осенью печальной —
Печальный солнышка закатъ,

Когда станицы птицъ летятъ
Въ далекій путь, въ путь дальной, дальной.
Теперь же что ее займетъ?
Глядитъ она — и слезы льетъ:
«Не ужь-то въ этомъ лишь спасенье
Теперь мое?» И вотъ беретъ
Бумагу, и, полна мученья
Невыносимаго, она
Свое растерзанное чувство
Передаетъ, такъ, безъ искусства,
Такъ просто, прямо, смущена
Своею думою тревожной,
Вручаетъ навсегда себя,
И думаетъ: «рѣшиться должно,
И счастье близко и возможно;
Чего-жъ боюсь? что медлю я?»

И надъ письмомъ она рыдала,
И послѣ медленно привстала,
Къ божницѣ тихо подошла,
И долго, бѣдная, молилась;
Потомъ изъ комнатки пошла
Къ старушкѣ нянькѣ и простилась.
«Ну, дитятко, Господь съ тобой!
Ложись-ко, солнышко, скорѣе!
Вѣдь утро, вѣдашь, мудренѣе;
А я молитву Пресвятой —

И за тебя поклонъ земной!»
Старушка шевелитъ губами
И у старушки подъ руками,
Скользя, жужжитъ веретено;
А на дворѣ — темно, темно.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Письмо героини къ Антону Иванычу и рѣшительный приступъ его къ великимъ дѣламъ, объясняемымъ въ слѣдующей главѣ.

«Рѣшилась я, и, какъ Татьяна,
Главу послѣднюю романа
Кончаю къ вамъ моимъ письмомъ.
И стыдно, страшно мнѣ! Но гласно
Васъ называютъ женихомъ,
Меня-жъ—досадно мнѣ!—несчастной
Невѣстой вашею! И мнѣ-ль
Теперь стыдиться! Не онѣ ли
Постлали брачную постель?
И въ бракѣ нашемъ, какъ въ купели,
Мы смоемъ чуждый стыдъ. Увы,
Какъ я терплю! какъ я страдаю!
Но я увѣрена, я знаю,

Что не воспользуетесь вы,
Ни откровенностію съ вами
И ни излишней простотой,
Что не рѣшитесь быть судьей,
Что, какъ Онѣгинъ, вы страстями,
Вы чувствами души моей
Играть не будете, и гордо
Татьяны бѣдненькой своей
Вы не отвергнете. Нѣтъ, твердо
Вы вступитеся за нее
Передъ людьми, предъ цѣлымъ свѣтомъ.
О, вѣрю, вѣрю вамъ! Объ этомъ
И чувство тайное мое,
И вашъ поступокъ благородной,
И все твердитъ — и мнѣ несродно,
Ввѣряясь вамъ, не вѣрить вамъ.
Но я боюсь быть откровенной,
Страшуся передать словамъ —
И мысль, и чувство, и навѣрно
Погибну, если смѣло мнѣ
Не подадите руку сами.
Вы помните, мы были съ вами
Передъ прощаніемъ однѣ.
Я признаюсь: меня смутила
Вся твердость ваша. Можетъ, васъ
Тогда я больно огорчила.
Мой необдуманный отказъ...

Но вспомните, что въ то мгновенье
Вы видѣли мое смущенье.
Я и тогда въ любви клялась ;
Я вамъ на вѣки предалась.
О, будьте правымъ судіею —
И вмѣсто бѣдненькой меня
Поставьте вы самихъ себя
Предъ этой гордою толпою,
Передъ безжалостной родней
На судъ общественнаго мнѣнья.
Не будетъ ли и въ васъ сомнѣнья ?
Вы не поникнете-ль главой ?
Но вы—мущина, вы такъ тверды,
Вы рады вызвать на борьбу
Съ самимъ собой свою-жъ судьбу,
И вы такъ смѣлы и такъ горды,
Что мой отказъ едва ли могъ
Смутить, нанесть вамъ оскорбленье!
И я, пока въ немъ былъ мой долгъ,
Пока въ немъ видѣла спасенье
Отъ васъ и отъ самой себя,
Была горда, спокойна я.
И что-жъ ? — и это надо было
Разрушить дерзкой клеветой —
И надъ послѣдней слабой силой
Души неопытной простой
Такъ насмѣяться безпощадно !

И кто-жъ виновенъ, что въ слезахъ,
Что въ этой жизни безотрадной,
Забывъ мой стыдъ, забывъ мой страхъ,
Я одному лишь внемлю жадно —
Предаться вамъ, и навсегда?
Внушеньямъ сердца я послушна.
Пускай меня осудятъ! да,
Пускай осудятъ! Но мнѣ душно,
Мнѣ тѣсно съ ними! Мнѣ не жить
Ни здѣсь, ни съ этою роднею!

«Васъ удивляетъ; можетъ быть,
Быть можетъ, вѣтреной такою
Меня считаете. Но нѣтъ!
То — воли твердое рѣшенье,
Не измѣнюсь, за вами въ-слѣдъ
Иду на радость, на мученье,
На все, лишь бы не быть мнѣ здѣсь,
Гдѣ все — язвительныя рѣчи,
Холодный взглядъ при каждой встрѣчѣ,
Ихъ эгоизмъ наружи весь.

«Я не рѣшилась бы, я тайно
Страдала-бъ, слезы бы лила
И цѣлый вѣкъ бы прожила
Въ усадьбѣ съ ними; но случайно,
Въ то время какъ больна была,
Самъ Богъ послалъ мнѣ испытанье.

Я все узнала: замыслъ ихъ —
Желанье всѣхъ родныхъ моихъ,
И крестной матери желанье.
Благословляю-жъ я судьбу!
Она послала мнѣ борьбу;
Въ борьбу вступаю безтревожно
И отрекаюся родныхъ.
Теперь мнѣ можно, да, мнѣ можно
Отречься, не краснѣя, ихъ,
Когда они ужь отреклися.
Подайте-жъ руку. Вы женихъ,
Вы избранный, и вы клялися
Спасти меня. Пора, пора!
Я жду, я васъ ждала вчера.
Спѣшите! — въ васъ мое спасенье!
И каждый мигъ, и каждый часъ
Я трепещу — въ душѣ сомнѣнье...
Скорѣе!... умоляю васъ...»

Въ разбитое избы оконцо
Лучъ тусклый солнца заглянулъ,
Хозяинъ приподнялся съ голбца,
Затылокъ почесалъ, встряхнулъ
Кудрями, поднялъ съ полу лапти,
И дѣти малъ-мала съ палатей
Ползутъ, уставились, глядятъ
На гостя барина. — Ванюха!

«Ась?»—Грамотку читаетъ онъ?
«Да, тятя, грамотку...»—Старуха!
«Ась?» — Вòна какъ смышленъ
Ванюха-то! «Смышленъ, ты баешь?»
—Ну, да, смышленъ. Къ дьячку пора.
«Эхъ-ма, Сергѣичъ! Самъ смѣкаешь,
Куды ему! Вѣдь со вчера
Пошолъ ему годокъ девятый.»
—Десятый! «Ну, такъ што-жъ? десятый;—
Еще съ годокъ повременитъ».
И вотъ опять лицо старушки
Заботою такъ и глядитъ.
Она у печки суетитъ:
Горшки поставила, ватрушки
Сажаетъ въ печь, и весь народъ
Лѣниво, нехотя встаетъ.
Изба пустѣетъ; другъ за другомъ,
Кто съ граблями, а кто съ косой
Бредутъ обычной чередой;
Она одна за недосугомъ
Въ избѣ осталась съ мелкотней.
И вновь стучитъ заслонъ, и чинно
Изъ печки вылѣзъ коровай,
За нимъ ватрушекъ рядъ предлинной
Уже готовъ къ нимъ на покосъ,
И слышенъ бой веселый косъ —
Привѣтъ порѣ отдохновенья.

Пуста изба. Старушка мать
Съ дѣтьми, съ внучатами ужь въ полѣ,
И куры и пѣтухъ на волѣ
Влетѣли въ избу поклевать,
И бродятъ, подбирая крошки...
Просторно, любо; всѣ окошки,
Всѣ двери настежъ, лишь заслонъ
Скупымъ хранителемъ жаратка.
И мой герой мечтаетъ сладко,
И весь въ мечтанье погруженъ.
Вдругъ шумъ. Пѣтухъ гаремъ скликаетъ
И слышенъ громкій кухъ-кудахъ,
И Вася со двора вбѣгаетъ,
Растерянный и въ-торопяхъ.
За нимъ веселою гурьбою
Вся молодежь: Сергѣй и Paul,
Denis и Pierre и Anatole.
«Готовы мы, mon cher, съ тобою,
Пора, mon cher, пора, пора!»

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Бѣгство Вареньки.—Тревога въ Подбережкахъ.— Совѣты родныхъ.— Дядя въ догонѣ за женихомъ, и последнее слово сочинителя въ концѣ этой части.

Передъ иконою лампадка
Горитъ и тускло и блѣдно,
И въ растворенное окно
Дождь каплетъ. У окна кроватка
За занавѣской, а въ ногахъ
Сидитъ служанка. То порою
Къ окну съ заботой подойдетъ,
То покачаетъ головою
Съ сомнѣніемъ и отойдетъ.
Ужь полночь. Стихло въ домѣ. Глухо
Въ окно дождь каплями стучитъ.
Служанка съ барышней не спитъ,
И робко приложила ухо

Къ окну, и зорко въ даль глядитъ —
И третъ она стекло рукою.
Но вдругъ тревожною такою
Къ кроваткѣ быстро подошла
И занавѣску подняла:
«Скорѣе, барышня, за мною!
Чу, слышите, условный знакъ.
Вотъ вашъ салопъ. Стукъ снова, снова».
—Быть можетъ, это Флена, такъ,
Послышалось. «Идутъ.» — Ни слова.
«Чу, подъ окошкомъ шелестъ ногъ;
Чу, шорохъ, слышите-ль?»—Готова.—

Ненастна ночь, темна, темна!
Лишь свѣтъ лампадки изъ окна
Ложится блѣдною струею
На мокрую траву, гдѣ слѣдъ
Проложенъ робкою стопою...
Но вотъ исчезъ и этотъ свѣтъ.
Дождь — ливмя, въ воздухѣ стемнѣло,
И масса темная не смѣло
И тихо двигалась впередъ.
И скрипнулъ вдругъ засовъ воротъ,
И что-то дружно шевельнулось,
И брызги взвились изъ-подъ ногъ.
Поутру въ домѣ все проснулось
Безъ шуму, крику, безъ тревогъ,

И тихо собрались въ Покрово.
«Готово все?»—Да-съ, все готово.
«А гдѣ же, Анночка, сестра?»
—Не выходила. «Что за сборы!
Зовите! ужь давно пора!»
Бѣжитъ прислуга. Что-жъ вы, воры?
Что-жъ, хамы?»—Барышни-то нѣтъ.
«Куда-жъ ушла такъ спозаранку?
Бѣгите, да сыскать служанку!
Гдѣ Флена? Вишь, она чуть свѣтъ,
Все бродитъ! Ну, сыскали, хамы?»
А тѣ стоятъ, разинувъ рты.
«Гдѣ-жъ?»—Нѣтъ. И испугались дамы.
«Какъ нѣтъ? Панкратъ, гдѣ былъ-то ты?
Что? проглядѣлъ? въ людской былъ? дома?
Проспалъ, бирюкъ! Сыскать Пахома;
Терентьича и всѣхъ скликай!
Ищите! брату явку дайте!
Петровичъ! въ-слѣдъ, въ-догонъ ступай!
Вишь, стыдъ какой! вишь посрамленье!»

Въ народѣ же о томъ сужденье
Идетъ свое, въ немъ толкъ иной.
Вотъ встрѣтился Андрей съ Кузьмой,
Поклонъ, и въ разговоръ вступаютъ:
«Андрюха?»—Что, Кузьма? «Слышь, баютъ
Того, то есть, нечисто, братъ».

—А што? «То есть, бурмистръ Панкратъ
Петровичъ, мѣсто наше свято!...
Вишь, онъ такой-сякой, проклятой,
То есть, того, стращалъ народъ —
Да и добрался до господъ».
—Нешто, Кузьма. «Да ты, Андрюха,
Чай слышалъ? ну, Матрены мать,
Свекровь Акулькина, старуха...»
—Э, полно, братъ Кузьма, болтать!—
Такъ и деретъ, то есть, по кожѣ...
Самъ видѣлъ я... «А што, то есть,
Того, ты видѣлъ самъ?»—Да тоже
Такую страсть, что и нивѣсть
Что видѣлъ. Слышь, Кузьма, намедни,
Раненько шелъ я отъ обѣдни...
Да глядь—ахъ, Господи, ты мой!—
Какъ брызнетъ полымя! Непьяный
Я былъ, а тутъ оторопѣлъ—
Вишь до того, что ажно брага
Шибнула въ разъ. Куда тебѣ
Дѣвалась прыть-то и отвага.
А полымя себѣ къ избѣ
Панкратъ Петровича да клубомъ,
Да, слышь ты, прямо и въ трубу.
«Дай, загляну, то есть, въ избу»,
Подумалъ я, да тягу, тягу,
Насилу ноги-то уплелъ.

«Неужь-то?»—Право. «Шолъ да шолъ
Да и набрелъ я на ватагу,
Слышь, на дворовыхъ. Глядь—а тамъ
Панкратъ Петровичъ живмя самъ».
«—Андрюха! что таращишь бѣльмы?»
А я, того ни живъ, ни мертвъ.
«—Добейтесь у него, у шельмы!
Гляди-ко, свѣжій слѣдъ подковъ,
А онъ прямо хопько оттуда».—
А я, «ейбогу», да «ей-ей!»—
И отмолился, да живѣй
Отъ барскаго свернулъ я пруда
Деревней. Глядь, а подъ лѣскомъ
Получатокъ летитъ высоко —
И хвостъ-то хвостъ такой широкой —
И зашумѣлъ! Бѣгомъ, бѣгомъ
Къ избѣ. Гляжу, изба чужая,
Слышь, за рѣкой питейный домъ.
Глядь, наши — Сила и Пахомъ».
—Нешто, ишь притча-то какая!
Кузьма качаетъ головой,
А къ нимъ идетъ мужикъ, другой,
Еще, два, три, и, разсуждая,
Собралась сходка вся мірская.

Въ Подбережкахъ и плачъ, и вой,
Идетъ переполохъ такой,

Что Боже упаси! Родные
И даже многіе чужіе
Съ своимъ совѣтомъ тутъ какъ тутъ.
«Подайте, матушка, прошенье,
Туда, въ губернское правленье,
Зовите, матушка, весь судъ.
Да за такое поведенье
И подъ опеку упекутъ,
Или наложатъ запрещенье
На все отцовское имѣнье!»
И всѣмъ напуганная мать
Не знаетъ, ей съ чего начать,
Ждетъ брата. Нашъ знакомецъ старый,
Несясь въ-догонъ за женихомъ,
Кричитъ: «злодѣи! разугары!
Валяй, Пахомъ, по всѣмъ по тремъ!»
И брызжетъ грязь и паръ столбомъ.
Лакей и кучеръ въ козлахъ бодро
И тройка бойкихъ лошадей,
Закинувъ головы, прегордо
Летитъ, и мимо — гладь полей,
Кусты, овраги, косогоры.
Въ пространствѣ дальнемъ топутъ взоры,
Такъ любо, и такъ рада грудь
Въ себя просторъ небесъ вдохнуть.
Но дядѣ до того ли! Зорко
Глядитъ онъ въ стороны, а горкой,

Спустясь къ кустамъ, бѣжитъ косой,
И остановится, и ушки
Подыметъ, смотритъ, и—стрѣлой.
А въ сторонѣ, къ лѣсной опушкѣ,
Глядитъ — опять русакъ другой —
И дядя вскрикнулъ: «стой, эй, стой!
Долой хомутъ, долой постромки,
Давай арапникъ и за мной!»
И слышенъ зыкъ по лѣсу громкій.
А заяцъ вдругъ то пропадетъ,
То выскочитъ и кружитъ долго,
То скатитъ горкою отлогой,
И между ногъ коней снуетъ.
И дядя думаетъ: «Зажогу
Пустить бы на тебя! ейбогу!
Замяла бы дружка какъ разъ!»
И не спускаетъ съ зайца глазъ,
И лошадь нудитъ и стегаетъ,
И безъ сѣдла и безъ стремянъ
За зайцемъ по глуши полянъ
Несется. Вотъ ужь догоняетъ,
Визжитъ арапникъ, а косой
Изъ-подъ арапника стрѣлой.
«Тьфу пропасть, что за демонъ прыткій!
Вся лошадь въ пѣнѣ, гонишь шибко,
Анъ нѣтъ! то есть, зарокъ такой!
То есть, морочитъ, знать, лѣсной!»

И снова онъ за нимъ и снова,
И слышенъ гамъ и визгъ и зыкъ,
И горячится мой старикъ
И гонитъ впереди косова.

«Что братецъ?»—Что сестра? «Догналъ?»
—Эхъ-ма, сестра, по шерсти гналъ,
Да безъ Зажоги на злодѣя
Напалъ. «Онъ все свое; охъ — охъ!
Пригрѣла жениха-то змѣя,
И вотъ меня караетъ Богъ;
Сбѣжала дочь...

Просила братца я, а онъ
Съ своей охотой... ножъ терпѣнью!»
—Хоть разбранись теперь, сестра,
Да взять-то нечего. Вчера
Вѣнчались у попа Андрея.
«И при тебѣ, и ты, того!...»
—Да что того! я — ничего,
Я и не видѣлъ. У Сергѣя
Михайлыча, сестра, спроси.
«Какъ? что, сосѣдъ, что? у Сережи?
Нѣтъ ужь его не обноси;
Вступлюся я. Ахти, мой Боже!
Бѣдняжка боленъ—и ногой
Съ постели не ступалъ день третій,

А онъ его, злодѣй, въ тѣжъ сѣти —
Опутать хочетъ, вишь какой!»
—А что? самъ говорилъ сегодня:
Былъ-де свидѣтелемъ у нихъ.
«Свидѣтелемъ! вишь лгать-то лихъ!
День третій боленъ; власть Господня!
А право, съ горя захворалъ.
Какъ онъ услышалъ да узналъ,
Такъ вотъ и слегъ въ постель сегодня».
—Я лгу? «Да, лжешь! все сплетни, бредни».
—Я лгу? «Не гнѣвайся! ты, ты!»
—Я? я? «Ты, ты!»—Я? «Ты!»—Прощайте!
«Ступайте, батюшка, ступайте!»
—И ни ногой! «Не просимъ васъ.
Не скажетъ слова безъ прикрасъ,
Собачникъ, лгунъ! Сказать Сергѣю,
Чтобъ онъ къ нему бы ни ногой!
Я и сама отвратъ имѣю
Давно. Еще покойникъ мой
Поссорился. Завелъ онъ ссору
Съ нимъ за Зажогу-ль, за Зажору-ль...
Одною псарнею живетъ...»
—Богъ съ нимъ, кума! а мнѣ такъ вотъ
Не до него, ахъ, не до брата!
«Сама ты, видишь, виновата.
Хотѣла все отъ насъ тишкомъ.
Не гнѣвайся! есть это въ правѣ;

А вотъ Господь Создатель въ-явѣ
И наказалъ тебя грѣхомъ.
Да что и говорить, прензокъ
Поступокъ дочери. Того,
Родилась-то она въ кого
У васъ?»—Охъ, охъ! хоть локоть близокъ,
Да не укусишь же его!—
Пропало все, кума, пропало.
Она рукою утирала
Глаза, та стала утѣшать:
«Послушай-ка, родная мать,
Что я скажу: ну, знаешь, болѣ
Противъ того и Богъ, кто волѣ
Противится родныхъ своихъ;
Такъ и не мучь себя. Другая
Есть дочка, позабудь объ нихъ!
А Анночка-то дорогая
Изъ послушанья ни на шагъ.
Устрой ее; свое имѣнье
Отдай. Имъ будетъ это страхъ
Въ какое, знаешь, поношенье
И въ наказанье, то есть, той.
А тамъ уже само собой
И предводителю прошенье:
Что дочь мотовка, зять, де, мотъ.
Посмотришь, какъ онъ ихъ прижметъ.
Убавитъ у затька-то вѣку,

И подъ опеку, подъ опеку!»
—Все такъ, кума, да дочь—все дочь.
«Нѣтъ, для нея ужь ты не прочь.
Вотъ впускамъ такъ само собою;
Владать имѣньемъ не велятъ,
Такъ деньги положи въ ломбардъ».
—Поговорю о томъ съ сестрою.

Къ крыльцу подали экипажъ,
Вошелъ Сереженька, зѣвая,
Сказалъ, зѣвая: «Bon voyage!»
—Прощай, кума! «Прощай, родная,
Поклонъ Анеточкѣ, прощай!
Да на меня, слышь, не пеняй!»
—Я на себя, кума, пеняю.
И подошелъ къ рукѣ корнетъ:
«Позвольте, васъ я провожаю».
—Ну, благодарствуй за привѣтъ!
Простудишься, того, здоровье
Дороже проводовъ, ей-ей!
Дороже! «Вспомни же условье,
Поговори съ сестрой своей».
—Поговорю. «Ну, другъ Сергѣй»,
Сказала мать сынку: «какъ это
Уладилъ ты?»—А что? съ Анетой
Поговорилъ, а та съ сестрой.
Потомъ подумалъ я: «постой

И къ жениху теперь вѣдь надо».
И вотъ къ нему я безъ парада,
Такъ, за-просто, какъ cher ami.
—«Ты,»—говорю я: «не дремли!
Не тронь шиповъ — уколятъ, розы
Однѣ срывай» — и бѣдный въ слезы,
Да такъ, того, о томъ, о семъ
Сталъ толковать, то есть, приличья...
А я ему:—«у насъ обычья
Свои; послушай, увеземъ».—
«Какъ не поѣдетъ?» Это дѣло
Ужь не твое. Я напрямки —
И съ легкой-то моей руки
У насъ все духомъ закипѣло.
Ямщикъ — и тройка лошадей,
Свидѣтели — Paul, Анатолій.
Куда-бъ? въ Ижоръ. Тамъ попъ Андрей
И обвѣнчалъ. «Ай-да Сергѣй!—
Теперь, мой другъ, все въ нашей волѣ
И всѣмъ сестрицамъ по серьгамъ.
Всѣмъ угодилъ — невѣстѣ много
И жениху. Не взыщутъ строго,
Какъ женишься. А тамъ, а тамъ
Имѣнье приберемъ къ рукамъ,
Душъ до трехъ сотъ. Ай-да Сережа!
Ступай же къ Анночкѣ, ступай,
И ихъ въ Покрово провожай.

А то вѣдь, знаешь, эта рожа
Отвратная, ну, дядя ихъ,
Презлой старикъ и лгать-то лихъ,
Чего-бъ не выдумалъ. Бываетъ,
Бѣжишь отъ счастья — догоняетъ,
За счастьемъ гонишься, анъ вотъ
Оно бѣжитъ впередъ, впередъ».

Въ надеждѣ свѣтлой, въ думѣ сладкой
Она расклала гранпасьянсъ,
А Саша, разговоръ украдкой
Подслушавъ въ залѣ глазъ на глазъ,
Пеняетъ, вся въ слезахъ, Серожѣ:
«На что, сударь, того, похоже,
Меня вотъ эдакъ обмануть?»
—Ну Саша, Сашенька, довольно,
Вѣдь я устрою какъ нибудь,
Дамъ вольную, ты будешь вольной,
Слышь, Саша, будешь вольной, а?
«Знать участь наша такова!»
—А что? вишь барыня какая!
Вишь нѣженка! бѣда съ тобой!
И Саша, слезы утирая,
Поникнувъ грустно головой,
Идетъ печально отъ корнета —
И въ-слѣдъ ни одного привѣта

Не посылаетъ Сашѣ онъ,
Въ мечты иныя погруженъ.
«Эй, Степка! трубку и пролетку!
Живѣе, Степка, ну, живѣй!
Уѣду со двора скорѣй!
Уфъ! эти, то есть, мнѣ красотки!
Ужасно счастливъ я, ей-ей!
Ужасно счастливъ, то есть, сами
На шею вѣшаются мнѣ.
Ну, ихъ! Эй Степка! съ бубенами
Я тройкой ѣду, Филька съ нами!»
Пристяжки овилися кольцомъ,
Рысакъ встряхнулъ широкой гривой,
Корнетъ, вооружась бичомъ,
И улыбаяся спѣсиво,
Въ пролетку сѣлъ; а у оконъ
Глазѣютъ барскія служанки —
Его смуглянки и бѣлянки —
И Саша вышла на балконъ.
Не оглянулся, какъ бывало,
И головою покачала
Она, и побрела домой
Такою грустной сиротой.

Ребята тѣшатся въ двѣ свайки,
Кузьма брянчитъ на балалайкѣ:
«Ахъ, барыня», или бычка

И Ванька пляшетъ казачка :
То выбьетъ мелко дробь ногами,
То вдругъ колѣнцо подмахнетъ,
То косо поведетъ глазами
И вдругъ въ присядку какъ пойдетъ.
«Эхъ, славно!» въ боки подпершися,
Кричитъ Панкратъ Петровичъ самъ:
«Эхъ Ванька, знатно! разойдися!
Ну, ну, прибавь-ко дробь ногамъ!»
Терентьичъ, два ткача, конюшій
Да кой-какой еще народъ,
Разинувъ рты, развѣся уши,
Глазѣютъ всѣ, а у воротъ
Гурьба дѣвчонокъ; безъ помѣхи
Зубами щелкаютъ орѣхи,
Спокойно яблочки жуютъ
И изъ гостей господъ не ждутъ.

Не скоро быть имъ изъ Покрова.
Въ Подбережкахъ день каждый снова
Все тотъ же праздникъ, пиромъ пиръ,
И празднуетъ весь людъ, весь міръ,
И домъ стоитъ какъ опустѣлой,
И только безъ хозяевъ въ немъ
Жилицею осиротѣлой,
Въ старинной кофтѣ подъ платкомъ
Старушка мамушка съ ключами,

Покаш ливая пробредетъ,
Крестъ сотворитъ, потомъ вздохнетъ
И сядетъ, шевеля губами,
Въ свѣтлицѣ барышни своей,
Гдѣ тажъ кіотка съ образами,
Кроватка, пяльцы, кресло, столъ,
И только нѣтъ хозяйки дома —
И розанъ безъ нея отцвѣлъ.
Съ какой-то грустною истомой
Старушка ветхая сидитъ,
И ждетъ, и вкругъ себя глядитъ:
Хозяйки нѣтъ. Она не долго
Жила, оставила на долго.

Какая скука! дождь идетъ,
По улицѣ и грязь и лужи —
Канунъ на осень, и отъ стужи
Забился въ избы весь народъ,
Лишь ребятишки да дѣвчонки
Съ гусями въ лужахъ за-одно.
Имъ ни тепло, ни студено,
Хоть по колѣно рубашенки.
Но русскій весь народъ такой,
Въ рубашкѣ лѣтомъ и зимой —
Природа самая нагая.
Вотъ баба, лужъ не разбирая,
Деревнею идетъ на прудъ —

И гуси отъ нея бѣгутъ.
Двѣ, три ленъ стелютъ у забора —
И спорятъ промежду собой.
Ихъ дѣло неспоро безъ спора.
Другія собрались гурьбой
И на ладони ленъ колотятъ —
А вотъ дымится и овинъ,
А вотъ ужь слышно и молотятъ.
Но сельскихъ множество картинъ...
И вотъ онѣ безъ впечатлѣній
Мелькнули, и возврата нѣтъ,
И все смѣшалось въ тѣнь и свѣтъ,
И эта ветхая усадьба,
Гдѣ и задумывалась свадьба,
Гдѣ и раздумалась опять,
И все: родные, тетка, мать,
И садъ, и прудъ, и лугъ, и роща,
И житница, и скотный дворъ,
И скотница, и скотъ, и теща,
И челядь, и кривой заборъ,
И княжій домъ, и всѣ: Езерскій,
Подточинъ, Шипинъ-Бѣлозерскій,
Петровичъ, Вася и герой,
Все это вмигъ передо мной
Неслось, и пронеслося скоро,
Скорѣе времени, часовъ,
Дней, мѣсяцовъ, лѣтъ и годовъ —

И ничего ужь нѣтъ для взора.

Гляжу: запорошилъ снѣжокъ,
И оттепель, и вновь морозы.
Готовитъ дровни мужичокъ;
Запряли ленъ, скрипятъ обозы;
Егорій тутъ какъ тутъ съ мостомъ,
Никола въ-слѣдъ за нимъ съ гвоздемъ.
И хлѣбъ свезли, готовятъ брагу,
Пошли на свадьбы, пиръ пиркомъ,
Зовутъ весь людъ, и всю ватагу
Честятъ и пивомъ и виномъ.
Раздолъ гульливому народу!
И ужь играютъ въ воеводу:
Гаерство прежней старины
На ладъ гуманной новины.
Изба полнехонька народа.
Вотъ ѣдетъ знатный воевода,
На русскій ладъ, родной Фальстафъ.
Высокъ, толстъ, неуклюжъ и гадокъ
И къ полу женскому онъ падокъ,
И съ нимъ смышленъ, хитеръ, лукавъ.
Онъ кличетъ старостъ-міроѣдовъ,
И началъ рѣчь посѣвомъ хлѣбовъ:
Какой приплодъ да урожай?
Какъ велики копенки, скирды,
И сколько счетомъ въ нихъ возовъ.

И сколько свожено сноповъ
И нѣтъ ли для мірянъ обиды?
И предъ народомъ фарсъ родной
Въ картинѣ вѣрной и живой.
За прибауткой прибаутка
И шутка въ-слѣдъ идетъ за шуткой,
И разгулявшись весь народъ,
Играетъ фарсъ свой безъ господъ.
Ихъ нѣтъ!... И я теперь на долго
Прощусь съ усадьбою! Опять
Разсказъ мнѣ надо продолжать,
И разскажу я много, много!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Старыя знакомыя совсѣмъ Перемѣнились. — Пансіонъ. — Анисья. — Героиня отправляется съ Анисьей къ прежней подругѣ. — Квартира Наденькина. — Предсмертныя муки матери Наденькиной. — Наденька осиротѣла. — Варенька Пошехнина и Наденька Боковская все тѣ же пансіонскія подруги.

Вы помните ли пансіонъ?
При немъ все тотъ же садъ, балконъ,
Залъ классный старый, дортуары;
По немъ все также ходятъ пары
При классной дамѣ ученицъ,
Хоть прежнихъ нѣтъ уже дѣвицъ.
Катишь зовутъ всѣ Катериной
Ивановной. Она въ гостиной,
Въ огромной шалѣ подъ чепцомъ,
Бросаетъ строгій взоръ кругомъ;

А мужъ ея за пулькой чинно.
Онъ въ сюрахъ былъ уже безъ двухъ,
И къ сдачѣ—тугъ, и къ счету—глухъ.
Рѣзвушка-Вѣринька такою
Вездѣ блестящей красотою.
Салонъ, уборная, паркетъ.
И бель-этажъ, и модный свѣтъ,
Ея, но, par amour, карьера, —
Она не Вѣринька, а Вѣра...
У Оленьки мужъ въ орденахъ,
Кормилица и домъ прекрасный.
Тѣ счастливы, а тѣ несчастны
Въ отцахъ, мужьяхъ и женихахъ.
Да, время все ужь измѣнило,
Ужь нѣтъ того, что прежде было,
Давно простылъ его и слѣдъ,
И директрисы прежней нѣтъ.

Въ раздумьи грустномъ и глубокомъ
По дортуарамъ одиноко
Проходитъ Варенька. Она
Невольно такъ увлечена
Взглянуть на прежнее жилище
Свое, своихъ родныхъ подругъ.
И что жъ? Оно теперь кладбище
Минувшаго. Витаетъ духъ
Надъ погребальницей разлуки,

Она къ груди прижала руки ;
Глаза туманятся слезой.
« Вы здѣсь учились, ангелъ мой ?»
—Да, я училась. «А давно ли?»
— Есть года три. «Ну, по неволѣ
Вздохнешь объ этихъ трехъ годахъ».
— Скажите: гдѣжъ?.. «Вы о покойной
Спросить хотите?»—Какъ!.. «На дняхъ
Она скончалась. Право, больно
И жалко. Знаете, она
Совсѣмъ разстроилась дѣлами ,
Была въ долги вовлечена».
— И вамъ передала? «Съ долгами ,
Передала мнѣ пансіонъ.
А тамъ судъ, дѣло, кредиторы...
И до того, что похоронъ...
Такіе, знаете ли, воры...
Все расхватали за-одно...
Пойдемъ-те, покажу залъ классной.
У насъ въ такомъ порядкѣ все!»
— Какъ мило все, какъ все прекрасно!
Ей Варя скромно говоритъ ,
И хочетъ сократить визитъ :
Такъ что-то грустно, такъ неловко,
Невольно клонится головка
Къ груди, невольно на глаза
Печали выжалась слеза...

И вотъ она все осмотрѣла:
Залъ, дортуары, корридоръ,
И садъ, и даже бѣлый дворъ;
Потомъ взглянула на качели —
И вдругъ — Анисья передъ ней.
« Она... Анисья... извините...»
— Вы съ нею говорить хотите?
« Хочу спросить её». И къ ней
Онѣ подходятъ. «Что? узнала?»
— Какъ не узнать-съ! И къ ручкѣ та,
Потомъ взглянула и сказала:
« Вотъ-съ какъ уходятъ-то года.
Вѣдь я знавала васъ дитею».
— А гдѣжъ любимица твоя?
«Кто? Что-то ужь не вспомню я!»
— Ну, Наденька! «Ахти-съ! такою
Сироткою она живетъ!»
— Какъ, Наденька! «Ейбогу-съ вотъ
Съ одною матерью старушкой;
Отецъ скончался, мать больна».
— Ахъ, Надя милочка, ахъ душка!
Пойдемъ, Анисья, гдѣ она?
« Да недалеко-съ. Я намедни
Зашла къ нимъ прямо отъ обѣдни,
Застала бѣдную въ слезахъ.
Хоть бы скончалась мать. Ейбогу,
Она ее связала страхъ!

Умретъ, вѣстимо—понемногу
Утѣшится, авось. Она,
Наукамъ многимъ учена,
Найдетъ мѣстечко въ гувернантки».
И Варенька, въ слезахъ, у няньки
Все разспросила, и потомъ,
Грустя, оставила тотъ домъ,
Въ которомъ дни ея ученья
Такъ скоро, скоро пронеслись.
А въ немъ, въ часы отдохновенья,
По-прежнему въ кружокъ сошлись
Подруги. Долго говорили
О гостьѣ, спорили, шутили,
Шумѣли, и въ урочный часъ
Онѣ пошли по-парно въ классъ.

Въ той улицѣ, гдѣ такъ безмолвно,
Гдѣ все какъ будто мертво спитъ,
И экипажъ не застучитъ,—
Есть домикъ тихой и укромной
И много въ домикѣ жильцовъ.
Одни живутъ уже издавна,
Другіе же за неисправной
Платежъ мѣняютъ бѣдный кровъ;
А все тотъ домикъ не пустѣетъ,
Въ немъ занятъ каждый уголокъ,
И изъ оконъ его свѣтлѣетъ

Лампадки тусклый огонекъ.
Есть въ этомъ домикѣ покои,—
Они удобнѣе другихъ:
Опрятно, чисто, скромно въ нихъ,
И на стѣнахъ вездѣ обои.
Когда-то наденькинъ отецъ
Въ покояхъ этихъ жилъ такъ долго,
Такъ счастливо и въ жизни строгой.
Теперь же новый въ нихъ жилецъ,
Онѣ-жъ—дочь съ матерью вдовою—
Живутъ ужь въ комнаткѣ одной;
Но здѣсь, какъ и въ квартиркѣ той,
Все увлекаетъ простотою;
Протерты окна, вымытъ полъ,
У печки занавѣсъ холстинный,
У стѣнъ кроватка, стулья, столъ,
Сундукъ и канапе старинный,
На окнахъ—прежнія гардины
И недовязанный чулокъ,
И въ маленькомъ горшкѣ цвѣтокъ,
У образа-жъ горитъ лампадка.
И Наденька передъ больной,
Съ застывшею въ очахъ слезой,
Стоитъ и третъ глаза украдкой.
Больная мать тревожно спитъ.
Иль жизни горькія лишенья,
Иль замогильныя видѣнья

Надъ ней летаютъ? Жаръ—ланитъ,
Въ груди—тяжелое дыханье,
И снова—стонъ, и вновь страданье
Въ лицѣ, во всѣхъ его чертахъ,
И слышенъ шопотъ на устахъ.
То, можетъ быть, мольба глухая,
Чуть внятная, и въ ней больная
Не молитъ о своихъ грѣхахъ,—
Нѣтъ,—въ жизни этой испытанье
Ихъ стерло въ книгѣ бытія,
И тамъ награда для нея
За добрыя души стяжанья,—
Но молитъ только объ одномъ,
Объ этомъ ангелѣ своемъ,
Объ этой дѣвѣ непорочной,
Ее вручаетъ Всеблагой,
И духъ бесѣдуетъ немолчно
О новомъ бытіи съ душой.
Все тихо въ комнаткѣ укромной,
Рыданія затаены...
А рядомъ съ ними—смѣхъ нескромной,
Ребенка крикъ, и отъ жены
Мужъ въ деньгахъ требуетъ отчета,
Да кто-то пѣсенку поетъ,
И катится жизнь безъ заботъ,
И снова—новая забота —
Купить харчи, собрать долги,

Сшить платьеце, достать обновку,
Украсить гребешкомъ головку,
Испечь на праздникъ пироги.

Идутъ. Проходятъ мимо дома,
И шибко улицей знакомой
Анисья съ Варенькой идетъ.
То имъ мужчина подмигнетъ,
То вдругъ залаетъ собачонка,
То въ встрѣчу выскочитъ дѣвчонка,
То мальчикъ, запуская змѣй,
На нихъ наткнется, ротозѣй,
И спутаетъ, ругаясь, нитки,
То дѣва, стоя у калитки,
Ихъ гордо съ головы до ногъ
Осмотритъ вдоль и поперегъ.
И Варенька спѣшитъ: «Что, скоро?»
— А вотъ у длиннаго забора.—
Онѣ прошли уже заборъ;
Вошли въ калитку и на дворъ.
Дверь тихо скрипнула. Больная,
Томясь предсмертною борьбой,
Приподнялась полунагая,
И дочь ощупала рукой —
И силилась въ своемъ бореньи
Она ее благословить,
И дочь склонилась на колѣни

И недвижима и блѣдна:
То мигъ предсмертнаго прощанья.
Не видитъ взоръ, нѣмы уста,
И на рукѣ лишь два перста,
Крестомъ спасенья и страданья
На отпускъ вѣчный сложены,
И очи тусклыя полны
Безжизненностію могильной,
Въ лицѣ-жъ божественный покой.
И подъ опущенной рукой,
И изсхудалой и безсильной,
Какъ призракъ жизни молодой
Въ окаменѣніи страданья,
Какъ творческое изваянье
На мигъ умершей красоты,
Пріемлетъ дочь благословенье:
Въ чертахъ—печали вдохновенье,
И дышатъ небомъ всѣ черты.
Но эта неземная сила
Угасла снова, и опять
На ложе опустилась мать—
И руки на груди скрестила,
И бросилась на грудь къ родной
Съ рыданьемъ дочь...

Ужь нѣтъ дыханья,
Ужь жизни нѣтъ. Теперь рыданья,

Теперь и крикъ, и плачъ, и вой...
Надъ кѣмъ? Надъ тѣломъ безъ движенья,
А не надъ бѣдной сиротой.
Жилицы двѣ вошли въ покой,
Поплакали—и тожъ явленье:
Еще двѣ, три вошли взрыдать,
Взглянули дико на кровать,
На столъ, на гробъ, на крышку гроба,
Подумали: «что за особа!» —
И вышли, поболтавши, вонъ.
За ними въ-слѣдъ толпа другая,
И внемлетъ слухъ ихъ тихій стонъ.
А тамъ на кладбищѣ, копая,
Могильщикъ думаетъ: «бѣднякъ
Такой, какъ я, а то не такъ,
Но выкопалъ бы я глубоко...»
И съ неохотой роетъ онъ,
За трудъ свой скупо награжденъ,
И шутитъ горько и жестоко,
И ремесло свое бранитъ;
А заступъ кости шевелитъ.
Какое жизни омертвѣнье!
И отъ кого ей утѣшенье?
Кто сжалится надъ сиротой?
Есть другъ. Онъ съ нею, какъ съ родной,
Льетъ вмѣстѣ слезы и рыдаетъ
И Надя другу все ввѣряетъ,

Что будетъ такъ ее томить,
И то, куда ей приклонить
Свою головку, сиротѣя?
Къ себѣ чей приметъ кровъ её —
И кто, лаская и жалѣя,
Ей скажетъ: «ты дитя мое?»
Чужой порогъ—высокъ, хлѣбъ—горекъ,
И трудъ—тяжелъ, когда съ трудомъ
Жить надо сиротой кругомъ.

Облокотясь рукой на столикъ,
Бѣдняжка горько слезы льетъ.
И Варя грустно утѣшаетъ,
И Варя вмѣстѣ съ ней рыдаетъ,
Взяла за руку, крѣпко жметъ,
Полна участія живаго.
И вотъ склонилися вдвоемъ
Онѣ предъ ликомъ Всеблагаго,
И духъ проникнутъ Божествомъ,
И очи свѣтлы, и ланиты
Горятъ небесною зарей.
То мигъ, когда въ душѣ покой,
Когда страданія забыты,
Когда міръ чуждъ, чужда земля.
«Утѣшься, бѣдное дитя!
Міръ добръ и добрые есть люди».
Она ее прижала къ груди —

Надеждою оживлена,
И къ ней участія полна,
Описываетъ жизнь въ деревнѣ:
Деревня — рай; поля, луга
И рощица, все—наслажденье!
А рѣчка та, а берега,
Гдѣ зелень сочная съ цвѣтами!
И по рѣкѣ плыветъ челнокъ,
И слышенъ пастуха рожокъ,
И вторитъ чудно пѣснью звонкой
То жаворонокъ, тамъ, высоко,
То въ ближней рощѣ соловей.
О, жизнь тамъ краше и свѣтлѣй.
« Тамъ, Наденька, тамъ все прекрасно,
Не то что въ жизни городской,
Тамъ утѣшеніе несчастной;
Въ самой природѣ тамъ покой».
И думаютъ вдвоемъ надежно
Устроить жизнь; наединѣ
Заботятся такъ дружно, нѣжно,
Какъ сестры. А давно-ль онѣ
Разстались чуть ли не врагами?...
И вотъ нужда, несчастье вновь
Зажгло въ нихъ прежнюю любовь,
И миновало все съ годами,
Все, все.

Тогда въ пиру земномъ
Отъ яства жизни не вкусили,
Не знали горечи утратъ;
Ихъ по дорожкѣ той водили,
Гдѣ лишь цвѣты однѣхъ отрадъ.
И шли онѣ рука съ рукою
Къ одной надеждѣ—разошлись.
Когда же узкою стезею
Пошли—на полпути сошлись.
О, сколько въ нихъ сочувствья, сходства,
Въ любви, и въ дружбѣ, и во всемъ.
Не обѣ ли такъ горько въ немъ
Ошиблись—и опять несходство.
Одну на полпути увлекъ
Какой-то всемогущій рокъ,
Какая-то судьба слѣпая —
И ринулась за ней другая.
А связи? а людей разсчетъ?—
Однѣ лишь слабыя пружины,
Слабѣе нитей паутины,
Когда бы не судьба. И вотъ
Одна безъ страсти, съ твердой волей,
Томится страшно какъ въ неволѣ,
Другая съ страстною душой
Сгубила страсть въ себѣ самой.
Два гладіатора: готовы
Они на страшный, смертный бой,

И предъ ликующей толпой
Съ нихъ сняты тяжкія оковы.
Кто побѣдитъ, свободенъ тотъ,
Но побѣдителя что ждетъ?
У нихъ — ни племени, ни рода. —
И предъ лицомъ всего народа
Ужь не враги, друзья они,
Обнялись, умираютъ оба —
И на аренѣ стихла злоба.
Не то ли же и въ наши дни?
Не такъ ли было въ жизни съ ними?
Жизнь какъ арена передъ ними —
И снова начатъ страшный бой
На жизнь, на смерть, съ своей судьбой.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Первое о томъ, что бываетъ иногда въ супружествѣ. — Второе о томъ, что медовый мѣсяцъ не три года, что бульваръ вещь преопасная для супруговъ. — Прощаніе подругъ. — Ловласъ превращается въ Фобласа. — Госпожа Доротея и вѣрныя слуги.

Прошла недѣля и другая,
Такъ медленно, за часомъ часъ,
И ей хотѣлось хоть бы разъ
У Нади побывать. Скучая,
Она рѣшилась. За собой
Идти велѣла Аннѣ. «Рада,
Моя сударынька, съ тобой,
Да баринъ, видишь ты, съ парада
Идетъ разстроенный такой!»
Парадомъ Анна называла

Всю службу. «Вышелъ на парадъ»,
«Съ парада» де «домой спѣшатъ», —
На спросъ старуха отвѣчала,
Поглядывая съ торжествомъ,
Съ какой-то гордостью, потомъ
Слегка кивала головою
И шла, довольная собою.
И такъ всегда, такъ и теперь...
И только отворилась дверь
Она къ нему. Рукой дрожащей
Взяла картузъ изъ барскихъ рукъ:
«Туда повѣшу, гдѣ сюртукъ.
А это вотъ принесъ служащій...
Чай вамъ?»—Нѣтъ, Варенькѣ. Постой,
Письмо по почтѣ городской!..
Отдай.—Сердито, безъ привѣта
Вошелъ онъ къ ней: «откуда это?»
— Письмо? «Да».—Письма пишетъ мать;
Но ты не любишь ихъ читать»,
Краснѣя, Варенька сказала.
Онъ сѣлъ; толкнулъ Жужу ногой,
Собачка взвизгнула. Срывала
Она дрожащею рукой
Конвертъ съ письма: «Хочу съ тобой
Поговорить, подумать вмѣстѣ;
Хлопотъ теперь мнѣ куча, тьма,
Вѣдь я почти что ужь при мѣстѣ,—

Въ деревню ѣду; и сама
Я очень, очень сожалѣю,
Что порѣшилася, робѣю,
Мнѣ страшно, совѣстно, ей-ей!
Зайди же, Варенька, въ субботу.
Я, можетъ, ѣду и скорѣй.
Nadine». И Варенька работу
Взяла. Письмо опять въ конвертъ
Вложила, спрятала; работой
Какъ будто занялась съ заботой,
Потомъ взглянула, подошла
Она къ нему. «Ну, что? прочла?
Отъ матери?»—Да. «Нѣтъ».—Пустое.—
И замолчали, и опять
Она за пяльцы вышивать.
«Но что съ тобой?»—А что такое?—
«Ты, кажется, не по себѣ,
Не боленъ ли? О, ради Бога,
Скажи!»—Да въ этомъ что тебѣ?
Ну, что тебѣ? Я такъ, не много...
»Да что же съ вами?»—Такъ, пройдетъ.
«Скажите!»—Что сказать? довольно,
Оставьте, полноте! И вотъ
Они въ разладѣ, такъ, невольно,
И за супружескимъ столомъ
Сидятъ печальные вдвоемъ.
Не Анна ихъ грустнѣй. Порою,

Прислуживая имъ, она
Какъ будто чѣмъ-то смущена,
Украдкой третъ глава рукою
И барынѣ въ глаза глядитъ.
Мужъ ничего не говоритъ,
А взглядываетъ поминутно
На Анну, послѣ на жену,
И все такъ пасмурно, такъ смутно.
И за столомъ ее одну
Онъ оставляетъ, недовольный,
Уходитъ грустно со двора,
И Варя думаетъ невольно:
«И мнѣ ужь къ Наденькѣ пора».

Безъ цѣли ходитъ онъ. Съ Тверскаго
И на Никитской булеваръ
Онъ перешелъ. Ахъ, какъ все ново!
Давно онъ не былъ. Много паръ,
Но не супружескаго счастья,
А такъ, и Богъ знаетъ—чего,
То здѣсь, то тамъ, вблизи его.
А вотъ одна изъ магазина
Торопится, и онъ за ней
Идетъ какъ будто бы скорѣй,
И носомъ къ носу господина
Въ бекешѣ съ аннинскимъ крестомъ.

Его начальникъ... и въ смущеньи
Онъ проситъ у него прощенье,
Онъ извиняется. Потомъ
Встрѣчается ему знакомый:
«Ты вовсе позабылъ нашъ домъ!
Чудакъ! да что вы за атомы!
Вы—служба! право, ей же, ей!
Безъ крови вы и безъ страстей!
Пойдемъ, любезнѣйшій, со мною.
У насъ сегодня дежене,
Такъ, завтрачекъ, наединѣ
У Лабади». И онъ съ собою
Увлекъ его. Пять, шесть персонъ
За легкимъ завтракомъ маконъ
Стаканами пьютъ. «Къ Доротеѣ
Сегодня?»—«Нѣтъ къ Мари! у ней
Вечерній раутъ.»—«Къ ней, такъ, къ ней».—
«Ну, что твоя Аннетъ?»—«Затѣи
Прегадкіе, mes chers amis....
Да мы-то что же за повѣсы,
Имѣть метресъ?»—«Ха, ха! Уйми!»—
«Бросаю вовсе. Есть въ балетѣ»...
«Надинь? Лизетъ? а?»—«Что въ Лизетѣ,—
Ни граціи, ни красоты!
Надинь—фи!»—«Право, очень странно;
Такъ кто же?»—«Зиночка.»—«Что ты!
Quel monstre!»—«Нѣтъ! pace di Sultano.—

« Престолстая! »—«Округлость формъ».—
« Ну, господа, судите сами,
Ужь вкусъ: не стать, а кормъ да кормъ.
Et v'là quel goût, messieurs!.. Ты съ нами?»
«Conscrit, au pas, au pas, au pas!»—
Allons къ Мари, messieurs, n'est—ce pas?»

« Я заждалась тебя!» сказала
Съ улыбкой Наденька: «вчера
Ждала я съ самаго утра».
И Варя Надю цаловала.
—Ахъ, Надя, вѣришь ли, нельзя
Къ тебѣ мнѣ было. Весь день дома.
«Рѣшилась къ Бирюковымъ я».
—Какъ? къ нимъ? да это—домъ знакомой,
Ну, поздравляю, въ нашъ уѣздъ—
И близко отъ родной усадьбы.
« Что, Варенька, у нихъ пріѣздъ?
И домъ богатъ?»—Богатъ. До свадьбы
Моей бывала я. У нихъ
Три дочери, два сына. Къ старшей
Недавно сватался женихъ.
Я слышала отъ Флены нашей,—
Въ деревню ѣздила къ роднымъ.—
Печально Варенька вздохнула,
И Надя на нее взглянула:
« Тебѣ сгрустнулося по нимъ?»

—Сгрустнулась; да, уже три года
Прошло. «Ну, полно горевать!
Въ своей семьѣ не безъ урода!
Забудь объ нихъ!»—А мать, а мать?—
«Сама опомнится старушка.
Проститъ».—Ахъ, Наденька, ахъ, душка,
Пиши ко мнѣ! Увидишь ихъ,
Услышишь. Вспомни, что отвѣтомъ
Меня утѣшишь. Много лѣтъ
Я не узнала бы объ этомъ,
Что тамъ? кто тамъ? О, золъ нашъ свѣтъ!
Онъ не простилъ, что я когда-то
Пошла ему наперекоръ.
Но я ли въ этомъ виновата?
Ихъ незаслуженный укоръ,
Насмѣшки, холодность, упреки,—
Все выслушала я тогда —
И навсегда, и навсегда
Мнѣ ближнія — теперь далеки!
«Утѣшься, добрый ангелъ мой:
Пріидетъ пора, они узнаютъ
И примирятся, вѣрь, съ тобой».
Онѣ другъ друга утѣшаютъ;
А время, не спросясь, идетъ,
И часъ прощанья, часъ разлуки
Для нихъ тревожный настаетъ.
И вотъ пожали крѣпко руки,

Простились грустныя, въ слезахъ,
И поклялись писать другъ другу,
И Варя добрую подругу
Въ путь проводила, и въ мечтахъ
Тревожныхъ, грустныхъ, одиноко,
Разлукой новою, жестокой
Поражена, пришла домой,
Въ душѣ съ тоской, въ очахъ съ слезой.

«Гдѣ были вы?»—Я? въ пансіонѣ.—
«У ней одно — все пансіонъ».
По комнатѣ прошелся онъ,
И разговоръ свой въ этомъ тонѣ.
Косясь, сердито, онъ опять
Хотѣлъ по-прежнему начать,
Надѣлать тысячу упрековъ.
Спросить её: что тамъ она
Искала ли себѣ уроковъ,
Или, сочувствія полна
Къ подругамъ своего ученья,
Ходила помечтать туда,
И вспомнить прежніе года,
И смыть слезами всѣ мученья,
Все, что ее теперь гнететъ?
И кликнулъ Анну: слышь, впередъ
Отъ барыни ни шагу. Съ нею
Изволь вездѣ ходить. А васъ

Прошу безъ Анны—никуда-съ.
О, я съумѣю, я съумѣю
Капризы ваши поунять!»
—Мои капризы? «Да; а что же,
Какъ не капризы?»—Боже, Боже!
«Вамъ не угодно замолчать?»
—Пока вы мнѣ не объясните,
Какъ я должна вести себя.
«Я объясню, но замолчите!
Вы раздражаете меня
И безъ того такъ много, много!»
—Но въ чемъ же виновата я?—
И на руку склонившись, долго
Она рыдала. Онъ ходилъ,
И вечеръ этотъ первымъ былъ,
Когда онъ такъ неосторожно
Ее обидѣлъ. Съ этихъ поръ
Вся жизнь пошла у нихъ тревожно,
Отъ слезъ горячихъ тускнулъ взоръ,
Отъ вздоховъ тяжкихъ грудь болѣла,
Она по-прежнему къ нему
Теперь ласкаться ужь не смѣла,
Ей было тяжело, ему
Неловко. Жалость, стыдъ, сомнѣнье
Терзали, мучили его —
И горькое недоумѣнье
Въ немъ поселилось, отъ него

Къ ней перешло. Пошли упреки,
И выпалъ жребій ей жестокій—
Терпѣть, сносить. Потомъ и слезъ
Ужь не было. Она страдала,
Блѣднѣлъ въ щекахъ румянецъ розъ,
И тяжко грудь ея дышала.
Такъ ранней осени морозъ
Пятнитъ плоды, и пурпуръ рдяной
Блѣднѣетъ, тускнетъ и порой
Гніетъ подъ черною корой.
Но не одна она—и Анна
Томилась тою же тоской.
Она качала головой,
И рѣже барина встрѣчала,
И чаще, чаще провожала
Съ дрожащею въ очахъ слезой,
Да думала: «того, не даромъ...
Того...куда онъ со двора?»
Иль поджидая съ самоваромъ,
Гадала: «ужь домой пора!
Вѣдь прежде, знамо, не бывало
И при покойницѣ того,
Не ждешь до вечера его,
Раненько дома. То есть, стало
Теперь и съ нимъ-то ужь не то!»
Иль самоваръ подогрѣвая,
Ворчала: «Вишь ты, жизнь какая!

Все сердится, то есть; да что
И говорить! знать, притча, эдакъ;
Знать, сглазили его. Народъ
Смышленъ, лукавъ, и, право, вотъ
Спросить бы надо у сосѣдокъ,
Знахарки нѣтъ ли, знахаря?
А то бѣда вѣдь ей сердешной,
Вся воскомъ станетъ, какъ заря
Погаснетъ. Вѣкъ не вѣковѣшной.
И что она еще? дитя,
Дитя блажное и больное,
А какъ добра-то до меня!
Вишь ты, несчастье-то какое!»
И Анна ветхимъ рукавомъ,
Заслыша стукъ, слезу стирала,
Дверь отворяла, и потомъ
Вносила самоваръ, вздыхала —
И шла печально въ уголокъ,
Гдѣ у кіотки образокъ
Висѣлъ, и свѣчка восковая
Горѣла вечеромъ и днемъ,
И тамъ молилася, рыдая.

Но не заботился герой,
Что Анна думала. Собой
Онъ недоволенъ былъ! Афера

Прегадкая—съ своей родней
Тягаться. Тутъ профитъ пустой,
А тутъ пустѣйшая карьера,
Въ добавокъ небольшой окладъ.
И мыслитъ онъ: «себя я мучу,
Все прожилъ, нажилъ долга кучу;
А между тѣмъ года летятъ».
Читатель, я не виноватъ,
Что не было въ немъ твердой воли.
На мѣстѣ бы его другой
Тѣмъ энергичнѣе, тѣмъ болѣй
Трудиться сталъ, а онъ рукой
Махнулъ, и въ глупомъ заблужденьи
Жену въ несчастьи обвинилъ,
Родныхъ, весь свѣтъ; а въ заключенье
Онъ службу вовсе позабылъ,
И окружилъ себя друзьями
И, новой жизни паразитъ,
Былъ за чужимъ обѣдомъ сытъ,
И жилъ, пока жилось, долгами,
И съ праздной молодостью тожъ
Пускался онъ и самъ въ кутежъ. —
И вотъ душа его, бывало,
Всей молодостью ликовала,
Когда одинъ и вечеркомъ
Онъ посѣщалъ знакомый домъ.
И, отдаляясь отъ роднова,

Его душа была готова
На все: на низость, на позоръ,
На новый грѣхъ, на преступленье,
И не было ему спасенья,
И совѣсть потупляла взоръ.
Но голосъ совѣсти могучей
Смѣясь, онъ заглушилъ виномъ,
И кровь забушевала въ немъ,
Отравлена отравой жгучей.
И онъ смѣлѣй впередъ, впередъ,
Отъ страсти новой къ страсти новой,
Не внемля совѣсти, и вотъ—
Разврата идеалъ готовой,
Съ коварной дружбою въ рѣчахъ,
Съ объятьемъ жгучимъ сладострастья,
Сулилъ ему блаженство, счастье...
Ужь онъ въ оковахъ, онъ въ сѣтяхъ,
Бѣжалъ семейнаго онъ крова.
Онъ каждый вечеръ тамъ, и снова
Проводитъ съ нею ночь и день,
И не томитъ его тамъ лѣнь,
И не томитъ его досада,
Какъ дома съ Анной и женой.
И bonne amie ему такъ рада!
Лаисой страстною такой!
И онъ всю ночь у Доротеи...

« Василій, знаешь ли кого
У Спаса видѣла сегодня?»
—Ась? «Барина. Ну, власть Господня!
Какъ постарѣлъ! Знать у него
Не такъ. У барыня, у душки,
Сестра крестьянъ всѣхъ отняла.
Отъ нашей ключницы старушки,
Что прежде нянюшкой была,
Въ деревнѣ, слышала — имѣнье
Продали будто за долги».
—Да, Флена, это разоренье,
Когда то есть, родня — враги...
И жаль его такъ какъ роднаго,
Такъ какъ отца роднаго жаль.
Объ немъ всегда тоска-печаль,
То есть, у сердца ретиваго.
Вѣдь я ему не мало лѣтъ
Служилъ до прежде-то слугою.
Меня онъ вывелъ въ люди, въ свѣтъ,
Онъ отпустилъ меня съ слезою,
И наградилъ тогда-жъ меня.
Не отпустилъ, когда-бъ не нужда,
Нѣтъ, не разстался бы со мной;
А то—и дѣло-то съ родней,
Да и безъ выгодъ эта служба,
На жалованьѣ на одномъ,—
И поизсякнули доходы.

Какъ хошь тряси ты кошелькомъ,
А все расходы да расходы.
Охъ, жаль!»—Васильюшка, схожу
Я къ нимъ. На барыню на душку
Еще разокъ хоть погляжу.
А какъ зовутъ-то ту старушку?
Кажись, что Анна. Прямо къ ней,
И побываю непремѣнно
У барыни. Вѣдь тьма вѣстей!
Вотъ и съ Авдотьей Алексѣвной
Ужь больно не хорошъ сынокъ.
Женился,—мать-то за чулокъ,
Да за псалтырь, да такъ, въ каморку;
А молодой женѣ своей
Карету новую, шестерку...
У нихъ ужь четверо дѣтей.
Три дочки. Старшія съ Татьяной
Авдѣвной, слышь ты, каждый часъ
Въ Подбережкахъ живутъ у насъ
Оно, Васильюшка, и странно,
Что поблажаетъ тещѣ онъ,
Да у нея есть родовое....
Сосѣдъ Подточинъ огорченъ,
А горе, знаешь ли, какое?—
Скончалась у него жена.
Лѣтъ слишкомъ пятьдесятъ она
Толстѣла, слышь ты, да толстѣла,

И подъ конецъ такъ развотѣла,
Что гробъ мѣняли раза два.
За-то и наградила! — дѣтокъ!
Вертится кругомъ голова!
Онъ думалъ, думалъ, напослѣдокъ
Рѣшился въ бракъ, не по лѣтамъ —
И съ гувернанткой обвѣнчался.
Изъ полымя въ огонь-то самъ
Попался, да и какъ попался!
Езерскій,—ну, его сосѣдъ, —
Безъ покаянья на тотъ свѣтъ,
Оставилъ барыню — вдовою:
По-старому живетъ, такою!..
Теперь хоть всѣхъ святыхъ-то вонъ.
При немъ, вѣстимо, не бывало.
Да случаевъ такихъ не мало —
И Ванька-казачекъ... Ну, онъ
Княжну-то вывелъ молодую,
То есть, куда какъ на-чистую!
Разсказывалъ про княжій домъ...
Да что и говорить объ немъ,
Не это вѣдь у нихъ бывало!..
« Ну, Флена, вечерѣть ужь стало,
Поставь-ка самоваръ впередъ,
А тамъ болтай! Оно, слышь, вотъ
Петровичъ обѣщалъ изъ клуба.
Служить-то въ клубѣ—любо, любо!

И много эдакихъ господъ,
Что вотъ перепадетъ маленько.
Будь съ поведеніемъ, то есть,
Веди себя во всемъ скромненько,
И будетъ что попить, поѣсть,
Да и на черный день. Не вѣчно
И счастье-то везетъ, везетъ!
Бываетъ, эдакъ, какъ начнетъ,
Такъ и пойдешь себѣ, сердечной,
Опять гранить по мостовой!»
Онъ сѣлъ къ окошку, гдѣ, глазѣя,
Стояла Флена. Той порой,
На рысакѣ по Поварской
Неслась въ обновѣ Доротея.
Извощикъ бравый, прелихой,
Пролетка новая, вся сбруя
Такъ и горитъ; а въ-слѣдъ за ней
На парѣ бойкихъ лошадей,
Названный братецъ, торжествуя,
Катилъ, лѣниво развалясь,
И черезъ улицу плелась
Старуха нищая съ клюкою.
Какъ безобразна! какъ страшна!
А славилась вѣдь красотою
Въ свои былыя времена,
И, можетъ быть, какъ и она,
Была красоткою-жъ такою.

«Гляди, Василій, вотъ-те разъ!
Разряжена какъ на показъ!
Какъ барыня, вотъ-те и шутка!
И кто-жъ? Курносая Дашутка!»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Раскаяніе героини.—Разговоръ ея съ Анною.— Супружеская трапеза. — Письмо отъ Наденьки Боковской. — Молитва Анны.

Всегда—одна! всегда—одна!...
И эта жизнь ей надоѣла,
И съ этой жизнію она
Боролась молча и терпѣла;
А между тѣмъ мечта порой
Забытый кровъ ея родной
И всѣхъ, кого, любила, знала,
Предъ нею грустно рисовала,
И слезы лились изъ очей,
И было ей еще грустнѣй!
Но не она-ль теперь виною
Страданьямъ и слезамъ своимъ?
Она таила передъ нимъ
Пріязнь съ подругою родною,
Она боялась, чтобы онъ,

Или въ нежданной съ нею встрѣчѣ,
Или въ своей холодной рѣчи
Съ насмѣшками про пансіонъ,—
Какъ не обидѣлъ бы подруги,
И отъ него тогда тайкомъ
Ходила къ Надѣ вечеркомъ,
Минутные свои досуги
Дѣлила съ нею; а потомъ
Письмо попалося случайно,
И вотъ она себя кляла,
Что это дѣлала все тайно,
Что передъ мужемъ солгала,
Что ложью дѣтской и невинной
На битву вызвала вражду.
«Къ нему я грустно подойду,
Поникну головой повинной;
Я разскажу ему все, все!
И пусть раскаянье мое
Началомъ будетъ примиренья!—
Но въ чемъ вина? въ чемъ преступленье?
Онъ самъ ребячествомъ почтетъ,
Мое упрямое желанье —
Скрыть съ Наденькой мое свиданье,
И пожалѣетъ и вздохнетъ —
О томъ, что такъ меня невольно
Обидѣлъ жестоко и больно.
Но мнѣ не вымолвить: прости!»

И медлила она идти,
И втайнѣ слезы проливала,
Кляла судьбу и обвиняла
Его, подругу и себя,
И подозрѣнье, какъ змѣя,
Ползло, вползало. Мысль ревниво
Переносилась въ пансіонъ.
Вотъ Наденька, и съ нею онъ...
И ей представилось все живо,
И увлекла ее мечта
Далеко, въ прежнія лѣта.
И слышитъ, шепчетъ ей подруга:
«Люблю», и на ланитахъ жаръ...
И тихо, тихо въ часъ досуга,
Онѣ вдвоемъ въ свой дортуаръ,
И говорятъ, и та тревожна,
И та предъ нею слезы льетъ.
Она съ подругой осторожна,
И взглянетъ, и тайкомъ вздохнетъ.
А директриса тамъ изъ зала
Подкралась—и на нихъ глядитъ,
И тихо Варю подозвала,
И тихо Варѣ говоритъ:
«Моя родная, ваши тайны
Я знаю, и тебѣ не скрыть!
Но берегись!—конецъ—печальный!—
Ее онъ можетъ полюбить;

Тогда она тебя погубитъ.
Слѣди за нимъ, слѣди за ней;
Мужчина, вѣрь, недолго любитъ,
И чѣмъ любовь та горячѣй,
Простынетъ тѣмъ она скорѣе.
Будь осторожнѣй, будь смѣлѣе!»
И Варя думаетъ: «нѣтъ, нѣтъ!
Не ревность это, быть не можетъ.
Но что-жъ волнуетъ! что тревожитъ
Меня? Зачѣмъ печали слѣдъ
На мнѣ оставило сомнѣнье?
Свиданья наши для чего
Я скрыть старалась отъ него?
Бывало, тѣнь лишь подозрѣнья —
Я трепещу, я смущена...
И Наденька передо мною
Съ застывшею въ очахъ слезою...
И вотъ идетъ къ нему она,
Онъ къ ней. Я имъ одна преграда.
Я къ ней бѣгу, она меня
Встрѣчаетъ, и такъ рада, рада,
И рада я и смущена.
«Иль не властна ты надъ собою?
Иль не увѣрена въ себѣ?
Сбирайся-жъ и пойдемъ со мною,
Онъ будетъ, право, радъ тебѣ».
Но ясный взглядъ, но два, три слова

Съ подругой прежнихъ свѣтлыхъ дней —
Я весела, спокойна снова,
Я всей душой ввѣряюсь ей!
Теперь же съ кѣмъ души тревогу,
Тоску мою, печаль мою
И слезы съ кѣмъ я раздѣлю?
Быть можетъ, свыкнусь понемногу
Съ моей печалью и тоской,
Съ моею грустною судьбой!»

Тревожна и грустна на длани
Она склонилася челомъ.
Ни слезъ, ни вздоховъ, ни рыданій;
Но душу грусть гнететъ свинцомъ,
Но сердце грустью сжато больно,
И тяжелѣе и больнѣй,
И ропотъ на устахъ невольной.
Старуха Анна передъ ней:
«О чемъ, скажи, моя родная,
Тебѣ сгрустнулося, о чемъ?
Аль ты раздумалась, скучая
О родѣ-племени своемъ.
Вѣдь тамъ куды, то есть, пріятства!
И свой, ненанятый, народъ,
И много эдакихъ господъ,
И у господъ у этихъ барство.
Ну, здѣсь—не то, здѣсь—мудренѣй

И жить и наживать копѣйку;
Отложишь лишнихъ-то затѣй,
Какъ поработаешь недѣльку,
Потрудишься вотъ такъ, какъ онъ,
А счастье все себѣ спиною.
Трудненько жить, изъ рукъ ужь вонъ,
Глядишь съ кручиной да съ тоскою...
Ужь съ старой, съ эдакой какъ я,
Ты не взыщи. Я вѣкъ изжила,
Проврусь, не побрани меня.
А глядя я на васъ, изныла,
И, правду молвить, ты сама,
Сама-то ты во всемъ виною,
И знамо, знамо—отъ письма.
Ужь я и такъ и сякъ съ тобою;
Да ничего, то есть, въ резонъ...
А милость ихняя-то, онъ,
Того, во гнѣвъ, того, съ обидой:
«Ты, Анна, ты!» Да чтоже я?
Кажись, не подавала вида.
Сгубила простота меня.
Ему-бъ сказать: разокъ сходила
Къ подругѣ, знаемо, ну, къ той,
Чтò такъ, то есть, добра душой!»
—Я отъ него все это скрыла.
Онъ, Анна, и не зналъ объ ней...
Не знаетъ онъ... «Да пожалѣй

Себя-то ты, моя родная,
Скажи, что были у неё.
Она вѣдь добрая такая!»
—Я не хотѣла, чтобъ ее
Онъ видѣлъ, мыслью чтобъ тревожной
Покой души онъ возмутилъ,
Быть можетъ, онъ ее любилъ,
Онъ могъ любить! вѣдь все возможно.
А послѣ...» «И, Господь съ тобой!
Что это ты? чтобъ баринъ мой!
За васъ я земные поклоны,
Я, грѣшница, за васъ, молюсь!
И хоть подъ звонъ подъ колокольной,
За барина я поклянусь,
Не дамъ, родимая, въ обиду!
И погляди-ко, что онъ съ виду,
На что, то есть, теперь похожъ!
А былъ дороденъ и пригожъ.
И, вѣдомо, съ роднею дѣло,
Какъ лютая змѣя, заѣло,
Сгубило бѣднаго его!
Смотрю, родная, на него,—
Такой сердитой, безпокойной!
И въ жизни-то пошло все скромно.
Не то, что было при моей
Старушкѣ барынѣ покойной.
Мы жили, то есть, повольнѣй,

И было же всего довольно.
Знать, счастіе ему везло;
А вотъ теперь, какъ бы на зло
И колесо затормозилось.
Спаси васъ, Господи! ахти!
Ахти!» Она перекрестилась:—
«Прости-жъ, родная, мнѣ, прости;
Я, можетъ, лишнее сказала,
Все изъ любви, изъ простоты,
Не попеняй старухѣ ты».
Но Варенька безъ словъ рыдала.
«Родимая, перекрестись,
Ему откройся, повинись!»
— Я, знаю, Анна, я неправа...
«Да, соблазнилъ тебя лукавый,
Вѣдь отъ него, то есть, и грѣхъ.
Молись, молитва наша свята».
—Я виновата, виновата,
Я въ жизни—тягота для всѣхъ!
Ему не принесла я счастья.
И отъ кого-жъ могу участья
Я въ этой жизни ожидать?
Меня клянетъ старушка мать,
Ко мнѣ родные безъ привѣта,
Онъ холоденъ, и навсегда
Здѣсь, отчужденная отъ свѣта,
Я всѣхъ чужда, я всѣмъ чужда!

Я клятвой душу погубила,
Но я люблю, но я любила!

« Родная, успокойся, вотъ
И баринъ нынче что-то рано...»
И Варя со старухой Анной
Встрѣчать по-прежнему идетъ,
И сердце трепетно забилось...
Но вотъ она остановилась,
И побрела назадъ опять.
Она готова зарыдать...
Печаль подавлена... все скрыто.
Онъ входитъ пасмурный, сердитой,
И кажется ему во всемъ,
То—не забота, не старанье,
То—безпорядокъ и незнанье,
И Аннѣ говоритъ о томъ,
И Варя слушаетъ, и горько
Бѣдняжка залилась слезой.
А онъ смѣется такъ жестоко,
Онъ шутитъ надъ ея тоской.
Обѣдъ по-прежнему уныло
Проходитъ. Грустно онъ молчитъ;
Она печальная сидитъ;
Одна лишь Анна, съ прежней силой
Собравшись, вкругъ ихъ суетитъ.
Но эти хлопоты не кстати,

И будто вовсе не для нихъ.
Она не замѣчаетъ ихъ ;
А у него есть тьма занятій ,
Есть много дѣлъ, заботъ своихъ ,
Къ тому-жъ онъ недоволенъ Анной,—
И кончился обѣдъ печально.

Какъ проигравшійся игрокъ,
Сидитъ онъ молча, безъ движенья ,
Ему домъ—мѣсто запустѣнья ,
Онъ отъ него въ душѣ далекъ ;
Въ ея-жъ душѣ — все мертво, пусто ,
Ни чувствъ, ни мыслей—ничего.
Она взглянула на него ,
И тихо пробудилось чувство ,
И жаждала душа полей —
И жаждала роднаго крова
Она, и медленно и снова
Полились слезы изъ очей.
« У васъ все грусть, у васъ все слезы'—
И ни мольбы, и ни угрозы ,
Все—ничего, все—звукъ пустой!»
Онъ всталъ, онъ вышелъ; за собой
Онъ хлопнулъ дверью. Тихо снова.
И видитъ Варенька въ окно,
Идетъ онъ—на дворѣ темно —
И въ слѣдъ за нимъ бѣжать готова.

Проходитъ ночь, день настаетъ.
Глазъ не смыкая, Варя ждетъ
И не дождется, и съ заботой
На Анну грустную глядитъ.
Та занята своей работой...
Вотъ кто-то по двору спѣшитъ;
Вотъ слышатся шаги въ передней,
И съ силою своей послѣдней
Она собралася, встаетъ...
Почталіонъ письмо кладетъ,
Выходитъ, и она печально
Опять поникла головой.
Но къ ней письмо подноситъ Анна.
« Письмо отъ Наденьки; постой,
Прочту...»

« О, Боже, Боже мой!
Три эти мѣсяца — три года! —
И что за люди здѣсь со мной,
И что за гадкая природа! —
Лѣсокъ пожелклый надъ рѣкой
Такою мутной, мелкой, тощей,
Вокругъ — безхлѣбныя поля,
Лугъ пожелтѣлый съ чахлой рощей,
Съ болотомъ, гдѣ, въ призывъ дождя,
Печально квакаетъ лягушка.
Ну, Варя, ангелъ мой, ну, душка,

Попалась я! Представь себѣ
Все это въ грязненькой картинкѣ.
Подъ небомъ сѣренькимъ, въ глуши ,
И пожалѣй, и отъ души
Поплачь! Вѣдь у меня слезинки
Ужь не осталось ни одной:
Все выплакала я. Довольно.
Мнѣ—грустно, сердцу—горько, больно ,
И вотъ въ мечтахъ передо мной
Рисуется нашъ тихій, скромный ,
Сроднившійся мнѣ уголокъ ,
Гдѣ такъ жилось, мечталось сладко ,
Тамъ не стоитъ моя кроватка ,
Завялъ любимый мой цвѣтокъ...
Жилецъ тамъ новый; тѣжъ, что были
Давно, давно уже отжили ,
И расплатились, и ихъ нѣтъ.
Къ жилищу ихъ былъ свѣжій слѣдъ
И, можетъ быть, заросъ травою ,
И тихъ ихъ новый уголокъ.
Тамъ крестъ печаленъ, одинокъ,
Стоитъ надъ насыпью простою».

Склонясь задумчиво челомъ
Надъ недочитаннымъ письмомъ ,
Печально Варенька мечтаетъ :
«Да, въ жизни каждому свое ,

И мнѣ—свое. Тебя пугаетъ
Деревня; въ ней такъ гадко все —
И люди, и сама природа.
Тебѣ твой уголокъ отдать,
И ты бы стала въ немъ мечтать,
И ты была-бъ такъ рада, рада!
Въ немъ жилъ отецъ, жила въ немъ мать,
Твои младенческія лѣта
Неслись и пронеслися въ немъ,
Пока и ты въ волненьяхъ свѣта
Не повстрѣчалася лицомъ
Съ нуждой своей, съ нуждой людскою.
А у меня нѣтъ уголка,
Не сирота, а сиротою
Живу, отъ близкихъ далека!»
И Варя надъ письмомъ рыдаетъ.
«Да, каждому—свое,» и вотъ
Она опять письмо читаетъ:

«Мнѣ надо, Варя, напередъ
Сказать тебѣ, что я съ припадкомъ
Какой-то желчи, и притомъ
Одна и въ тарантасѣ гадкомъ
Въ деревню ѣхала; потомъ
Меня взбѣсило, право, много
Все чванство, и вся спѣсь господъ,—
Какъ величаетъ ихъ народъ.

Но, осудя себя я строго,
Созналась, что не права я.
Я продала теперь себя,
Живу, служу теперь изъ платы;
Что-жъ за бѣда, когда со мной
Почванится себѣ богатый?
Въ одномъ бѣда, что я съ собой
Владѣть, признаться, не умѣю
И много знаешь ли, имѣю
Въ себѣ, въ характерѣ моемъ...
Иль, какъ бы выразиться, въ немъ
Есть странныя противорѣчья.
Вотъ хоть бы это: отъ чего,
То я боюся всѣхъ, всего,
То въ пошлости простосердечья
Всѣмъ вѣрю, всѣмъ я предаюсь,
За всѣхъ страдаю и молюсь?
Кажись, что общаго межъ мною,
Хозяйкой дома, и дѣтьми,
И этой дворнею, людьми?
А я сроднилася душою
Со всѣми ими. Радость ихъ
И ихъ печаль во мнѣ имѣетъ
Сочувствье полное. Для нихъ
Душа моя не сиротѣетъ.
А между тѣмъ и этотъ домъ,
И эта черствая прислуга,

И эти господа,—все въ немъ
Такая пошлость. Друга, друга
Ищу я, рада умереть.
Но здѣсь меня пугаетъ смерть!
Она во всемъ здѣсь: домъ ветшаетъ,
Старѣетъ мебель, глохнетъ садъ,
Прудъ грязный тиной заплываетъ.
Да, смерть вездѣ, и всѣ глядятъ
Такими къ жизни мертвецами,
Такими мертвыми душами,
Что какъ-то страшно за себя!
Нѣтъ, Варя, не умру здѣсь я,
Нѣтъ, я не лягу здѣсь въ могилу!
Я чаще здѣсь за жизнь свою
Молюся: Господи помилуй
Ее отъ зла, и слезы лью!
Да, страшно быть тамъ гувернанткой,
Гдѣ все въ разладѣ, не живетъ,
А движется, такъ, безъ порядка,
Съ прислуги до самихъ господъ.
Какъ будто вѣкъ они отжили,
Какъ будто встали изъ могилъ
Безъ прежней воли, прежнихъ силъ,
И съ жизнью все похоронили —
И, вмѣсто памятника, домъ
Надъ ней поставили. На немъ
Гербъ съ надписью, какъ на кладбищѣ.

Смотрю на страшное жилище,
Задумавшись, передъ гербомъ
Стою съ улыбкою невольной...
Въ щитѣ на полѣ голубомъ
Есть популярнаго довольно...
Премножество колесъ, подковъ...
Но мнѣ теперь не до гербовъ...
Мнѣ—скучно! Осень, слякоть, лужи,
И въ небѣ темносѣромъ къ стужѣ
Мелькаетъ рѣже солнца лучъ,
Печальный, грустный изъ-за тучъ —
И въ этомъ домѣ, то да тоже
Въ гостиной, дѣтской и прихожей.
Прощай».

Письмо она кладетъ
Въ рабочій ящикъ и встаетъ
Грустна, печальна, и тревожна,
И вотъ выходитъ осторожно,
Глядитъ, и въ темномъ уголкѣ
Старушка Анна предъ иконой,
Въ старинной кофтѣ и платкѣ
Съ подручникомъ, творитъ поклоны:
«Хранитель, ангелъ пресвятой,
Молюся, сохрани въ напасти,
Не дай осѣтить душу страсти,
Врагу слукавить надъ душой!

Заступничествомъ и покровомъ
Владычицы, святыхъ твоихъ
Избави отъ напасти ихъ,
Да днесь ни мыслію, ни словомъ
Не согрѣшать передъ тобой!
Помилуй рабъ твоихъ: Антона,
Варвару, Господи!» И снова
Она простерлася съ мольбой.
Глядитъ безъ словъ и безъ движенья
На Анну добрую она —
И грудь ея теперь полна
Всей теплотой благоговѣнья,
И преклонилась вмѣстѣ съ ней
Передъ спасительной иконой,
И молится, и изъ очей
Потокъ горячихъ слезъ невольно —
Отрадный, сладостный бальзамъ
Въ тоскѣ измученнымъ душамъ,
И слезы свѣтлою струею
Обильно въ душу излились.
«О, дитятко мое! со мною
Ты молишься! Молись, молись!
И благодатны слезы наши!
Вѣдь у престола въ небесахъ
Хранители, слышь, держатъ чаши
И слезы вѣсятъ на вѣсахъ
Съ дѣлами злыми и грѣхами.

Тамъ высоко, за облаками,
И Матерь Божія съ Христомъ,
И всѣ угодники святые,
И мучениковъ свѣтлый сонмъ,
И души праведныхъ, такія
Пресвѣтлыя — и всѣ въ вѣнцахъ —
Что и очамъ взглянуть-то больно,
И сладко страхъ, и любо страхъ!
Туда-бъ взлетѣла птичкой вольной!»
Старуха дряхлою рукой
На небо бодро указала,
И улыбалась, и блистала
Нездѣшней, свѣтлою красой!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Заботы Анны. — Ревность Пошехниной. — Нѣсколько словъ о жизни Пошехниныхъ и записки Вареньки Пошехниной.

Былъ день осенній; дождь частилъ;
По улицамъ грязь, слякоть, лужи;
Сѣрѣло небо, разносилъ
Холодной вѣтеръ, къ близкой стужѣ,
По небу гряды облаковъ,
И зябла жизнь, жизнь умирала
И зиму грустную встрѣчала
Запасомъ овощей, плодовъ.
Уже пустѣли огороды;
Ужь зелени всѣ виды, роды:
Чеснокъ, петрушка, пастернакъ,
Морковь со свеклой, колорѣпа,
Картофель, рѣдька, лукъ и рѣпа
Вездѣ лежали кое-какъ,
Въ возахъ, подъ возомъ, подъ навѣсомъ.

Капуста сотнями возовъ
И цѣлый поѣздъ огурцовъ.
Не продерешься здѣсь, лѣсъ-лѣсомъ
И тысячи покупщиковъ:
Купцовъ, дворецкихъ, поваровъ,
Стряпухъ, кухарокъ, экономокъ.
Всѣ суетятся, шумъ и крикъ.
Съ кочнями тащится старикъ,
Сосетъ морковь блажной ребенокъ
И, возы обступя, купцы
Закусываютъ огурцы —
Да громко спорятъ съ продавцами:
« Гляди-ка въ пятнахъ, глядь, горьки,
Желты, вялы, крупны, мелки!»
Но овощь тащится возами
То за однимъ, то за другимъ.
Рѣдѣетъ рынокъ, шумъ стихаетъ.
И подъ навѣсомъ холщевымъ
Взоръ гастронома обольщаетъ
Съ арбузомъ дыня, бергамотъ,
И сочный виноградъ и сливы,
Все, что на вкусъ нашъ прихотливый
И Крымъ и Астрахань намъ шлетъ.
И обольстился взоръ любовно,
И мимо ихъ бѣднякъ идетъ
Задумчиво, печально, скромно,
Да грустно яблоки жуетъ.

Къ лотку подходитъ дѣва смѣло—
И сторговала, и въ платокъ
Завязываетъ чуть не цѣлый
Посгнившихъ яблоковъ лотокъ.
А вотъ, межъ лавокъ, чинно, плавно,
Подъ ношею тяжелой Анна
Кряхтитъ и тащится домой.
Она пошла и не сказалась;
Скарбъ продала кое-какой
И съ полной ношей возвращалась.

День пасмурный ужь вечерѣлъ;
Къ вечернѣ колоколъ гудѣлъ,
Когда она вошла въ вороты —
И было много ей заботы
Картофель ссыпать, лукъ убрать:
« На завтра будетъ что подать.
Недѣльку, можетъ быть, другую
Промаюсь этимъ какъ нибудь;
А тамъ и въ лавку мелочную,
А тамъ—что будетъ, то и будь...
А имъ-то я скажу: купила»...
И Анна ветхимъ рукавомъ
Отерла потъ, крестъ сотворила,
И къ Варенькѣ она вошла.
« Ну, что? ну, что, моя родная?
Чай, заждалася? А я шла

По улицамъ, слышь, ковыляя...
То грязь, то лужа, то навозъ,
То поперегъ дороги возъ».
—Да, страшно, Анна, одинокой
Идти по этимъ мостовымъ.
Вчера я полночью глубокой
Пошла изъ дома въ-слѣдъ за нимъ.
« Христосъ Спаситель! съ полуночи!
Да какъ глядятъ твои-то очи!
Да какъ ты бродишь-то безъ сна!
Чай, ты, родимая, недужна!»
—Да, Анна, я больна, больна!—
« А вѣдь куды-то было нужно
Идти такъ поздно со двора!»
—Дай вспомнить, Анна; я вчера
Пошла за нимъ, и шла я слѣдомъ,
Не выпускала я изъ глазъ,
Какъ тать, я кралась и, не разъ
Обманутая тусклымъ свѣтомъ
Изъ оконъ и отъ фонарей,
Я поскользалась, я шаталась,
И сердце трепетно сжималось;
Но шла я дальше и скорѣй.
Не помню, долго-ль я бродила...
Такая глушь! такая тьма!
Я улицы перезабыла —
И переулки и дома;

Одно лишь помню: передъ входомъ
Въ какой-то домъ онъ постучалъ.
Домъ былъ полнехонекъ народомъ,
Шарманщикъ у окна игралъ;
И лица женскія мелькали,
При блѣдномъ отблескѣ огней,
И у оконъ и у дверей;
А въ домѣ пѣли и кричали
И слышенъ былъ стакановъ звонъ.
У дома долго я стояла...
Ужь стали выходить всѣ вонъ;
Одна, другая тѣнь мелькала;
Погасли свѣчки; шумъ затихъ,
И я скользнула между нихъ.
Я въ домъ вошла, я въ дверь прокралась;
Я слышала—онъ говорилъ;
Онъ за руку меня схватилъ—
И обнялъ. Я не испугалась;
Но жаркій поцалуй любви
Горѣлъ въ душѣ, горѣлъ въ крови
И, какъ дитя, прижавшись къ груди,
Я забывала міръ, людей...
Вокругъ меня толпились люди...
И вышла я, и у дверей
Я постояла, я вздохнула...
И вотъ пришла одна домой...
« Ложись, родимая; постой,

Раздѣну; хоть бы ты уснула,
Хоть бы прошелъ ознобъ и жаръ.
Дай, я поставлю самоваръ.
Малинки, мяты, аль шалфея
Тебѣ, родная, заварить?»
—Я, Анна, знаешь ли, не смѣю,
Боюсь ему я говорить...

На стекла кружева узоры
Набросилъ утренній морозъ.
Потеръ ладонью дворникъ носъ.
Вблизи его, потупя взоры,
Нетвердой, робкою стопой
Бѣжала дѣвочка домой,
И баба за собой салазки
Съ бѣльемъ промерзнувшимъ везла,
И попрошайка робко шла;
А здѣсь чиновникъ, жмуря глазки,
Въ шинели, съ кипой подъ рукой,
И весь дрожа, бѣжалъ рысцой,
Или купецъ, снѣгъ отряхая,
Велъ съ Ванькой торгъ за пятачокъ,
А здѣсь сосѣдка, ковыляя,
Звала сосѣдку на-часокъ,
И къ ней по скользанкѣ мальчишка
Летѣлъ безъ шапки, и въ кабакъ
Бѣжалъ портняга на-тощакъ,

Пошатываясь и съ припрыжкой;
За нимъ гурьбою ребятишки...
И будочникъ двухъ пьяныхъ велъ
И въ-слѣдъ его хожалый шелъ.
Такъ жизнь въ столицѣ закипала,
И день картинно рисовала,
Пестра, печальна и смѣшна
И вся въ дѣла погружена.
И лишь одинъ, въ толпѣ, безъ дѣла,
И какъ-то медленно, не смѣло,
Шелъ, не глядя по сторонамъ,
И всѣмъ давалъ дорогу самъ.
На немъ была все таже шуба,
Въ которой ѣздилъ мимо клуба,
Все тотъ же плюшевый картузъ,
Сюртукъ, жилетъ и панталоны
И шарфъ на шеѣ модный, черный;
Но съ вами объ закладъ я бьюсь,
Что не узнали-бъ вы героя.
На лоскѣ моднаго покроя
Пробѣлы видѣлись во всемъ,
И сапоги уже на немъ
Давно платилъ сапожникъ русской,
И все сидѣло, то такъ узко,
То широко и не въ покрой.
Онъ вышелъ изъ толпы людской;
Въ калитку, постоялъ немного,

Прошелъ дворомъ, и прямо въ домъ,
Въ квартиру, и такъ долго, долго
Собака лаяла потомъ.

Его не встрѣтили ни Анна,
Ни Варенька. Онъ не хотѣлъ.
Ему жены плачъ надоѣлъ.
Онъ приходилъ, то поздно, рано,
То пропадалъ по цѣлымъ днямъ,
Бродя безъ дѣла тамъ и сямъ,
И не тревожилъ самъ прислуги.
Его и недруги и други
Уже оставили давно,
И не было ни прежней Даши,
Ни Зиночки, и ни Параши;
Захлопнулась дверь и окно.
И можетъ, можетъ быть, въ ту пору
Счастливый Пошехнинъ другой,
Повѣря ласкамъ ихъ и взору,
Имъ отдавалъ визитъ ночной.

Какъ тѣнь, какъ призракъ, сновидѣнье
Минувшихъ лѣтъ, минувшихъ дней,
Мелькнула Варя изъ дверей.
Страданья, горести, лишенья,
Все испытала ужь она —
И ночи долгія безъ сна,

И дни трудовъ безъ облегченья,
И сколько вздоховъ, сколько слезъ,
И незаслуженныхъ угрозъ,
Упрековъ, нареканій, брани!
Она скрестила грустно длани,
На грудь склонилася челомъ.
Ея дыханіе неровно,
Глаза то тускнутъ, то огнемъ
Пылаютъ на орбитѣ темной,
Косы блестящей волосъ черной
Бѣлѣетъ ранней сѣдиной,
Лицо осунулось, и щеки
Покрыты въ слоѣ желтизной,
И на челѣ рубецъ глубокій
Прорѣзанъ, то—морщины слѣдъ,
Но не отъ долгихъ жизни лѣтъ;
А отъ болѣзней, отъ страданья,
Отъ этой жизни, что давно
Безъ радостей, безъ упованья,
Какъ въ склепѣ, въ ней погребено—
Все, все—и молодость, и силы:
И вотъ, какъ призракъ, до могилы
Она идетъ своимъ путемъ,
Своей дорогою печальной,
Быть можетъ, къ цѣли ужь недальной
И не жалѣетъ ни о чемъ,
И не вздыхаетъ такъ, какъ прежде,

О сердцу близкихъ, о родныхъ,
Забытая, не вспомнитъ ихъ.

Когда и вѣрѣ и надеждѣ
Въ ея душѣ уже давно
Воскреснуть вновь не суждено;
Когда назначено судьбою
Пройти путь жизненный одной
Безъ провожатаго къ покою;
Когда, кто избранъ ей судьбой,
Не подалъ ей съ участьемъ руку:
То въ чемъ же ей себя винить?
Кого беречь? кого любить?
Она готова на разлуку,
На вѣчную разлуку съ нимъ,
Простилася со всѣмъ живымъ —
И жаль лишь одного творенья,
Но лучшаго изъ всѣхъ людей,—
Покинуть Анну жалко ей.
Она дѣлила всѣ лишенья,
Всѣ горести съ ней пополамъ,
И небо дало облегченье —
Слезу обильную очамъ
И груди, тяжело стѣсненной,
Глубокій вздохъ. Она безмолвно
Глядитъ на Анну, вся въ слезахъ.
А та не видитъ въ-торопяхъ,

И къ ней идетъ: «Моя родная,
Вотъ счетъ изъ лавочки; такая
Душа у этихъ торгашей,
Что такъ хоть плюнь да и подальше!
Ну, слышь ты, божится! Ей-ей!
Мнѣ говоритъ:—«изъ лавки нашей
Не отпущу я больше въ долгъ!»—
Куда онъ эдакъ, то есть, строгъ,
Да и на денежку, вишь, падокъ!
А можетъ быть, и свой порядокъ:
Торгуетъ у купца въ отчетъ.
А я ему, вотъ эдакъ, вотъ:
«— Пожди маленечко! Ейбогу
Заплатимъ, слышь ты, понемногу!
Заплатимъ. Что ты! Богъ съ тобой!
Такой, разъэдакой, сякой!»—
Вотъ счетъ, а я живой рукою
Схожу, родная, за водою,
За хлѣбомъ, дровецъ припасу.
Вотъ гребень; слышь какъ принесу,
Такъ косу вычешу, какъ мочку,
Переберу по волосочку...
Куды великъ сегодня день!
Не вьетъ гнѣзда сегодня птица!
Что-жъ ты, какъ красная дѣвица?
Родная, празднично надѣнь!
Принарядись-ко попригожѣй!

А я, то есть, живой рукой!»
И Анна, суетясь въ прихожей,
Идти собралась за водой,
За тѣмъ и за другимъ къ сосѣдкѣ,
За хлѣбомъ въ лавку; а она,
Какъ птичка, запертая въ клѣткѣ,
Стояла грустно у окна.

Пробуждено воспоминанье
У ней о томъ, что и онѣ,
Храня старинное преданье,
Живя тогда по старинѣ,
На волю птичекъ выпускали.
И кто-жъ ее освободитъ?
И кто отъ нуждъ, и отъ печали,
И отъ страданій сохранитъ?

«Я немогу отдать отчета
Теперь себѣ ни въ чемъ, ни въ чемъ!
И ни молитва, ни работа
Нейдутъ на умъ; лишь объ одномъ
Мысль на душѣ такъ неотступна,
Что душу онъ свою, мою
Погубитъ здѣсь во всемъ преступно.
Не о себѣ я слезы лью,
Объ немъ, о тьмѣ его паденья,
И нѣтъ ему и мнѣ спасенья!

« День миновалъ, день настаетъ;
Молюсь во всѣ тѣ дни и ночи;
День мнѣ отрады не даетъ,
Ночь сна. Горятъ, пылаютъ очи,
И сердце сжато, и уста
Кровавой пѣной запеклися,
А мнѣ твердятъ: терпи, молися...
Но не довольно ли креста
Мнѣ въ жизни посланнаго свыше?
Я не сестра, я не жена,
Не мать; я здѣсь одна, одна.
О, сердце! бейся тише, тише!
Не утомляй груди моей!
Умолкни! дай хотя мгновенье
Пожить безъ боли, безъ скорбей,
Безъ слезъ, безъ ропота, въ забвеньи
И жизни этой и себя!

« Гляжу, играетъ здѣсь дитя,
Другое у грудей уснуло —
И мать съ улыбкою взглянула
На нихъ, и послѣ на отца.—
И въ этомъ—счастье семьянина,
Все счастье брачнаго вѣнца.
Любви супружеской картина
Передъ очьми, передо мной
Свѣтла и въ рамкѣ золотой.

А на моей такъ тѣни много
И пыли много такъ на ней!
Съ отчаяньемъ въ душѣ, съ тревогой,
Бѣгу я, прячусь отъ людей.
Мнѣ кажется, что жизни счастье
Своимъ я взоромъ оскорблю,
Что счастье ихъ я погублю,
Что суждено мнѣ безъ участья,
По жизненной тропѣ одной
Пройдти печально и уныло:
Малютокъ нѣтъ теперь со мной,
Не слышится мнѣ голосъ милой...

« О, для чего съ его судьбой —
На жизнь и смерть моя судьбина?
Вотъ дерево съ своей листвой;
Но въ немъ гніетъ ужь сердцевина;
А близъ его ростетъ цвѣтокъ.
Не свѣжъ, но зеленъ стебелекъ,
Ни жизни прежней, ни цвѣтенья...
Какъ чужеядное растенье,
Поблекшей зеленью своей
Прижался у его корней.
Страшится-ль онъ его паденья?
Страшится ли, что увлечетъ
Его въ паденіи съ собою?
Иль подъ враждебною листвою,
Пока живется, онъ живетъ?

« Осенній листъ сухой, поблекшій,
Несется, Богъ знаетъ, куда,
Когда здѣсь на травѣ измокшей
Такъ много ихъ, его-жъ слѣда
И не видать, и обнаженной
Отъ листьевъ лѣсъ стоитъ безмолвно,
И не шелохнется на немъ;
А вѣтка бѣдная случайно
Сорвавшись, все плыветъ, плыветъ.
Волна, баюкая, несетъ
Ее въ незнаемый путь, въ дальной.
Не то ли въ жизни и со мной?
Не та ли-жъ буря оторвала
Меня отъ жизни мнѣ родной
И за собою въ даль умчала?

« Къ утратамъ прежнихъ грустныхъ дней,
Къ судьбѣ его, къ судьбѣ моей
Я привыкаю понемногу;
Гляжу на дальнюю дорогу,
На безотрадный жизни путь,
И думаю я: «какъ нибудь
Путемъ и этою дорогой
Пройду, не обернусь назадъ.
Быть можетъ, ужь идти недолго...
И дни бѣгутъ, и дни спѣшатъ».

« Еще два дня. И въ эти дни

Онъ не входилъ ко мнѣ. Печально
И грустно тянутся они.
Хожу я за больною Анной,
На рынокъ, стряпаю сама,
И эта жизнь мнѣ, какъ тюрьма.
Нѣтъ, не сравню ее съ тюрьмою.
Тамъ хлѣба принесутъ съ водою;
А здѣсь и это-то достань,
Не спи, поутру раньше встань.

«Я дни считаю, дни мученья,
И медленно они идутъ—
И, кажется, что всѣ мгновенья
Въ часы, а дни въ года растутъ.
И жизнь, какъ вѣчность безъ начала
И безъ конца, слилась въ одно
Она страданіе—и мало
Страданія, погребено
Здѣсь все—надежды, упованья,
И вѣра въ Промыслъ и любовь.
Душа горитъ, пылаетъ кровь,
И снова новыя страданья —
Съ нуждой и съ жизнію борьба.
И я ропщу, но не напрасно!
Да, тяжела моя судьба.
Мнѣ утро не свѣтило ясно,
Мой полдень холоденъ такъ былъ,

А мой закатъ темнѣе ночи.
Онъ наступаетъ, наступилъ;
И, ощупью, закрывши очи,
Бреду къ могилѣ—и нѣтъ силъ
На мигъ пождать, назадъ вернуться,
И некому меня вести,
И суждено мнѣ добрести
Одной, и слезы льются, льются...

« Тайкомъ свое я испродала,
А, кажется, намъ будетъ мало
И этого — все на лицо
И до полушки на расчетѣ.
Вчера просила о работѣ...
Придется мнѣ продать кольцо.
И я продамъ. Мнѣ больно, больно,
Рука горитъ какъ бы въ огнѣ.
Кольцо свидѣтель мой невольной.
И грустно мнѣ, и стыдно мнѣ!

« Трудъ этотъ тяжкій, черезъ силу,
И ночи долгія безъ сна —
Сведутъ довременно въ могилу;
Но не страшитъ меня она.
Всѣ близкія мои — далеки,
И тяжело вздыхаетъ грудь!
Имъ посылаю вздохъ глубокій...
А обо мнѣ имъ не вздохнуть,

Слезинки не пролить, лобзанья
Не дать отшедшей на покой.
Мой прахъ засыплется землей;
Объ немъ умретъ воспоминанье,
И будетъ некому придти
Поплакать надъ моей могилой;
Цвѣтокъ безсмертія цвѣсти
На ней лишь будетъ и уныло
Малиновка родная пѣть.
О, горько, страшно умереть
Отъ нищеты, отъ горькой нужды;
Тогда и близкіе всѣ чужды
И, насмѣхаясь, медлитъ смерть».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Письма Наденьки Боковской.

«Ты пишешь, Варя, ко всему
Привыкнуть можно. Точно можно.
И ни чему и ни кому
Я не завидую. Мнѣ должно
Идти теперь своимъ путемъ,
Своей дорогой одинокой,
Не сожалѣя ни о чемъ.
Но развѣ ужь нельзя о томъ
Вздохнуть сердечно и глубоко,
Что было, что давно прошло,
Чему ужь вовсе не вернуться?
И чтожъ? какъ будто бы на зло,
О томъ невольно слезы льются
И вспомнишь то всегда скорѣй,
Что на разсвѣтѣ юныхъ дней

7*

Погибло и сгубило счастье.
Но я не требую участья.
Нѣтъ ближнихъ, нѣтъ со мной друзей;
Здѣсь—чужды всѣ: прислуга, дѣти,
Отецъ ихъ, мать. Я здѣсь одна,
Отъ всѣхъ я здѣсь отчуждена,
И грустно тянутся дни эти
Въ занятьяхъ скучныхъ и пустыхъ.
О, я бѣжала бы отъ нихъ!
Объ этомъ я уже рѣшила.
Ты спросишь: чтожъ остановило?—
Какъ я, такая-жъ сирота.
Она почти въ мои лѣта,
Ребенокъ, въ простенькомъ нарядѣ;
У ней такая-жъ грусть во взглядѣ,
Въ улыбкѣ, въ голосѣ, во всемъ,
Какъ у меня. Но какъ вдвоемъ
Мы очутились между ними,
И какъ мы не сошлись давно,
Какъ не сказались мы родными
Другъ другу? Странно, мудрено.
И вотъ теперь, когда готова
Разлука, можетъ, навсегда,
Мы встрѣтились, и будто снова
Сдружилися. — И такъ всегда
Бываетъ, Варенька, со мною,
И я ропщу на жребій мой

И недовольна я собою —
И недовольна я судьбой.
Скажися Вѣрочка мнѣ прежде,
Откройся дѣвственной душой,
И я осталась бы въ надеждѣ
Ее съ судьбою примирить;
Я для нея могла-бъ любить
Дѣтей, супруга и супругу,
И дворню всю и всю прислугу,
И этотъ старый, ветхій домъ,
Такой загрязненный и сѣрой,
Хоть и съ дворянскимъ онъ гербомъ.
Представь же, Варенька, что съ Вѣрой
Проговорила я вчера
Почти до самаго утра.
Разстаться съ ней мнѣ жалко было...
И поняла она, склонила
Ко мнѣ головку на плечо,
И цаловала горячо
Меня, и грустно такъ глядѣла.
Я объ разлукѣ не хотѣла
Сама заговорить; но къ ней
Прижалась, какъ сестра родная...
И мы сидѣли такъ, рыдая —
И слезы лились изъ очей.
Да, Варенька, въ ребенкѣ взросломъ,
Въ ней, Вѣринькѣ, есть много чувствъ

Простыхъ, нетронутыхъ несноснымъ
Приличіемъ. Но имъ разцвѣсть
И принести плодъ драгоцѣнный
Не суждено, какъ пальмѣ той,
Что тосковала безъ родной,
И не цвѣла, и плодъ безцѣнный
Не приносила; иль онѣ,
Таясь въ душевной глубинѣ,
Были смоковницей безплодной?..
У корня ихъ сѣкиры нѣтъ,
И отъ чего-бъ не цвѣсть свободно?
Цвѣтите же, да видитъ свѣтъ
Роскошный цвѣтъ и плодъ обильной.
Я не заснула ни на часъ,
Душа такъ волновалась сильно,
Душа болѣла. Ужь погасъ
Ночникъ; ужь день свѣтилъ осенній
Въ просвѣтъ закрытаго окна;
Ужь дворня поплелась къ обѣдни;
Уже бранилася со сна
Моя мэтрессъ въ своей уборной,
И день начался прежній, чорный,
Рабочій день, и я одна
Съ больной душой и головою
Пошла тревожною стопою
И думала: пора, пора!
Сошла я внизъ; передо мною

Старушка мамушка: «Вчера
Забаялась всю ночь съ тобою,
То есть, боярышня моя.
Послушайся меня ты старой,
Не прогнѣви. Охъ, на меня
За это-жъ прогнѣвались бары.
Холопкѣ, мнѣ идти нельзя
По ихъ по разуму, примѣру.
Да и за чтоже мнѣ-то Вѣру
Ильинишну корить? Дитя
Безъ матери, что, знашь, цыпленокъ
Безъ клушки; коршунъ-то злодѣй
Подцѣпитъ сразу. Я за ней
Блюла вѣдь почитай съ пеленокъ,
Да, знать, пришла не къ нраву имъ,
Аль натрещала имъ трещотка,
Анисья, слышь, а мнѣ находка.
Прогнѣвались, да въ избу къ нимъ,
А къ барышнѣ Анисью. Знамо,
Та съ ней того, сего, упрямо:
«И не молись-то о родной,
Не будь и грустною такой».
Молчитъ да молится, слышь, Богу,
И свыклась, свыклась понемногу
Съ судьбой, кручиною. Что взять!
Вѣдь мачиха не то, что мать!»
И вотъ старушка говорила,

И о покойной, и о томъ,
Какъ баринъ былъ-то женихомъ.
Я слушала и сердце ныло.
Потомъ она заговорила
И о женитьбѣ на второй,
И многое пораэсказала:
Какъ не поладилъ онъ сначала
Въ имѣньи съ этою женой,
Пока имѣнье бѣдной Вѣры
Онъ не прибралъ къ своимъ рукамъ,
И въ спекуляціи, въ аферы
Да въ откупы пустился самъ,
Не чувствуя иныхъ призваній.
Жена же положила грани
Любви родительской отца
Въ потомствѣ новаго вѣнца,
И каждый годъ дѣтей рожала.
За тѣмъ старушка разсказала
О братѣ Вѣры, какъ онъ росъ,
Какъ выросъ, какъ его вписали
На службу, только что подросъ,
И какъ его и въ полкъ послали.
« И вѣдомо что тамъ разбой...
Не люди, слышь ты, все, де, воры,
И ужь земля то! — Горы, горы
Да горы... Вишь ты край какой!
Куда ему! — И росъ-то хилымъ,

И вырость-то себѣ немилымъ;
Чай, ужь давно въ землѣ сырой,
Чай, свидѣлся съ своей родной!..
Охъ, старость, старость! Наболтала!
Прости, родная, да ступай.
Да береги, не выдавай
Ее голубку!» Утирала
Старуха дряхлою рукой
Слезу, и неся шумъ изъ зала,
И шорохъ ногъ, и скрипъ дверей.
Прислуга тѣнями мелькала,
Я поплелася въ-слѣдъ за ней.
Но это трупа оживленье
Было мгновенно; тишина
Опять, какъ въ гробѣ. Я одна
Въ раздумьи, въ грусти и сомнѣньи
Стояла! голосъ мнѣ вторилъ:
Останься, будь ей во спасенье,
Храни начатокъ юныхъ силъ,
Будь ей заступницей, сестрою!
Задумавшись, въ очахъ съ слезою,
Стою, гляжу на этотъ домъ,
Гляжу и страшно какъ-то снова.
Могила, гробъ и смерть во всемъ —
И я опять бѣжать готова.
Кчему я имъ? На что я имъ?
Во мнѣ такъ жизни много, много!

Цвѣтокъ надъ склепомъ гробовымъ,
Ты разцвѣтешь, но не надолго!
Лишь холодъ на тебя дохнетъ,
Лишь прикоснется только тлѣнье,
И цвѣтъ твой слабый опадетъ,
И тѣ листочки разнесетъ
Нежданной бури дуновенье.
Но чтожъ я медлю? Въ комъ и въ чемъ
Я вижу должное участье?
Меня не баловало счастье;
Отецъ не былъ откупщикомъ,
Мать не красою, а трудами,
Заботой, добрыми дѣлами
Украсила всю жизнь свою...
И не стыжусь я, не краснѣю,
Въ душѣ моей благоговѣю,
Объ нихъ молюсь и слезы лью»!

« Ну, Варенька, нашъ домъ проказникъ!
Полвѣка онъ ветшалъ, старѣлъ —
И вдругъ, представь, помолодѣлъ.
У насъ что день, то новый праздникъ,
Огромный съѣздъ гостей, родныхъ.
И такъ наивно, и такъ мило!

Съ улыбкой спросишь ты: чтожъ ихъ
Нечаянно такъ оживило?
Отвѣчу: первое — пріѣздъ
Ихъ сына старшаго съ Кавказа,
Второе — свадьба, и два раза
Съѣзжался, право, весь уѣздъ.
Обѣдъ роскошный, ужинъ бальный,
Отъ князя музыка и хоръ,
Что день, то вечеръ танцовальный,
Красавицъ здѣшнихъ полный сборъ,
Столичный магазинъ нарядовъ,
Базаръ остротъ, улыбокъ, взглядовъ —
И я насытила мой взоръ,
Я любопытство истощила.
Какъ все наивно, какъ все мило!
Здѣсь, между чопорныхъ гостей,
И стариковъ, и молодежи,
Старушекъ, барышень, дѣтей,
Отцовъ, супруговъ, матерей,
Меня представили Сережѣ.
Ты спросишь: кто? Сестра твоя.
Сергѣй Михайлычъ — мужъ отличной,
Отецъ примѣрный, и себя
Ведетъ, какъ слѣдуетъ, прилично,
Свободу далъ женѣ своей
На-счетъ и дѣтокъ и людей,
А самъ въ отъѣзжемъ полѣ съ дядей;

Пьетъ, ѣстъ, и больше все молчитъ.
За-то она ужь говоритъ
Безъ умолку, и растолстѣла,
Какъ типъ хозяекъ и всѣхъ женъ.
Глядишь и видишь—масса тѣла!
Но этой массой онъ смиренъ.
Я ихъ спросила о старушкѣ:
« Въ усадьбѣ маменька живетъ,
И съ нею двѣ наши рѣзвушки—
Зизи и Фанничка, а вотъ
Жули—Сережи фаворитка».
Я поглядѣла: что за видъ!—
Въ прическѣ съ рожками улитка,
Ползетъ и пошло такъ глядитъ.
« Старушка будетъ очень рада,
По прежней дружбѣ, вамъ».—Merci.
« Сергѣй Михайлычъ, попроси».
Вся холодность, вся пошлость взгляда
Не ускользнула отъ меня.
Но я взглянула гордо, смѣло.
Да мнѣ до нихъ какое дѣло! —
Безъ приглашенья буду я,
Напомню о тебѣ, узнаю,
Перемѣнилась ли она.
О, какъ я мучусь, какъ грустна,
Какъ я сердита, какъ страдаю!
Я разузнала стороной

От мамушки твоей, Сергѣвны,
Какъ у Авдотьи Алексѣвны
Зрѣлъ умыслъ, какъ сынокъ родной
Помогъ, устроилъ похищенье,
Женился, пріобрѣлъ имѣнье
И отдалилъ васъ клеветой.
Но я наговорила много.
Меня зовутъ, и не надолго
Прощусь я, Варенька, съ тобой».

« Ты спрашиваешь: что за диво!
Женихъ какъ будто съ облаковъ!
Какъ въ мелодрамѣ, братъ готовъ!
Судьба играетъ прихотливо.
Два года не было вѣстей;
О братѣ вовсе позабыли,
И Вѣрочку ужь сговорили
За одного изъ тѣхъ людей,
Которымъ интересъ основа
Всей жизни и всѣхъ мелкихъ дѣлъ;
Онъ цѣль ея, онъ и предѣлъ,
И ихъ душа на все готова,
Когда условимся душой
Назвать желанья и стремленья

Къ всегдашней цѣли и одной—
Возможнаго обогащенья
Наслѣдствомъ, бракомъ и родствомъ.
Попалася бѣдняжка Вѣра!
Отецъ поладилъ съ женихомъ,
И вышла славная афера,
Какъ говорили, говорятъ.
Умри тогда у Вѣры братъ,
И что ей шло, то поступало
Отцу и мачихѣ. Ни мало
Не безпокоилась она.
Она, дитя, не понимала,
Иль до того была грустна
Вся жизнь ея и безнадежна,
Что бракъ и сдѣлку на себя
Считала, бѣдное дитя,
Стезей прямою и надежной
На волю вырваться изъ рукъ,
Минуту подышать, мгновенье,
И столько слезъ, и столько мукъ
Забыть на мигъ освобожденья.
Я горько плакала объ ней,
Я тайну сердца разгадала,
Я говорила, умоляла
Наперекоръ судьбы своей
Нейдти, пождать; еще есть время.
А время шло, и съ каждымъ днемъ

Готово было брака бремя
Навѣкъ тяжелымъ лечь вѣнцомъ,
И долу преклонить головку;
Она-жъ глядѣла, какъ глядитъ
Дитя на первую обновку,
И не былъ затаенъ и скрытъ
Восторгъ и дѣтское влеченье
Въ замужствѣ къ волѣ дорогой,
Хоть на лицѣ ея порой
Мелькало облачкомъ сомнѣнье.
Ахъ, Вѣра, Вѣра, берегись!
Обманчивы надежды наши.
Ты жаждешь, но изъ полной чаши
Не пей, лишь до краевъ коснись,
И утоли тѣмъ пылъ сердечной
И жажду каплею одной.
И Вѣра такъ простосердечно
Въ бесѣдѣ дружеской, простой,
Мнѣ открывалася, случайно
Бродили-ль въ комнатѣ однѣ,
Или въ саду наединѣ
Встрѣчалися, условясь, тайно.
Разъ были какъ-то всѣ въ гостяхъ
И дѣти младшія со мною
Остались. Я тогда больною
Сказалась имъ; но, право, страхъ
Какъ захотѣлось быть съ дитею,—

Съ моею Вѣрою одной.
И вотъ мы въ садъ, рука съ рукой,
Пошли, и по саду мы долго
Ходили вмѣстѣ. Садъ темнѣлъ,
Лучъ погасалъ, день вечерѣлъ.
Наговорились мы такъ много,
А все хотѣлось побродить,
Хоть часъ еще поговорить.
Ужь трепетно ночныя тѣни
На пожелтѣвшій листъ легли,
Когда мы къ дому подошли,
По лѣстницѣ поднялись въ сѣни...
Вдругъ колокольчикъ; ближе звукъ,
И топотъ лошадей, и стукъ
Колесъ. Мы въ дверь. Шаги въ гостиной.
Для чувства нѣтъ ни рѣчи длинной,
Ни лишнихъ фразъ, ни лишнихъ словъ.
Съ Кавказа братъ совсѣмъ нежданно
Пріѣхалъ. Онъ изъ тѣхъ полковъ
Отпущенъ на воды за раной.
И какъ хорошъ онъ, какъ хорошъ!
Рука на перевязи черной,
Улыбка, взоръ и голосъ томной.
На Вѣрочку съ лица похожъ;
Но есть иное выраженье
Во всѣхъ движеньяхъ и чертахъ,
Въ улыбкѣ, въ голосѣ, въ словахъ.

Прошла минута увлеченья,
И мы опомнились. Съ нимъ былъ
Товарищъ. Къ матери старушкѣ
Онъ ѣздилъ; день другой гостилъ, —
И мы какъ дѣвушки-рѣзвушки
Словами закидали ихъ
Про жизнь за этими горами,
И грустно, грустно передъ нами
Мелькнули мать, отецъ, женихъ,
И сердце сжалося тревогой,
Предчувствьемъ горестнымъ, тоской,
И Вѣра на меня такъ долго
Глядѣла на очахъ съ слезой
И передумала такъ много.
Всю ночь насъ занималъ Кавказъ,
Пріѣздъ нежданный, гость нежданный,
И не спалось, и встали рано.
О, сколько разъ, о, сколько разъ
Я вспоминала то свиданье!
Передо-мной братъ и сестра...
И поцалуи, и рыданья...
О, сколько разъ!.. Прости, пора!
Пора! Слезою взоръ тускнѣетъ,
Рука дрожитъ, перо слабѣетъ.
Я за себя теперь страшусь,
Я за себя молюсь, молюсь!»

« Какъ увлекателенъ разсказъ
Про этихъ горцевъ, про Кавказъ,
Про эти снѣговыя горы,
Что вознесли до облаковъ
Пять главъ и пять своихъ вѣнцовъ!
Туда душа, туда и взоры!
Земля тамъ дальше, ближе Богъ.
И громоздятся исполины
Вершиной грозной на вершины,
Не чуя ни войны тревогъ,
Ни звѣрскихъ дикаря набѣговъ,
Все тѣжъ спокойные въ громахъ,
Съ челомъ въ вѣнцѣ изъ вѣчныхъ снѣговъ,
Съ утесами на раменахъ,
И поясъ по чреслу широкой—
Равнины, пропасти, лѣса,
И скалы въ безднахъ и потоки.
Тамъ жгучи солнцемъ небеса
И хладны такъ онѣ луною.
Передъ каминомъ, вечеркомъ,
Сидимъ мы часто вчетверомъ:
Я, Вѣра — съ трепетной душою,
Они-жъ спокойны, и разсказъ
Идетъ: и горцы, и Кавказъ,

И ихъ стоянки, и походы
На бой, на смерть за мигъ свободы,
За волю дикую свою —
И смерть желанная въ бою.
Все это въ ихъ простомъ разсказѣ
Картиной вѣрной и живой
Рисуется передо мной,
И я мечтаю о Кавказѣ,
Объ этихъ горцахъ-дикаряхъ,
О жизни вольной на горахъ,
И, замечтавшися порою,
На брата Вѣры долго я
Гляжу съ отрадною тоскою,
И онъ украдкой на меня,
Но взглянетъ пламенно, любовно.
И мигъ, и этотъ мигъ безмолвно...
И замечтались мы вдвоемъ...
И Вѣра, наклонясь челомъ,
О чемъ-то сладостно мечтаетъ,
И гость невольно прерываетъ
Свой увлекательный разсказъ,
Съ улыбкою глядитъ на насъ,
Ей улыбается привѣтно,
И весело, и незамѣтно
Часы летятъ, и дни летятъ.
Проходитъ время дорогое,
Пройдетъ и долго-ль погостятъ

Мечты и дѣтство золотое?
Да, дѣтство, дѣтство въ двадцать лѣтъ,
Когда вновь сердце молодѣетъ,
Все улыбается, свѣтлѣетъ,
Все краше въ мірѣ, въ небесахъ,
Все въ людяхъ лучше и добрѣе,
Все веселѣе, все живѣе
И сякнутъ слезы на очахъ!»

—

«Вчера прислалъ женихъ съ отказомъ,
И всѣ заговорили разомъ:
И виновата-то сама,
И братецъ-то сошелъ съ ума.
Что имъ? Не принца ли какова?
Да что-же смотритъ Бирюкова?
Да и отецъ-то что глядитъ?
Но братъ смѣется и молчитъ,
Что день, невѣста веселѣетъ,
Что день, пиры и вечера
До поздней ночи, до утра,
И домъ нашъ старый молодѣетъ,
Хоть и идетъ вездѣ молва,
Намеки, толки и сужденья,
И злыя рѣчи и слова:

« Вотъ вамъ приличье, поведенье!
Вотъ вамъ и модный, то есть, домъ,
И гувернантка, и ученье!
Вчера простилась съ женихомъ,
И что-жъ? грустить, стыдиться стала?
Какъ-бы ни въ чемъ и не бывала!
Съ пріѣзжимъ, слышно, день-деньской,
Съ пріѣзжимъ вечеръ, то есть, цѣлой
И при гостяхъ и, эдакъ, смѣло.
А онъ-то, нутка, кто такой?
Такъ, офицерикъ тожъ съ Кавказа,
И навѣстить пріѣхалъ мать,
И навѣстилъ и къ нимъ опять.
Его я видѣла два раза:
Ну, просто голь, то есть, гольемъ ». —
И толки и молва о томъ
Растетъ, растетъ и выростаетъ.
И въ жизни такъ всегда бываетъ,
Все тѣ-же толки, судъ людской:
Худое вторится молвой,
Хорошее-же умираетъ ».

« Не отгадаешь ты, гдѣ были
Сегодня мы. Постой, постой,

Я разскажу. Вчера рѣшили
Проститься съ долгою зимой.
Свѣтлѣло солнышко весною,
Залетный жаворонокъ пѣлъ,
И вѣтерокъ уже теплѣлъ.
Былъ день — пролей кувшинъ съ водою,
Какъ говорятъ, иль — рѣки съ горъ.
Мы въ пошевняхъ, и быстро, бойко
Неслись. Тонулъ въ пространствѣ взоръ,
И хрупкой снѣгъ хрустѣлъ подъ тройкой,
И брызги били изъ-подъ ногъ.
Ужь въ небѣ солнце ободнѣло,
И поле снѣжное блестѣло,
Да церкви крестъ не вдалекѣ.
Спустились быстро мы къ рѣкѣ,
Поднялись тихо косогоромъ,
И вотъ усадьба передъ взоромъ.
Старинный домъ, старинный садъ,
Пристроекъ разныхъ цѣлый рядъ:
Овины, житницы, амбары,
Свѣтелки, избы, сѣновалы,
И скотная, и птичный дворъ,
И покачнувшійся заборъ,
И вѣчно съ барскими ключами,
Нагнувшись, сгорбясь, прямо къ намъ
Сергѣвна и Петровичъ самъ
Явился съ дворней передъ нами.

Почтительно онъ шапку снялъ,
Онъ скобкою потрясъ смышленно,
Потомъ въ затылкѣ почесалъ,
Затѣмъ провелъ онъ насъ безмолвно
Къ старушкѣ барынѣ своей.
Старушка Вѣрочку узнала,
Узнала брата: «вѣдь дѣтей
Знавала, на рукахъ носила,
Съ покойницей хлѣбъ-соль водила.
Ну, что отецъ-то, Вѣра, твой?
Что мачиха? что братья, сестры?
А этотъ-то? ахъ, Боже мой!
Знавала: вотъ онъ былъ какой!
Да и блажной, да и преострый,
Какъ эта, Анночкина, дочь!»
Она на внучку указала,
Задумалась, слеза блистала
Въ глазахъ и, горе превозмочь,
Старушка, силясь, зарыдала.
Было ли то воспоминанье,
Иль грусть, созрѣвшая въ тиши,
Или раскаянье души,
Иль затаенное страданье
Жилицы временной земли?...
Мы отъ старушки отошли,
Мы дали ей поплакать въ волю.
Жизнь въ произвольную неволю

На старость лѣтъ обречена,
Раскаяньемъ свѣжа, полна.
Я къ ней вернулась не надолго.
Вполнѣ сочувствовала я,
И, въ жизни передъ ней дитя,
О жизни я мечтала долго,
О связяхъ, обществѣ, роднѣ,
И закипѣла желчь во мнѣ —
И сердце сжалося тревогой.
Задумалась я о себѣ
И о тропинкѣ неширокой,
По коей я идти должна.
Она скользка, она страшна,
И я вздохнула такъ глубоко!
Къ клавишамъ Вѣра подошла
И подъ рукою звукъ нетвердый
Сливался въ громкіе аккорды,
И комната вмигъ ожила,
И съ нею братъ за клавикорды,
И полился за звукомъ звукъ
Подъ гибкой быстротою рукъ,
И пѣсня голосомъ вторилась,
И новый Вѣрочкинъ женихъ,
За кресломъ стоя, слушалъ ихъ.
А здѣсь Сергѣвна суетилась,
Прислуга ставила на столъ
Закуску — завтракъ жирный, сытый.

Однѣ мы были позабыты,
И разговоръ у насъ зашелъ
Про пансіонъ и про столицу.
Застѣнчивую ученицу,
Подругу Вареньки своей,
Она теперь во мнѣ узнала,
Объ васъ спросила, замолчала...
И слезы лились изъ очей...
Я съ сожалѣніемъ глядѣла,
Всю волю я дала слезамъ,
И мамушка подсѣла къ намъ.
Она такъ въ грусти постарѣла,
Такъ изветшала, похудѣла;
Но все-жъ съ заботой обо всемъ.
Всегда съ ключами, подъ платкомъ,
Повязана на двѣ косицы,
И подъ присмотромъ тѣжъ дѣвицы;
И объ тебѣ она тайкомъ
Груститъ, и плачетъ, и вздыхаетъ:
« Родная, Господи ихъ знаетъ,
Сгубили-то за что? про что?
А ужь въ Москвѣ-то горя много
И съ горя захирѣть недолго.
Да и какое тамъ житье!
Ни хлѣба своего, ни птицы,
Ни сливокъ-то, ни молока!
Бывало, сѣнныя дѣвицы

Живали. Ну, долить тоска,
Ну, просто, умирай со скуки,
И деньгамъ, и всему тамъ счетъ,
И не грѣшно-бъ коли, такъ вотъ
Съ печали наложилъ бы руки.
Охъ, охъ, дитя, мое дитя!
Да въ чемъ же прогнѣвила-тъ я?
За что на насъ ты огорчилась?»
Слезами мамушка залилась.
Я съ грустью слушала её;
Едва, едва не зарыдала,
Когда невольно вспоминала
И твой отъѣздъ, и все, и все —
И клевету, и стыдъ, и ропотъ,
Насмѣшки ядъ и злобы шопотъ,
Ко всѣмъ довѣрчивую мать,
Сестру съ интригою лукавой,
И бой послѣдній, бой кровавой,
Иль жить тебѣ, иль умирать».

« Два дни прошло, какъ изъ Покрова
Мы всѣ пріѣхали домой,
И я скучаю, нездорова,
Больна тревожною душой;—

Мнѣ грустны эти впечатлѣнья,
Молва людская, общій слухъ,
Людей безжалостныхъ сужденья,
Воспоминаніе старухъ,
И даже этотъ домъ забытый,
И этотъ дворъ, и этотъ садъ
Печальны, грустны на мой взглядъ.
Въ нихъ будто радости зарыты
Какъ въ склепѣ тихомъ, гробовомъ.
И я объ этомъ объ одномъ
Теперь грущу, теперь мечтаю.
Спаси меня! спаси меня!
Я такъ страдаю, такъ страдаю,
И духомъ такъ упала я!
О, Варенька, дай руку, руку!
Дай помощь дружескую мнѣ,
И успокой ты сердца муку
И пожалѣй ты обо мнѣ!»

«Я не писала десять дней,
И не отъ лѣни, не отъ лѣни,
Отъ празднествъ, суеты, гостей
И отъ избытка наслажденій.
Здѣсь dolce far niente нѣтъ;

Запятій тьма, тьма развлеченій :
То долго тянется обѣдъ,
То полька въ ражѣ до разсвѣта.
Ложусь въ постель полураздѣта —
И олимпійская игра
Мерещится мнѣ до утра,
И силюсь ускорить шагъ бѣга.
Трепещетъ сердце, рвется вонъ ;
Въ усталыхъ членахъ — лѣнь и нѣга,
И поздно, поздно на балконъ
Я выхожу вздохнуть прохладой,
Омыться раннею росой.
Порхнула птичка надо мной...
Я не боюсь, я рада, рада,
Что люди спятъ, что я одна,
Что это тихое мгновенье,
Что это жизни усыпленье,
Что эта жизни тишина —
Одной лишь мнѣ, и я такъ вольно
Вдыхаю свѣжесть — и невольно
Склонилась на руку челомъ.
Одинъ лишь мигъ — и сладкимъ сномъ
Забылась я, и безъ мечтаній,
Безъ сновидѣній. Крѣпокъ сонъ !
Блаженъ, кто будетъ пробужденъ
Не суетливостью желаній,
Тщеславья ярмаркой, страстьми,

Себялюбивыми людьми,
А сладкой о семьѣ заботой;
Молитву тихо сотворитъ,
И день обычною работой
Начнетъ, и сердце сохранитъ
Отъ зла, страстей и искушеній!
И падаю я на колѣни,
Молюсь: лукавство отжени,
Отъ міра въ жизни сохрани
И до могилы, до могилы
Въ борьбѣ страстей дай силы, силы!»

«Не ужь-то это вправду было?
Нѣтъ, я не вѣрю! то — мечты,
И голосъ шепчетъ мнѣ: «кто ты,
Что смѣло такъ, самолюбиво
Повѣрила однимъ словамъ,
Его минутному влеченью?
О, какъ близка ты къ обольщенью!
О, какъ довѣрчива страстямъ!»
Но это-жъ было не видѣнье,
Не призракъ, не обманъ, не сонъ!
Земля пріяла обновленье,
Весной былъ воздухъ упоенъ,

Цвѣла черемуха, сирени
Цвѣтныя почки зацвѣли,
И птички въ лиственныя тѣни
Запасъ на гнѣздышко несли.
Былъ чудный день. На небѣ ярко
Свѣтило солнце и блестѣлъ
На всемъ лучъ свѣтлый и не жаркій —
И, взвившись, жаворонокъ пѣлъ.
Мы съ нимъ сидѣли и любовно
Вдыхали теплый воздухъ дня,
И любовались и безмолвно
Внимали пѣсни соловья.
И былъ же мигъ самозабвенья,
И соловей умолкъ въ тотъ мигъ,
И теплый вѣтерокъ притихъ,
И все затихло на мгновенье,
И я очнулася тогда.
Его рука мнѣ руку сжала,
Его грудь тяжело дышала...
И никогда, и никогда
Мнѣ не забыть тотъ взглядъ, столь нѣжный,
Чтò въ сердца глубину проникъ!
Какъ духъ преступный, духъ мятежный,
Онъ предо мной главой поникъ.
Ему-бъ отдать одно участье;
Но я... любовь я отдала...
Я такъ встревожена была,

Я—стыдно!—испугалась счастья.
Но это счастье ли? судьбѣ
Не довѣряю я невольно;
Я вспоминаю о тебѣ
И сердцу тяжело и больно.
Не Провидѣніе-ль само
Послало мнѣ воспоминанья?
Твое послѣднее письмо,
Въ которомъ ты свои страданья
И жизнь замужнюю свою
Мнѣ описала, я читаю,
Читаю я — и слезы лью,
И за себя вдвойнѣ страдаю».

« Два дни не видѣлась я съ нимъ,
Изъ комнаты не выходила.
Напрасно Вѣрочка просила:
Я чувствамъ не дала своимъ
Надежды, обуздала волю,
На своевольную неволю
Жизнь временно я обрекла.
Я медленно сама ждала,
Когда вполнѣ ихъ успокою —
И горько было мнѣ самой.

Борьба на смерть съ моей судьбою...
О, какъ неравенъ этотъ бой!
Но съ ближними, со всей родней,
Я не хочу его поссорить;
Мой долгъ — и сердце успокоить
И совѣсть чистую мою.
И Провидѣнье я молю
Лишь объ одномъ: о, дай терпѣнье!
О, успокой души мученье! —
Я все обдумала вчера...
Чего-же медлю? Мнѣ — пора,
Пора, пока еще есть время,
Покинуть все, и этотъ домъ,...
Унесть съ собою жизни бремя —
И не поникнуть въ прахъ челомъ».

« Я описала бы навѣрно
На-единѣ нашъ разговоръ...
Но будетъ копіей невѣрной...
Какъ передать и этотъ взоръ,
И это страсти выраженье!
Я собрала остатокъ силъ,
Я сердцу молвила: терпѣнье! —
И голосъ тайный похвалилъ,

И смолкла страсть. Но Боже, Боже!
Какъ я рѣшилась, какъ смогла?
Я захворала, не спала
Всю ночь, металася на ложѣ.
Въ воспоминаньяхъ предо мной
Явились мать, отецъ въ укромной
Квартиркѣ нашей, столъ простой,
Простая мебель... Скромно, скромно!..
А здѣсь — богатство, роскошь, знать...
И стала громко я рыдать,
И слезы эти облегчили
Тяжелое въ душѣ моей.
Я вышла тихо изъ дверей.
Здѣсь въ классѣ громко говорили,
О чемъ-то спорили въ слезахъ
Мои питомки, а въ дверяхъ,
Печальный, онъ стоялъ съ сестрою...
На мигъ я чувства успокою,
На мигъ побуду я одна.
Его любовь, его признанье...
Встревожена я, смущена;
Въ очахъ — слеза, въ душѣ — рыданье».

«Мой жребій выпалъ. Рѣшено.

И такъ нежданно, такъ случайно!
Да будетъ то, что будетъ, тайной;—
Свѣтло-ль оно? темно-ль оно?
Кчему мнѣ знать! О, прочь сомнѣнья!
Я довѣряюсь вся судьбѣ! —
Кто въ жизни вѣруетъ себѣ,
Тому дана жизнь не въ мученье,
Въ отраду, въ счастіе, въ покой.
И дивно! — вѣрою моею
Жизнь будущая предо мной
Свѣтла, ясна! Живу лишь ею,
Блаженство предвкушаю я! —
И что-же мнѣ теперь за дѣло,
Что поговариваютъ смѣло,
Что ропщетъ вся его семья,
Что лица вытянулись странно,
Что съ изумленіемъ глядятъ!
Мнѣ выпалъ жребій мой случайно,
И въ чемъ они меня корятъ?
Я не искала Вѣры брата,
Въ родню я не просилась къ нимъ;
Боролась съ чувствомъ я своимъ.
За что-жъ винятъ? въ чемъ виновата?
Въ судьбѣ его? въ судьбѣ моей?
Но пусть ихъ осуждаютъ гласно!..
О, люди, люди! — не напрасно
Чуждалась васъ я съ юныхъ дней!

Въ васъ тотъ же предразсудокъ старый.
Для черни вы все — тѣ-же бары.
« Какъ? гувернантку онъ береть?
Онъ женится, на комъ, Богъ знаетъ!
Да этимъ онъ насъ замараетъ!
Мѣщанка ногу отожметъ!
Да это было ли въ примѣрѣ? »
Досталося и мнѣ, и Вѣрѣ!
Но ты поздравь насъ: конченъ бой
Съ себялюбивою родней!
Сегодня будетъ обрученье...
Поздравь же, Варя, двухъ невѣстъ!
О, сердце бѣдное! терпѣнье!
Не бейся такъ! Ни этихъ мѣстъ,
Гдѣ ты такъ выстрадало много,
Ни крова этого, гдѣ ты
Съ такою билося тревогой,
Средь этой пошлой суеты,
Страшась убійственнаго взгляда,
Я не увижу. Навсегда
Простите грустные года!
О, какъ я, Варя, рада, рада,
Что послѣ свадьбы ѣдемъ мы
Изъ этой каменной могилы,
Изъ этой мертвыхъ душъ тюрьмы!
Опять такъ много — воли, силы,
Такъ много счастья у меня,

Любви, надеждъ, что, право, я
Сержусь на нихъ совсѣмъ напрасно.
Благословляю-жъ этотъ домъ
И выношу въ душѣ неясно,
Чтò испытала прежде въ немъ...
И такъ свѣтло, и такъ отрадно
Воспоминанья о тѣхъ дняхъ,
О тѣхъ мгновеньяхъ, тѣхъ часахъ,
Когда впивала сердцемъ жадно
Любви горячую струю,
Не напиваяся до-сыта.
Да будетъ же все позабыто!
Я о минувшемъ слезъ не лью...
Теперь минутой настоящей
Живемъ мы, дышемъ мы вдвоемъ —
И для души многолюбящей
Нѣтъ сожалѣній ни о чемъ,
Нѣтъ горькаго воспоминанья!..
Прости же, Варя, до свиданья,
Прости, не отвѣчай письмомъ».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Возвращение къ прежнему. — Смерть Анны. — Недоконченное письмо Пошехниной. — Болѣзнь ея. — Предсмертныя страданія Вареньки Пошехниной и слово сочинителя къ читателю въ четвертой и послѣдней части.

Читатель, видите, идетъ
Разсказъ мой скоро и впередъ
Импровизаціей спокойной,
И время мнѣ героевъ шлетъ.
Я замѣчаю, все въ немъ стройно,
Все какъ должно, благопристойно.
Не уклонюсь же и на часъ
Отъ жизни ихъ правдоподобной
И буду излагать разсказъ,
Безъ поэтическихъ прикрасъ,
Безъ мелодрамы и свободно.
Начнемъ. Въ Москвѣ есть домикъ скромной

Въ приходѣ Спаса у Креста,
Въ той улицѣ, что̀ такъ пуста,
Не многолюдна такъ жильцами.
Припомните, когда-то съ вами
Мы были въ домикѣ давно.
Не измѣнился-ль онъ? все тотъ-же,
Но только Анны нѣтъ въ прихожей
И какъ-то въ горенкахъ черно,
И слышенъ чей-то голосъ хриплый...
То—по усопшему молитвы
Читаетъ на-распѣвъ дьячекъ,
Да кто-то, скромно въ уголокъ
Забившись, плачетъ горько, горько,
И слышенъ женскій голосъ: « только? »
— Да только и досталъ. « Какъ быть? »
— Не плачь. « Я не могу забыть ».
— Да, это правда, съ нами рано
Она простилась; но пора
Къ судьбѣ привыкнуть. « Я вчера
Одна сидѣла съ нею, съ Анной,
Забылась къ утру и безъ сна
День цѣлый. Ей полегче стало.
Сама приподнялась она,
И въ изголовьи все искала
Чего-то. Подошла я къ ней;
Я обняла ее любовно.—
« —Родная, вишь ты! что-ты? словно

Ты плачешь? Ласочка, эхъ-ма!
Возьми-жъ, родная; я сама
Крестовикъ на нужду хранила.
Его покойница дала.
Она меня куды любила!
Да вотъ нужда свое взяла.
Не поперечь же мнѣ, родная,
Ни, ни, ни, ни! Не поперечь!
Да и куды его беречь?
Я хилая, да, я такая...»
И вотъ склонилася опять
На изголовье; но глядѣла
Свѣтло и весело; хотѣла
Какъ будто что-то передать:
Свои послѣднія желанья
Свои послѣднія слова...
На грудь склонилась голова,
И устремился взоръ прощанья.
Стояла долго я въ слезахъ...
И думалось мнѣ: «мать родная
Не лучше любитъ!..» — И, рыдая,
Умолкла, только въ-головахъ
Усопшей голосъ монотонный
Былъ слышенъ. Чтецъ творилъ поклоны
И снова продолжалъ читать.

Ужь стало на дворѣ мерцать,

Ужь вечеръ, и ночныя тѣни
Сливались въ сумракъ, въ полусвѣтъ,
Готовя всѣмъ ночной привѣтъ,
Когда, упершися въ колѣни
Локтями на скамьѣ простой,
Отяжелѣвшей головой
Онъ наклонился. Сонъ неровной
Смежилъ рѣсницы сонныхъ глазъ.
Чтецъ засыпалъ уже не разъ
Надъ тѣломъ мертвеца спокойно.
Ужь мѣсяцъ заглянулъ лучомъ,
Какъ бы стыдясь чего, въ окошко;
Свернувшись на окнѣ кольцомъ,
Покоилась сиротка-кошка,
И грязныхъ занавѣсъ клочки
Спустились странной драпировкой
По сторонамъ, гдѣ пауки,
Гнѣздясь, съ стараніемъ, съ сноровкой
Заткали дыры по мѣстамъ.
Пять ветхихъ стульевъ тамъ и тамъ
Лѣпились къ стѣнкамъ, безъ подушки
Стоялъ разломанный диванъ,
Подсвѣчникъ, двѣ безъ ручекъ кружки,
Три блюдечка, одинъ стаканъ,
Столъ ветхій, пяльца безъ работы,
На пяльцахъ пыли слой густой,
Нетронутый ничьей рукой,

Какъ будто не было заботы
И пыль стереть.

Все въ домѣ спитъ.
Одна заснула ужь навѣчно,
И передъ ней свѣча горитъ —
Подобье жизни скоротечной;
А у другихъ тревожный сонъ
Недологъ и, быть можетъ, онъ
Иль слѣдъ трудовъ и изнуренья,
Иль слѣдъ нужды, самолишенья,
Иль проведенныхъ долгихъ дней
Въ недугахъ тяжкихъ и въ снисканьи
Себѣ дневнаго пропитанья,
Но безъ пособья отъ людей:
И вотъ, заснувъ на жесткомъ ложѣ,
Они проснутся для того же,
И позавидуетъ живой
Покойницѣ въ душѣ невольно.
Ея ненарушимъ покой —
И ей не тяжело, не больно;
Она въ объятьяхъ вѣчныхъ сна.
Но что-жъ оставила она
На память этой жизни долгой?
Такъ, ничего... Она была
Служанка, у господъ жила,
Вела себя въ хозяйствѣ строго,

Хворала долго, умерла.
На память жизни такъ немного,
Немного, да! Пора пришла,
Душа старушки побрела
На костыляхъ къ тому покою,
Что всѣхъ насъ ждетъ, лишь мы не ждемъ,
И въ кости мечемъ мы съ судьбою —
И припѣваючи живемъ.
А завтра по билету слуха
Двѣ попрошайки да старуха
Прійдутъ на выносъ тѣла въ домъ.
« Ахти !» начнетъ старуха : «рано
Покинула ты насъ, мой свѣтъ !» —
— А сколько, слышь, покойной лѣтъ ?
«Родилась въ морѣ». — Звалась какъ? «Анной».
Помолятся онѣ, а тамъ
И разбредутся по домамъ.
И вотъ могилка на кладбищѣ,
То — новый вѣчный аннинъ домъ,
То — скромное ея жилище
Подъ насыпью и подъ крестомъ.
И только? — Только. Что-жъ вамъ надо?
Чтобъ бронза, мраморъ былъ на немъ,
И надпись пышно за оградой
Хотя такая : «милый другъ,
Покинувъ временный міръ грѣшный,
Почій ты мирно ! Неутѣшный,

Льетъ горьки слезы твой супругъ,
И будетъ лить?» или такая:
«Была для насъ ты мать драгая,
О, призри съ небеси сиротъ?»
Но неутѣшный мужъ живетъ
Давно съ супругою другою,
А усиротъ душъ до пятьсотъ!
Когда бы къ вѣчному покою
Раба и Анна отошла,
Оставя громкое наслѣдство,
Тогда и надпись бы была,
И памятникъ, и все сосѣдство
Къ ней напросилось бы въ родню,
И помянуть были-бъ готовы.
Теперь нѣтъ никого. Еловый
Гробъ на столѣ, противъ дверей
Дьячекъ заснулъ, и спятъ тревожно
И Варенька и мой герой.
Огарокъ свѣчки восковой
Ужь догорѣлъ, и свѣтъ дневной
Въ окно прокрался осторожно.

Герой очнулся. Онъ глядитъ:
У гроба Варенька стоитъ,
Вперивъ на Анну взоръ свой томный,
И голосъ хриплый, монотонный,
Давно умолкъ — и тихо все,

И нѣтъ прислуги у неё.
Давно-ль она принаряжала
На праздникъ жизни? а теперь
Годъ миновалъ, ея не стало
И настежъ распахнули дверь,
И вынесли ужь гробъ досчатый,
И память вѣчную поютъ,
На дровни ставятъ и везутъ,
И мимо бѣдный и богатый
Торопятся пройти скорѣй,
И Варя, полостью саней
Укрывшись, ѣдетъ въ-слѣдъ за гробомъ,
И съ нею рядомъ мой герой,
И провожаютъ молча оба
Слугу на вѣчный упокой,
И проводили — и въ укромной
Свой домикъ Варенька вошла.
Въ немъ Анна будто не жила.

« Быть можетъ, я въ послѣдній разъ
Беру перо. Дрожатъ такъ руки,
Такъ грудь стѣснило. Сердца муки
Не вынесть мнѣ, и каждый часъ
Я жду, что сердце разорвется,
Что хлынетъ кровь моя ручьемъ.
О, какъ трепещетъ! о, какъ бьется
Оно! Пора, давно пора!

Я пріобщилася вчера;
Я тайну сердца разсказала —
И съ глазъ упало покрывало.
Кого-жъ винить? его? себя?
Онъ виноватъ, не права я;
Но я ему за все прощаю:
За то, что жизнь онъ не сберегъ,
Что онъ, какъ я, любить не могъ,
Что низко палъ. О, знаю, знаю,
На что растратилъ чувства онъ,
Чѣмъ въ жизни былъ такъ обольщенъ!
А вѣдь могло бы быть иное...
Какое счастье роковое!
Какой ужасный жребій мой! —
Теперь бесѣдую съ тобой
О жизни, а въ глазахъ — могила,
О счастьи, а для счастья сила
Растрачена давно, давно,
И счастья въ жизни не дано,
Какъ не дано мнѣ въ жизни друга...
Я не супруга, не супруга;
Но чувствую, меня гнететъ
Любви моей безумный плодъ,
И сердце трепетное бьется,
И замираетъ, и опять
То кровь начнетъ кипѣть, пылать,
То въ сердцѣ холодъ разольется.

Дитя, ты лучше не родись!
О, сердце сердце! разорвись!
Изсякни жизнь! тебя не надо.
Какъ я довольна! какъ я рада,
Что смерть невидимо идетъ,
Что жизнь простилася со мною.
Я жду, конецъ мой настаетъ,
И смѣло я иду къ покою
Невозмутимому ни чѣмъ,
И въ мірѣ, здѣсь, прощаю всѣмъ...»

Она склонилась къ изголовью,
Взглянула, грустная, съ любовью,
Писать хотѣла; но рука
Ослабла... Пламя ночника
Ужь гасло, и тянулись тѣни...
И опустилась на колѣни
У ложа жесткаго она,
Молитвой, вѣрою полна.
Вдругъ поднялась, уста шептали
Молитву теплую, внимали
Молитвѣ этой въ небесахъ.
Но то было одно мгновенье...
Опять потухъ огонь въ глазахъ,
Всѣ члены сжало омертвѣнье,
И хладный потъ, и кровь ручьемъ
Изъ сердца хлынула на ложе,

И прошептала внятно: «Боже!»
Склонилась и забылась сном.

Былъ легкій утренникъ. Морозъ
Едва подернулъ слоемъ лужи.
Ужь въ огородахъ много лозъ
Пустили почку, уже стужи
Канунные настали дни,
И отеплѣли ужь они;
Уже рѣка русломъ чернѣла,
Закраинами облилась,
И къ ней гурьба зѣвакъ сошлась
И зорко на рѣку глядѣла.
Всѣ поджидали скорый взломъ,
И дѣльный толкъ вели о томъ,
И расходились, поспѣшая
На рынокъ. Тамъ была иная
Картина новая, живая,
Картина въ рамочкѣ простой.
Ея не видя, стороной
Брелъ Пошехнинъ въ свою квартиру,
Туда, гдѣ въ упряжи простой
Стояла лошадь и калитку
Врачъ частный отворялъ съ трудомъ.
Онъ въ-слѣдъ за нимъ. Онъ осторожно
Къ кровати подошелъ. Потомъ
Взглянулъ въ лицо врачу тревожно.

Врачъ медлилъ. Видѣлъ онъ печать
Кончины на челѣ высокомъ,
Въ глазахъ, что впали такъ глубоко.
Взглянулъ печально на кровать,
И выглянула нищетою
Вся жизнь во всемъ, и головою
Онъ грустно, грустно покачалъ;
На попеченіе сидѣлки
Оставилъ, ничего не взялъ.
Подъ-вечеръ добрыя сосѣдки
Зашли провѣдать о больной,
И вышли, только-что больная
Забылась. Тихою стопой
За ними вышелъ мой герой,
И воцарилась гробовая
Въ забытомъ домѣ тишина,
И бодрствовала лишь одна
Сидѣлка.

. . .

Рано, мимоходомъ,
Всѣ видѣли, что онъ стоялъ
У Иверской въ толпѣ съ народомъ,
Молился горько и рыдалъ.
Ужь отошло въ церквахъ служенье,
Икону повезли къ больнымъ
Во здравіе и въ исцѣленье.
Онъ медлилъ. Тихо передъ нимъ

По улицѣ брела слѣпая
Старуха, сгорбясь надъ клюкой,
И съ провожатой молодой
Вошла въ часовню, и, рыдая,
Молилась. Много, много лѣтъ
Сбиралась совершить обѣтъ,
Придти издалека къ святынѣ.
Обѣтъ свершенъ. Она отнынѣ
Уже готова на покой.
« Веди, прощуся я съ родной ! »
И побрела старуха бодро
За провожатою своей,
И онъ въ-слѣдъ ихъ стопой нетвердой
Пошелъ поодаль всѣхъ людей.

Такъ шли они, и торопливо
Не озираясь, ни о чемъ
Не говоря. Пришли втроемъ.
Калитка скрипнула лѣниво.
Къ тому же дому, въ тотъ-же мигъ
Коляска мчалась четвернею.
У дома стукъ колесъ затихъ,
И Наденька въ очахъ съ слезою
Въ-слѣдъ за мущиною вошла.
Она печальна такъ была !
Иль предузнала часъ разлуки ?

Или она своей душой
Душѣ сказалася родной? —
И за хладѣющія руки
Она взяла, вперила взоръ,
И дологъ былъ ихъ разговоръ
Не слышимый и міру чуждый.

Не горе, нищета и нужды
Смущаютъ этотъ робкій духъ;
Не міру — взоръ, не міру — слухъ...
Передъ очьми ея иное,
Теперь сокрытое отъ насъ...
У всѣхъ молчанье гробовое,
И горекъ, страшенъ этотъ часъ,
И дологъ, долгъ онъ. Больная
Со смертью борется. Она,
Еще на мигъ оживлена,
Приподнялась, всѣхъ озирая,
Въ послѣдній мигъ, въ послѣдній часъ.
Но Наденьку она узнала,
Пожала тихо руку ей,
Къ дверямъ взглянула. У дверей
Старуха мамушка стояла
Одна, съ котомкой и клюкой.
И Варя руки протянула,
Ей улыбнулась, и заснула
На-вѣкъ съ улыбкой неземной.

И долго мамушка стояла,
Не всплакала, не зарыдала,
Глядѣла зорко на неё—
И было въ домѣ тихо все.

День наступилъ, ночь день смѣнила,
Смѣнилъ ночь эту день другой,
И день, какъ прежній, все-жъ такой,
И жизнь, какъ прежде, суетила—
По улицамъ и шумъ и крикъ,
И въ тѣснотѣ двѣ клячи дроги
Тащили, двигая чуть ноги.
Не пышенъ поѣздъ, не великъ,
И гробъ. У гроба онъ безмолвно
Шелъ, не глядя на мертвый ликъ.
Въ его душѣ было такъ темно!
Раскаянье проснулось въ немъ...
Очамъ его предстало грозно
Въ умершей образѣ земномъ,
И глянулъ онъ на жизнь, но поздно.
Вотъ насыпь изъ земли, на ней
Крестъ — вѣчный памятникъ могилы.
Онъ слышитъ голоса людей,
Онъ видитъ, падаетъ безъ силы
Старуха съ воплемъ у креста,
Онъ внемлетъ звукъ, душѣ отрадной,
И устремляетъ взоры жадно.

Иль неземная красота,
Иль ангелъ жизни тиховѣйной?
И онъ челомъ предъ ней поникъ,
И онъ скрестилъ благоговѣйно
На сердцѣ руки. Страшный крикъ
Изъ сердца вырвался, и снова—
Все тихо, никого съ нимъ нѣтъ.
Стоитъ онъ на могилѣ новой,
И видѣнъ чей-то свѣжій слѣдъ.

Вы видите, читатель, сами,
Что много я помучилъ васъ.
Разстанемся-жъ теперь друзьями
Съ моимъ героемъ въ добрый часъ.
Онъ будетъ ли, какъ прежде, съ нами,
Или поѣдетъ на Кавказъ
Искать чиновъ, искать отличья?
По скромности и изъ приличья
Объ этомъ умолчу здѣсь я.
Онъ не зависитъ отъ меня,
Ему открытая карьера
И на Кавказъ и въ Петербургъ.
До сихъ поръ не было примѣра,
Чтобы выслуживались вдругъ.
Онъ тоже будетъ по-маленьку
Служить и жить себѣ скромненько,
Да наполнять свой формуляръ.

Быть можетъ, онъ въ вагонѣ смирно
Сидитъ теперь, и рвется паръ,
Таща, неся свой поѣздъ длинной,
Быть можетъ, скачетъ на ямскихъ
И, за казенные прогоны
Перегоняя долговыхъ,
Встрѣчаетъ низкіе поклоны
И почтарей, и ямщиковъ,
Да слушаетъ разсказы важно
Про горцевъ, смѣлыхъ казаковъ,
Про битвы и набѣгъ отважной
И самъ подраться онъ готовъ.
Богъ съ нимъ! пускай онъ ѣдетъ смѣло!
Намъ до него совсѣмъ нѣтъ дѣла!
Прости-жъ и ты, читатель мой!
Твоимъ терпѣньемъ долго, долго
Я тѣшился, и много, много
Я недоволенъ самъ собой!
Разсказъ тянулся мой такъ вяло,
Анахронизмовъ въ немъ не мало,
Не мало и другихъ грѣховъ:
Необработанныхъ стиховъ,
Не рѣдко мысли неразвитой,
Сценъ самыхъ простенькихъ, такихъ,
Что я и самъ стыжусь за нихъ,
Да будетъ-же все позабыто!
Не осуди за то меня!

Изображалъ картину я
Изъ быта средняго, простова.
Картина кончена, готова.
Понравится-ль тебѣ она,
Иль будешь ею недоволенъ?
Я не стираю съ полотна,
Я въ ней теперь уже не воленъ.
Она на выставкѣ — и мой
Трудъ конченъ, кончена работа,
А съ нею вмѣстѣ и забота:
Изобразилъ ли вѣрно я?
Не обвинятъ ни въ чемъ меня!
Все своевременно, все вѣрно;
Не виноватъ же я, примѣрно,
Что вѣкъ тотъ былъ совсѣмъ иной,
Не индюстрованный такой,
Безъ паровозовъ, пароходовъ,
Безъ молотилокъ, безъ приводовъ,
Безъ силъ вращательныхъ паровъ,
Безъ всякаго усовершенья,
Безъ быстроты всесообщенья,
Безъ нашей прозы и стиховъ,
Безъ нашего столокруженья,
Одизма и другихъ проказъ...
Довольно, конченъ мой разсказъ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Примѣчанія и статьи объяснительныя или, лучше, оправдательныя будутъ изданы особою брошюрой; здѣсь же напечатанное въ первой части на

Стр. и въ строк.			слѣдуетъ читать:
4	—	5	Сужденія о жизни женатаго и холостаго.
34	—	4	Глядишь ты заспанной такой!
51	—	1	Продлите же свое участье,
63	—	3	Онъ такъ доволенъ всѣмъ по виду,
75	—	24	Charmant!

Во второй части:

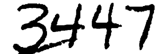
Стр. и въ строк.			
145	—	4	Въ отставкѣ только-что корнетъ!..
			Для жизни это слишкомъ мало;
			Но былъ тутъ маленькимъ разсчетъ.
[illegible]	—	23	Его до вѣчнаго покоя
			Никто, ничто не возмутитъ!

Въ третьей части:

Стр. и въ строк.			
19	—	22	Все мимо, мимо... Тускнутъ взоры
46	—	16	Заплачешь. «Дитятко родное,
49	—	1	Души онъ полный властелинъ:

Въ четвертой части:

Стр. и въ строк.			
129	—	21	О родѣ-племени своемъ.

PG
3447